

THE LIBRARY OF CONGRESS

АЛЕКСАНДРЪ СЕРГѢЕВИЧЬ ПУШКИНЪ.

Матеріалы для его біографіи.

Глава 2-я. Лицей.

Въ предыдущей главѣ, излагая первые годы жизни Пушкина, мы упомянули о томъ, что переходя изъ младенчества въ отроческій возрастъ, онъ уже сдѣлался предметомъ толковъ и споровъ въ небольшомъ кругу родныхъ и знакомыхъ, обнаруживая высокія способности, быструю понятливость, удивительную память, остроту ума, наконецъ талантъ стихотворческій.

Понятно, что родители и родственники стали заботливѣе думать о воспитаніи такого ребенка, и недовольные воспитаніемъ домашнимъ, которое при упомянутой смѣнѣ учителей и гувернеровъ не могло быть удовлетворительно, рѣшились отдать его въ общественное учебное заведеніе. Въ то время, т. е. около 1811 года, еще славился своимъ устройствомъ и воспитанниками благородный пансіонъ при Московскомъ университетѣ, состоявшій подъ вѣдѣніемъ А. А. Прокоповича-Антонскаго. Мы не знаемъ, отчего Сергѣй Львовичь не отдалъ сына въ этотъ пансіонъ. Можетъ быть направленіе пансіона не совсѣмъ согласовалось съ образомъ его мыслей. Родители Пушкина нарочно поѣхали въ Петербургъ, чтобы развѣдать,

куда бы лучше помѣстить сына [1]). Въ Петербургѣ уже нѣсколько лѣтъ пользовался извѣстностью благородный іезуитскій институтъ [2]); но въ высшемъ обществѣ, къ коему принадлежалъ Сергѣй Львовичь, особенно славился одинъ частный пансіонъ, учрежденный и прекрасно устроенный аббатомъ Николемъ, въ послѣдствіи устроителемъ Ришельевскаго лицея, и въ то время находившійся въ вѣдѣніи нѣкоего аббата Макара. Тамъ воспитывались дѣти изъ лучшихъ семействъ. Туда же намѣревались отдать и Пушкина [3]). Невольно подумаешь о томъ, что стало бы съ нимъ, какое бы получилъ онъ направленіе подъ руководствомъ аббата. Кажется не ошибемся, если скажемъ, что къ счастію его, въ то время открывался лицей въ Царскомъ Селѣ.

Лицей, прекрасный памятникъ заботливости Государя Александра Павловича о просвѣщеніи Россіи, имѣлъ на Пушкина вліяніе

---

[1]) Изъ записки Ольги Сергѣевны Павлищевой.

[2]) Институтъ этотъ учрежденъ и открытъ былъ въ январѣ 1803 года, состоялъ изъ 5 классовъ и воспитывалъ болѣе 60 мальчиковъ. Всѣ преподаватели, кромѣ священника, обучавшаго Закону Божію воспитанниковъ Грекороссійскаго исповѣданія, были изъ іезуитскаго ордена. См. „Періодическое сочиненіе объ успѣхахъ народнаго просвѣщенія“, 1814 года, № XXXVIII.

[3]) Объ этомъ говорится въ запискѣ О. С. Павлищевой.

рѣшительное. Не говоримъ уже о томъ, что постоянная жизнь въ Царскосельскомъ уединеніи, посреди прекрасныхъ тамошнихъ садовъ, питала въ немъ чувство изящнаго и любовь къ природѣ;—лицей подѣйствовалъ и на умъ его, сообщивъ его мыслямъ опредѣленное направленіе, и на сердце, давъ возможность рано развиться нѣжнымъ склонностямъ дружбы, чувствамъ чести и товарищества, однимъ словомъ, онъ вполнѣ раскрылъ всѣ его способности. Пушкинъ вспоминалъ о лицеѣ, какъ объ отеческомъ кровѣ, какъ о родимой обители. Въ 1827 году, посѣтивъ Царское Село въ первый разъ послѣ семилѣтней отлучки, онъ обращался къ садамъ его съ такими стихами:

Воспоминаньями смущенный,
Исполненъ сладкою тоской,
Сады прекрасные, подъ сумракъ вашъ священный
Вхожу съ поникшею главой.
Такъ отрокъ Библіи—безумный расточитель—
До капли истощивъ раскаянья фіалъ,
Увидѣвъ наконецъ родимую обитель,
Главой поникъ и зарыдалъ....

Во многихъ другихъ стихотвореніяхъ видна таже нѣжная привязанность. И такъ мы обязаны поговорить о лицеѣ сколько возможно подробнѣе.

Мысль объ основаніи его возникла въ первой половинѣ 1810 года. Кто сочинялъ уставъ или постановленіе о лицеѣ, неизвѣстно. Тогдашній министръ народнаго просвѣщенія, графъ Алексѣй Кириловичь Разумов-

скій сообщалъ проектъ этого постановленія знаменитому Французскому писателю графу Іосифу Местру, проживавшему въ то время въ Петербургѣ, гдѣ онъ находился прежде въ качествѣ Сардинскаго посланника. Графъ Местръ написалъ къ Разумовскому нѣсколько писемъ, въ которыхъ съ своей католической точки зрѣнія и какъ бы радѣя іезуитамъ, рѣшительно отказывалъ этому проекту въ своемъ одобреніи [4]). Но видно мнѣніе его не имѣло силы. 12-го августа того же года постановленіе о лицеѣ было Высочайше утверждено.

Изъ этого постановленія [5]), излагающаго въ 149 параграфахъ всѣ подробности административной и учебной части заведенія, узнаемъ, что «учрежденіе лицея имѣло цѣлью образованіе юношества, особенно предназначеннаго къ важнымъ частямъ службы государственной», что въ немъ «преподавались предметы ученія, важнымъ частямъ государственной службы приличные и для благовоспитаннаго юноши необходимо нужные»; что «лицей и члены его приняты были подъ особенное Его Императорскаго Величества покровительство и состояли подъ непосредственнымъ вѣдѣніемъ министра народнаго просвѣщенія», который въ концѣ каждой не-

---

[4]) Всѣхъ писемъ 5; они писаны лѣтомъ 1810 года; послѣднее письмо отъ $\frac{18}{30}$ іюля.

[5]) Оно напечатано въ Полномъ Собраніи Законовъ Россійской имперіи, см. Томъ XXXI, №. 24. 325.

дѣли получалъ отъ директора подробную вѣдомость о состоянiи лицея.

Августа 19-го, именнымъ указомъ, даннымъ министру народнаго просвѣщенiя, предписано было привести въ дѣйствiе постановленiе о лицеѣ. Въ концѣ этого указа читаемъ: «Я питаю твердое упованiе, что заведенiе сiе вскорѣ процвѣтетъ подъ управленiемъ начальства, коему оное ввѣряется [6].»

Государь подарилъ лицею собственную библiотеку, въ которой нѣкоторыя книги находились прежде въ личномъ его употребленiи и сохраняли драгоцѣнныя собственноручныя его замѣчанiя и отмѣтки [7]. Но высокое покровительство Августѣйшаго Учредителя выразилось особенно въ томъ, что для помѣщенiя лицея отведена была часть Царскосельскаго дворца [8]. Главноначальство-

---

[6]) См. Перiод. соч. объ успѣхахъ народн. просв., 1810 г. № XXVIII.

[7]) См. Отчетъ о состоянiи лицея, читанный на актѣ лицея, iюня 12-го, 1850 года профессоромъ Я. В. Ханыковымъ (нынѣ Оренбургскимъ гражданскимъ губернаторомъ) и напечатанный въ «Памятной книжкѣ Императорскаго Александровскаго Лицея на 1850—51 годъ», стр. 22. Изъ этого отчета узнаемъ, что въ 1850—51 году библiотека лицея состояла изъ 5,756 сочиненiй.

[8]) Та, въ коей нынѣ имѣютъ свои комнаты прiѣзжающiе съ докладами министры и статсъ-секретари.

вавшій надъ интендантскою конторою, графъ Литта, получилъ 3-го февраля 1811 года, именный указъ объ отдачѣ Царскосельскихъ строеній, назначенныхъ для лицея, въ вѣдѣніе министра народнаго просвѣщенія. Невозможно было сдѣлать лучшаго выбора. Лицей такимъ образомъ пользовался и необходимымъ въ теченіе большей части года уединеніемъ, и близостью столицы, открывавшею доступъ ко всѣмъ учебнымъ средствамъ и пособіямъ. Дворцовыя зданія Царскаго Села [9]), построенныя еще при Елисаветѣ Петровнѣ (1744) славнымъ художникомъ Растрелли, особенно украшены и возвеличены были во дни Екатерины, коей память еще такъ свѣжо сохранялась въ то время. Слава Ея имени и царствованія одушевляла лицеистовъ. Какъ сильны были эти впечатлѣнія, видно изъ одного ранняго стихотворенія Пушкина, *Воспоминанія въ Царскомъ Селѣ*, и особенно изъ слѣдующихъ неизданныхъ стиховъ его, напи-

---

[9]) Пушкинъ писалъ иногда *Царское*, иногда *Сарское* Село. Послѣднее правильнѣе и древнѣе. Мѣсто это первоначально называлось *Сарскою мызою*, отъ слова *сари* или *саари*, которое на Финскомъ языкѣ означаетъ *возвышенность*, *холмъ*, *островъ* и соотвѣтствуетъ Шведскому *гольмъ*: *Кексгольмъ* прежде назывался *Кексаари*. Царское Село лежитъ выше окружающихъ его мѣстностей. См. «Исторію Села Царскаго», Ильи Яковкина. Спб. 1829 г. ч. I, стр. 31—34.

санныхъ, если мы не ошибаемся, около 1827 г. т. е. лѣтъ чрезъ 10 по выходѣ изъ лицея:

»И славныхъ лѣтъ передо мною
Являлись вѣчные слѣды.
Еще исполнены великою женою
Ея любимые сады,
Стоятъ—населены чертогами, столпами,
Гробницами друзей, кумирами боговъ,
И славой мраморной, и мѣдными хвалами,
Екатерининскихъ орловъ!
Садятся призраки героевъ
У посвященныхъ имъ столповъ!
Глядите: вотъ герой, стѣснитель ратныхъ строевъ,
Перунъ Кагульскихъ береговъ.
Вотъ, вотъ могучій вождь полуночнаго флага,
Предъ кѣмъ морей пожаръ и плавалъ и леталъ,
Вотъ вѣрный братъ его, герой Архипелага,
Вотъ Наваринскій Ганнибалъ.» [10])

2-го іюня 1811 года именнымъ указомъ, даннымъ сенату, статскій совѣтникъ Малиновскій, находившійся при государственной коллегіи иностранныхъ дѣлъ, назначенъ былъ директоромъ лицея. Василій Ѳедоровичь Малиновскій [11]), братъ извѣстнаго Алексѣя Ѳе-

[10]) Какъ извѣстно, Екатерина воздвигла въ Царскомъ Селѣ памятники Румянцову, Орлову-Чесменскому, брату его, Ѳедору Григорьевичу и Ивану Абрамовичу Ганнибалу. Послѣдній былъ дѣдъ Пушкина по матери, что безъ сомнѣнія возвышало въ молодомъ лицеистѣ чувство чести и собственнаго достоинства.
[11]) О В. Ѳ Малиновскомъ мы не могли собрать

доровича, управлявшаго Московскимъ архивомъ иностранныхъ дѣлъ, издавна былъ пріятелемъ Пушкиныхъ. Уже это одно должно было расположить Сергѣя Львовича къ помѣщенію сына въ лицей. Сверхъ того лицей, какъ заведеніе вновь открываемое и при такой благопріятной обстановкѣ, внушалъ родителямъ довѣріе. Наконецъ нельзя упустить изъ виду и того обстоятельства, что лицеисты воспитывались безплатно [12]).

Лѣтомъ 1811 года молодой Пушкинъ въ первый разъ оставилъ родной свой городъ, Москву. Дядя, Василій Львовичь повезъ его въ Петербургъ [13]). Еще и теперь нѣкоторые

свѣдѣній. Но самое избраніе его въ директора лицея уже свидѣтельствуетъ о высокихъ нравственныхъ его качествахъ, наслѣдованныхъ отъ отца, извѣстнаго старинному Московскому обществу, протоіерея Θеодора Авксентьевича.— Василій Θедоровичь Малиновскій издавалъ въ 1803 году въ Спб. *Осенніе вечера*; но это еженедѣльное изданіе остановилось на 8 номерахъ.—Сынъ его Иванъ Васильевичъ былъ въ лицеѣ однимъ изъ лучшихъ друзей Пушкина.

[12]) Извѣстно по преданію Въ постановленіи ничего объ этомъ не сказано.

[13]) Объ этомъ, равно какъ о пріязни Пушкиныхъ съ Малиновскимъ, говорится въ часто упоминаемой нами краткой, но драгоцѣнной запискѣ О. С. Павлищевой. — Въ эту поѣздку Василій Львовичь напечаталъ особою брошюрою (Спб. въ типографіи Шнора, 1811) свои *Два посланія* (къ В. А. Жуковскому и Д. В.

помнятъ, какъ онъ, вмѣстѣ съ двѣнадцати-лѣтнимъ племянникомъ, посѣщалъ Московскаго пріятеля своего, тогдашняго министра юстиціи Ивана Ивановича Дмитріева; разъ собираясь читать стихи свои, вѣроятно въ родѣ *Опаснаго Сосѣда*, онъ велѣлъ племяннику выдти изъ комнаты: рѣзвый, бѣлокурый мальчикъ уходя, говорилъ со смѣхомъ: «За чѣмъ вы меня прогоняете, я все знаю, я все уже слышалъ». [14])

До половины августа онъ готовился ко вступительному экзамену. Доступъ въ лицей былъ довольно затруднителенъ: въ постановленіи сказано, что «на первый случай полагалось принять въ лицей не менѣе 20 и не болѣе 30 воспитанниковъ, а въ послѣдствіи времени по соображенію съ хозяйственнымъ состояніемъ лицея». [15]) Многіе родители пріѣхали въ Петербургъ для опредѣ-

---

Дашкову); въ послѣднемъ онъ защищается отъ нападокъ А. С. Шишкова, который печатно отозвался о немъ, что онъ научился благочестію въ Кандидѣ, а благонравію и знаніямъ въ Парижскихъ переулкахъ.

[14]) Сообщено однимъ очевидцемъ. О томъ, что Пушкинъ въ дѣтствѣ имѣлъ свѣтлорусые волосы, см. Французскіе стихи его *Mon portrait* (т. IX, стр. 429):

J'ai le teint frais, les cheveux blonds
Et la tête bouclée.

[15]) На содержаніе лицея опредѣлено было отпускать ежегодно 96,545 руб. Лицей вообще содержался богато.

ленія дѣтей своихъ; [16]) но только 38 человѣкъ были допущены къ экзамену, и въ это число Василью Львовичу удалось включить племянника своего, благодаря совѣтамъ и ходатайству Александра Ивановича Тургенева, въ то время служившаго при министрѣ духовныхъ дѣлъ, князѣ А. Н. Голицынѣ. Могъ ли Тургеневъ думать, что этотъ мальчикъ, которому по добротѣ своей онъ открывалъ доступъ въ лицей, сдѣлается знаменитымъ поэтомъ, и что чрезъ 26 лѣтъ онъ ока-

---

[16]) Дѣти, не поступившіе въ лицей, размѣстились пансіонерами у профессоровъ, и одинъ изъ послѣднихъ, Гауеншильдъ, образовалъ у себя довольно значительное заведеніе, которое вскорѣ, именно въ началѣ 1813 года, было причислено къ лицею, подъ названіемъ *благороднаго лицейскаго пансіона.* (См. въ Полномъ Собраніи Законовъ, подъ № 25,509. *постановленіе* объ этомъ пансіонѣ), Изъ него воспитанники поступали въ лицей, такъ что лицеисты составляли высшій курсъ, а пансіонеры низшій. Пансіонъ помѣщался въ зданіи прямо противъ Дворцоваго сада. Лицеисты и пансіонеры безпрестанно видались между собою. Послѣднихъ было болѣе 150 человѣкъ; въ томъ числѣ братъ Пушкина, Левъ Сергѣевичъ (потомъ перешедшій въ благородный пансіонъ при педагогическомъ институтѣ) Николай Ивановичъ Павлищевъ, въ послѣдствіи зять Пушкина и Павелъ Воиновичъ Нащокинъ, еще въ то время подружившійся съ Пушкинымъ. За пансіонеровъ брали по 1,000 р. въ годъ.

жетъ ему другую услугу: отвезетъ его тѣло на послѣднее жилище!

Августа 12-го, 38 мальчиковъ подвергнуты были предварительному испытанію, и 30 изъ нихъ, въ томъ числѣ Пушкинъ, удостоены принятія въ лицей [17]), на что и послѣдовало Высочайшее утвержденіе, испрошенное директоромъ лицея [18]).

Лицей торжественно открылся 19-го октября 1811 года, — день, незабвенный для Пушкина и его товарищей, день, въ который они потомъ ежегодно праздновали, и памяти котораго Пушкинъ посвятилъ нѣсколько лучшихъ стихотвореній своихъ [19]).

Вы помните: когда возникъ лицей,
Какъ Царь для насъ открылъ чертогъ Царицынъ.
И мы пришли, и встрѣтилъ насъ Куницынъ
Привѣтствіемъ межь царственныхъ гостей.

Съ утра всѣ члены Августѣйшей фамиліи, (кромѣ младшихъ Великихъ Князей и Ве-

---

[17]) См. первую статью В. П. Гаевскаго о Дельвигѣ, въ февральской книжкѣ Современника, 1853 года, стр. 63.

[18]) См. постановленіе о лицеѣ.

[19]) Сюда мы относимъ стихотвореніе *19-е октября 1825 года* (томъ III, стр. 16), *19-е октября 1827 года* (тамъ же, стр. 104), двѣ *Лицейскія годовщины*, изъ коихъ одна (томъ IX, стр. 157), начинающаяся стихомъ: «Чѣмъ чаще празднуетъ лицей», написана вѣроятно въ 1831 году, въ годъ смерти Дельвига; а другая (томъ IX. стр. 235) изъ коей приведены нижеслѣдующіе стихи въ 1836 году.

ликой Княгини Екатерины Павловны, которая тогда жила въ Твери), первые чины двора, министры, члены государственнаго совѣта и проч., собрались въ придворную Царскосельскую церковь, которая вмѣстѣ была и лицейскою церковью, находясь въ срединѣ зданія и соединяя комнаты лицея съ Государевыми покоями. Директоръ лицея привелъ въ церковь всѣхъ воспитанниковъ, профессоровъ и чиновниковъ открываемаго заведенія. Отслушана была литургія, и потомъ все собраніе прошло по комнатамъ лицея, въ предшествіи придворныхъ пѣвчихъ и духовенства, которое освятило ихъ кропленіемъ святой воды. За тѣмъ всѣ собрались въ залу, гдѣ прочитаны были нѣкоторыя мѣста изъ Высочайше пожалованной лицею грамоты. Министръ просвѣщенія передалъ эту грамоту директору для храненія. За рѣчью, которую произнесъ директоръ [20]), профессоръ Кошанскій прочелъ списокъ чиновниковъ лицея и принятыхъ въ оный воспитанниковъ. Наконецъ къ симъ послѣднимъ

Сюда же можетъ быть относится столь замѣчательное по глубокому чувству стихотвореніе: *Безумныхъ лѣтъ угасшее веселье* (томъ III, стр. 201). — Открытіе лицея описано въ «Період. соч. объ успѣхахъ народн. просв.» 1812 г. № XXXII. См. также вышеуказанную статью Гаевскаго (стр. 63, 64), который пользовался архивомъ лицея.

[20]) См. «Період. соч. объ успѣхахъ нар. просв.», 1812, № XXXII.

обратился съ рѣчью профессоръ Куницынъ. Впечатлѣніе, произведенное этою рѣчью, сохранялось въ памяти Пушкина черезъ 25 лѣтъ, какъ видно изъ вышеприведенныхъ стиховъ, написанныхъ въ 1836 году. Въ этой рѣчи, за которую Куницынъ получилъ орденъ, между прочимъ читаемъ: «Познанія ваши должны быть обширны, ибо вы будете имѣть непосредственное вліяніе на благо цѣлаго общества. Государственный человѣкъ долженъ знать все, что только прикасается къ кругу его дѣйствія... Государственный человѣкъ, будучи возвышенъ надъ прочими, обращаетъ на себя взоры своихъ согражданъ; его слова и поступки служатъ для нихъ примѣромъ. Если нравы его безпорочны, то онъ можетъ образовать народную нравственность болѣе собственнымъ примѣромъ, нежели властію.... Благорастворенный воздухъ, безмолвное уединеніе, воспоминаніе о великой въ женахъ и о воспитаніи въ семъ мѣстѣ Августѣйшаго Внука Ея, воскриляетъ младые таланты...Вы ли не устрашитесь быть послѣдними въ вашемъ родѣ? Вы ли захотите смѣшаться съ толпою людей обыкновенныхъ, пресмыкающихся въ неизвѣстности и каждый день поглощаемыхъ волнами забвенія? Нѣтъ! да не развратитъ мысль сія вашего воображенія. Любовь къ славѣ и отечеству должна быть вашимъ руководителемъ!» [21]) По окончаніи рѣчи, Государь осмо-

---

[21]) Рѣчь эта, названная *Наставленіемъ о цѣли и пользѣ воспитанія ихъ* (т е. лицеистовъ)

трѣлъ помѣщеніе воспитанниковъ [22]) и удостоилъ своего присутствія обѣденный столъ ихъ. Торжество заключилось иллюминаціею.

Это происходило въ четвергъ. Черезъ четыре дня, въ понедѣльникъ, 23-го октября, началось въ лицеѣ ученіе [23]).

Преподаваніе наукъ въ лицеѣ, какъ и все внутренное устройство его, имѣло особенный характеръ. Уравненный въ правахъ съ Русскими университетами [24]), онъ не походилъ на сіи послѣдніе уже по самому воз-

---

напечатана въ вышеупоминаемомъ «Періодическомъ сочиненіи», № XXXII, 1812 года. Вмѣстѣ съ рѣчью директора Малиновскаго она оттиснута была въ числѣ 300 экземпляровъ, которые розданы были посѣтителямъ въ день открытія лицея и разосланы по ученымъ и учебнымъ заведеніямъ. См. у г. Гаевскаго, стр. 64.

[22]) Собственное помѣщеніе лицеистовъ состояло изъ отдѣльныхъ комнатъ, которыя шли въ два ряда, раздѣляемыя корридоромъ. По концамъ корридора стояли двѣ огромныя умывальницы. Каждый воспитанникъ имѣлъ особую комнату, съ кроватью и всѣми необходимыми принадлежностями. Въ одной изъ этихъ комнатъ помѣщался надзиратель. Проволочныя рѣшетки въ верхнихъ половинахъ дверей давали возможность изъ корридора видѣть, что дѣлалось въ комнатахъ.

[23]) См у г. Гаевскаго, стр. 65.

[24]) См. постановленіе. Лицей даже превышаетъ университеты: воспитанники его могутъ получать въ гражданской службѣ отъ 14 до 9-го

расту своихъ питомцевъ, которые при поступленіи имѣли отъ 10 до 12 лѣтъ [25]); но, съ другой стороны, въ высшемъ, четвертомъ курсѣ лицея преподавалось ученіе, обыкновенно излагаемое только съ университетскихъ каѳедръ. Такимъ образомъ онъ соединялъ въ себѣ характеры такъ называемыхъ высшихъ и среднихъ учебныхъ заведеній. Лицеистъ, въ теченіе шести лѣтъ, узнавалъ науки отъ первыхъ начатковъ до философическихъ обозрѣній.

Въ «постановленіи о лицеѣ» подробно изложены предметы, способъ и распредѣленіе преподаванія. Тамъ сказано, что «самое большое число часовъ въ недѣлю должно посвящать обученію грамматики, наукъ историческихъ и словесности, особливо языкамъ иностраннымъ, которые должны быть преподаваемы ежедневно не менѣе 4 часовъ.» Директору вмѣнялось въ обязанность стараться о томъ, чтобы воспитанники разговаривали между собою на Французскомъ и Нѣмецкомъ языкахъ поденно. Языкамъ Греческому, Англійскому и Итальянскому вовсе не учили. Латинскому языку дано было второстепенное мѣсто; его причислили къ каѳедрѣ Русской словесности, которую занималъ профессоръ Николай Ѳедоровичь *Кошанскій* [26]). Онъ училъ также и языку цер-

класса, а въ военную поступаютъ наравнѣ съ воспитанниками Пажескаго корпуса.

[25]) Тамъ же

[26]) Кошанскій пріобрѣлъ общую извѣстность сво-

ковно-Славянскому. Въ § 45 постановленія читаемъ: «Ученіе Славянской грамматики для кореннаго познанія Россійскаго слова необходимо; а потому и должно быть обращено на часть сію особенное вниманіе.» На

ими общею и частною реториками, которыя лишь въ недавиее время вышли изъ употребленія. Пушкинъ не учился по этимъ руководствамъ: Общая реторика (имѣвшая 9 изданій) появилась въ первый разъ въ 1829 году, а частная (5 изданій) въ 1832 году. Кромѣ того Кошанскій извѣстенъ своею Латинскою грамматикою, составленною по Бредеру, имѣвшею 11 изданій (уже въ 1823 году 3-е изданіе), Корнеліемъ Непотомъ и баснями Федра. Онъ напечаталъ также нѣсколько переводовъ. Кошанскій по смерти Малиновскаго нѣсколько времени исправлялъ должность директора лицея (см. памятную книжку лицея на 1852—1853 годъ, стр. 66). Г. Гаевскій, на 68 стр. первой статьѣ своей о Дельвигѣ, говоритъ, что въ послѣдній годъ пребыванія въ лицеѣ Пушкина, Кошанскаго замѣнилъ профессоръ П. Г. Георгіевскій. Кажется это не такъ: при описаніи выпускнаго акта, 1817 года, Кошанскій упоминается въ числѣ профессоровъ; про него сказано, что онъ получилъ орденъ Св. Владиміра 4-й степени. (См. Сынъ Отеч. 1817 года, № 26, стр. 277). Заимствуемъ у г. Гаевскаго слѣдующее любопытное и характеристическое извѣстіе. П. А. Плетневъ сочинилъ посланіе къ Дельвигу, начинавшееся вопросомъ: «Дельвигъ, гдѣ ты учился языку боговъ?» — «У Кошанскаго», отвѣчалъ Дельвигъ.

послѣднемъ курсѣ лицеисты слушали исторію изящныхъ искусствъ по Винкельману. Вообще въ преподаваніи словесности или «изящныхъ письменъ», какъ названа она въ постановленіи, главнымъ почиталось чтеніе образцовъ. Рядомъ съ нимъ дѣятельно шли практическія упражненія, и ученики подавали Кошанскому свои сочиненія не только въ прозѣ, но и въ стихахъ, обычай можетъ быть перенесенный изъ Московскаго университетскаго пансіона, въ которомъ Кошанскій учился и, кажется, нѣкоторое время былъ преподавателемъ. Объ этихъ стихотворныхъ упражненіяхъ въ классѣ, сохранился забавный анекдотъ. Профессоръ задалъ въ классѣ написать сочиненіе на тему: *Восходъ солнца.* Всѣ ученики написали, кто какъ умѣлъ и подали профессору свои листки и тетрадки. Остановка была за однимъ ученикомъ, который ни-какъ не могъ совладѣть съ трудною темою; у него была написана только одна фразою: «Грядетъ съ заката царь природы». Онъ сталъ просить Пушкина помочь ему. «Изволь», отвѣчалъ Пушкинъ, и въ одну минуту прибавивъ къ приведенному началу слѣдующіе три стиха:

И изумленные народы
Не знаютъ, что начать,
Ложиться спать или вставать,

подалъ листокъ профессору [27]).

[27]) См. Москвитянинъ, 1853, № 4, стр. 107, въ Смѣси; невѣрно перепечатано изъ *Лучей*.

Объ исторіи, которую, преподавалъ столь извѣстный въ послѣдствіи профессоръ Иванъ Козмичь *Кайдановъ* [28]), сказано въ постановленіи: «Во второмъ курсѣ исторія должна быть дѣломъ разума. Предметъ ея есть представить въ разныхъ превращеніяхъ государствъ шествіе нравственности, успѣхи разума и паденіе его въ разныхъ гражданскихъ постановленіяхъ.» Въ четвертомъ курсѣ лицеисты слушали философическое обозрѣніе знатнѣйшихъ эпохъ всемірной Исторіи по Боссюэту и Феррану. Кайдановъ преподавалъ также и географію.

Что касается до способа преподаванія, то профессорамъ вмѣнялось въ обязанность «не затемнять умъ дѣтей пространнымъ изъясненіемъ, но возбуждать собственное его дѣйствіе», «не диктовать уроковъ» и «избѣгать высокопарности». «Все пышное, высокопарное, школьное, совершенно удаляемо было отъ понятія и слуха воспитанниковъ». [29]).

Въ какой степени, и какимъ образомъ все это примѣнялось къ самому дѣлу, остается неизвѣстнымъ. Но нѣтъ сомнѣнія въ томъ, что лицейское преподаваніе было плодотворно. Лицеисты получили, и многіе изъ нихъ

---

[28]) Въ 1814 году въ Спб. вышли его «Основанія Всеобщей Политической Исторіи. Часть 1-я Древняя Исторія». По этой книжкѣ долженъ былъ учиться Пушкинъ. — «Краткое начертаніе Всеобщей Исторіи, соч. Ивана Кайданова» имѣло 13 изданій.

[29]) См. въ Постановленіи § 36 и слѣд.

навсегда сохранили, любовь къ наукѣ и просвѣщенію.

Выше назвали мы двухъ профессоровъ лицея. Слѣдуетъ упомянуть и объ остальныхъ. Законоучителемъ сначала былъ священникъ Николай Васильевичь *Музовской*, въ 1816 г. уѣхавшій въ Берлинъ для преподаванія православнаго закона Ея Величеству нынѣшней Государынѣ Императрицѣ. Мѣсто его въ Лицеѣ заступилъ временно священникъ Гавріилъ *Полянскій*, а потомъ одинъ изъ ученѣйшихъ членовъ нашего духовенства Герасимъ Петровичъ *Павскій* [30]). Психологію, логику, нравственную философію, науки политическія преподавалъ Александръ Петровичъ *Куницынъ* [31]), самый замѣтный изъ всѣхъ ли-

---

[30] См. Памятную Книжку лицея на 1852 — 1853 г. стр. 66. Здѣсь кстати замѣтимъ, что дома, въ Москвѣ, Пушкина училъ закону Божію, кромѣ названнаго нами Александра Ивановича Бѣликова, священникъ Алексѣй Ивановичь Богдановъ (доселѣ живущій), братъ того Петра Ивановича Богданова, который училъ князя П. А. Вяземскаго и о которомъ такъ часто упоминается въ Дневникѣ Студента.

[31]) Куницынъ, переживпій Пушкина, извѣстенъ слѣдующими сочиненіями: *Изображеніе взаимной связи Государственныхъ свѣдѣній* (*Спб. 1817; Право естественное*, *2 части*, *Спб. 1819*, *1820 Историческое изображеніе древняго судопроизводства въ Россіи*. Спб. 1843 г. — По первымъ двумъ книгамъ вѣроятно учился Пушкинъ. Кромѣ того въ нѣкоторыхъ

цейскихъ профессоровъ, по талантамъ, дару слова и по новости идей, которыя онъ излагалъ въ статьяхъ и, безъ сомнѣнія, въ лекціяхъ своихъ. Онъ получилъ образованіе въ Геттингенскомъ университетѣ и былъ въ близкихъ отношеніяхъ къ А. И. Тургеневу. О лекціяхъ Куницына Пушкинъ вспоминалъ всегда съ восхищеніемъ, и лично къ нему до смерти своей сохранилъ неизмѣнное уваженіе [32]). Мы увѣрены, что въ утраченныхъ запискахъ Пушкина много о немъ говорилось. — Каѳедру философіи и эстетики занималъ Александръ Ивановичъ Галичъ; объ отношеніяхъ къ нему лицеистовъ можно судить по двумъ посланіямъ Пушкина [33]). —

повременныхъ изданіяхъ находятся весьма замѣчательныя статьи Куницына.

[32]) См. Современникъ, 1838, № 2, статью П. А. Плетнева: *Александръ Сергѣевичъ Пушкинъ.*

[33]) Вотъ сочиненія Галича: *Исторія философскихъ системъ, по иностраннымъ руководствамъ составленная*, 2 части, Спб. 1818—1819; *Опытъ науки изящнаго*, Спб. 1825« *Логика выбранная изъ Клейна*, Спб. 1831 г.; *Картина человѣка, опытъ наставительнаго чтенія о предметахъ самопознанія, для всѣхъ образованныхъ сословій начертанный* Спб. 1834 г.; *Лексиконъ философскихъ предметовъ, Томъ 1-й*, Спб. 1845 г. Кромѣ того Галичъ перевелъ *Науку нравовъ* Герлаха. (Спб. 1833 г.) и вмѣстѣ съ В. Плаксинымъ издалъ: *Лѣтопись факультетовъ на 1835 годъ*, въ двухъ книгахъ. Посланія къ нему Пушкина находятся одно въ IX томѣ сочиненій послѣд-

Преподавателемъ наукъ математическихъ былъ Яковъ Ивановичъ *Карцовъ*.

Большое вліяніе, уже въ слѣдствіе частаго обращенія, вѣроятно имѣли на лицеистовъ преподаватели обоихъ иностранныхъ языковъ. Нѣмецкому языку училъ директоръ лицейскаго пансіона, Ѳедоръ Матвѣевичъ фонъ *Гауеншильдъ*, который по смерти Малиновскаго, послѣдовавшей въ началѣ 1814 года, около двухъ лѣтъ исправлялъ должность директора лицея [34]). Онъ хорошо зналъ по Русски и впослѣдствіи по желанію государственнаго канцлера, графа Н. И. Румянцева перевелъ на Нѣмецкій языкъ первые 6 томовъ исторіи Карамзина [35]). Но Нѣмецкій языкъ не полюбился Пушкину. Не смотря на то, что лицеистовъ обязывали говорить по-Нѣмецки, не смотря на примѣръ и внушенія Дельвига, онъ почти вовсе не зналъ этого языка.—Всѣхъ занимательнѣе и веселѣе были уроки профессора Французскаго языка, человѣка пожилыхъ лѣтъ, эмигранта, уже давно жившаго въ Россіи, оставившаго, съ

пяго (стр. 400), другое въ Россійскомъ музеумѣ, 1815 года, ч. IV, стр. 3. О томъ, что Галичь былъ профессоромъ въ лицеѣ, говоритъ г. Гаевскій (стр. 80); такъ ли это, не ручаемся.

[34]) См. Гаевскаго, стр. 71.

[35]) Съ седьмаго тома переводъ этотъ продолжалъ подъ смотрѣніемъ самаго Карамзина докторъ философіи Эртель. См. памятную книжку Императорскаго Александровскаго лицея, на 1850 и 1851 годъ.

соизволенія Екатерины II, свое настоящее имя Марата, столь страшно прославленное роднымъ его братомъ, и назвавшагося Бури, по мѣсту своего рожденія во Франціи [36]). Давыдъ Ивановичъ де Бури [37]) училъ во всѣхъ женскихъ заведеніяхъ Петербурга и всюду былъ любимъ за живой и веселый характеръ. Онъ между прочимъ переводилъ съ лицеистами на Французскій языкъ Недоросля фонъ Визина [38]).

При исчисленіи людей, имѣвшихъ вліяніе на лицеистовъ [39]), нельзя пройти молчаніемъ

---

[36]) Лице его напоминало портреты брата. Сообщено П. В. Нащокинымъ.

[37]) Бури или Будри издалъ: *Первыя основанія Французскаго языка или новую грамматику, въ пользу Россійскаго юношества*, *2 части*, *Спб. 1811—1812 и Сокращеніе Французской грамматики*, *Спб. 1819*.

[38]) Сообщено П. В. Нащокинымъ.

[39]) Въ «Спискѣ чиновникамъ Императорскаго лицея, кои получили Всемилостивѣйшія награжденія», въ 1817 г., упомянуты еще: инженеръ-полковникъ баронъ *Эльснеръ*, учитель фехтованія *Вальвиль*, учитель музыки капельмейстеръ *Теппель де Фергузонъ*, учитель танцованія *Эбергардъ*, докторъ *Пешель* (онъ былъ и придворнымъ докторомъ) и экономъ *Роттастъ*. См. Сынъ Отеч. 1817, № 26, отъ 26 го іюня, стр. 277. Въ памятной книжкѣ лицея на 1852-1853 годъ въ *спискѣ служившимъ съ 1811 года въ разныхъ должностяхъ при Лицеѣ* (65—75), ко времени пребыванія Пушкина

ихъ неразлучнаго собесѣдника, учителя рисованія и гувернера, Сергѣя Гавриловича *Чирикова*, который занималъ эту должность въ теченіи многихъ лѣтъ. Лицеисты любили его. У него бывали литературныя собранія. Въ его гостиной, надъ диваномъ, долго сохранялось нѣсколько шуточныхъ стиховъ, написанныхъ на стѣнѣ Пушкинымъ [40]),— Чистописанію училъ Фотій Петровичъ *Калиньичъ*.

Всѣ эти люди, посреди которыхъ протекло

относятся еще слѣдующія лица: инспекторъ подполковникъ Ст. Ст. *Фроловъ* (съ 1816 г.; прежде онъ былъ надзирателемъ, а въ 1816 г. исправлялъ должность директора); надзиратели Март. Степ. *Пилецкій-Урбановичъ* (1811-13) и Вас. Вас. *Чачковъ* (1813—14); учители Латин., Нѣм. и Франц. словесности Ал. Яков. *Ренненкампфъ* (1812—1813), физикоматемат. наукъ Вас. Мих. *Архангельскій* (съ 1815 г.), Франц. языка Кар. Егор. *Кюкюэль* (1814—1815) и Ив. Ив. *Трико* (1816), Нѣмец. баронъ Ал. Ѳед. *фонъ-деръ-Остенъ Сакенъ* (1817) и Вас. Андр. *Эртель* (1817); танцованія *Гюаръ* (1814—15) и *Билье* (1815—1816); гувернеръ Алексѣй Никол. *Иконниковъ* (1811—12); помощники гувернеровъ Алексан. Павл. *Зерновъ* (1811—13), Ѳед. Ѳед. *Селецкій - Дзюрдзь* (1813—1814).

[40]) Въ этихъ стихахъ говорилось о литературныхъ собраніяхъ бывшихъ у Чирикова. Сообщено однимъ изъ позднѣйшихъ лицеистовъ г-номъ Унковскимъ.

отрочество Пушкина, имѣли или по крайней мѣрѣ могли имѣть на него всякаго рода вліяніе. Прямыхъ, положительныхъ свѣдѣній о пребываніи его въ лицеѣ, не смотря на все наше стараніе, мы не могли собрать много. Собственныя его записки, въ которыхъ безъ сомнѣнія онъ говорилъ подробно о лицейской своей жизни, сожжены; изъ его товарищей до сихъ поръ еще никто не подѣлился съ публикою воспоминаніями о томъ времени. Мы принуждены довольствоваться указаніями, разсѣянными въ сочиненіяхъ Пушкина и немногими собранными свѣдѣніями.

Едва только возникъ лицей, едва устроилось въ немъ правильное преподаваніе (затрудняемое сначала неравенствомъ въ познаніяхъ воспитанниковъ [41]), какъ внѣшнія политическія событія отвлекли отъ него вниманіе высшаго правительства. Но гроза двѣнадцатаго года плодотворно подѣйствовала и на молодыхъ лицеистовъ. Она оживляла и питала въ нихъ высокое чувство патріотисма, и конечно въ это время пробудилась въ душѣ Пушкина его горячая любовь къ родинѣ.

Вы помните: текла за ратью рать;
Со старшими мы братьями прощались,
И въ сѣнь наукъ съ досадой возвращались,
Завидуя тому, кто умирать
Шелъ мимо насъ.... [42]).

---

[41]) См. Гаевскаго, стр. 66.
[42]) См. сочин. Пушкина, т. IX, стр. 237.

Съ какимъ чувствомъ говоритъ пятнадцатилѣтній поэтъ о пожарѣ Москвы:

Края Москвы, края родные,
Гдѣ на зарѣ цвѣтущихъ лѣтъ
Часы безпечности я тратилъ золотые,
Не зная горестей и бѣдъ,
И вы ихъ видѣли, враговъ моей отчизны,
И васъ багрила кровь и пламень пожиралъ!
И въ жертву не принесъ я мщенье вамъ и жизни....
Вотще лишь гнѣвомъ духъ пылалъ [43])!

Блистательный конецъ отечественной войны, кровавыя славныя битвы 1813 года, наконецъ взятіе Парижа, всѣ эти чудныя событія подымали духъ народный, волновали всѣхъ и каждаго. Въ 1814 году лицеисты были ближайшими свидѣтелями народнаго торжества. Въ 20-хъ числахъ іюля Государь возвратился изъ-за границы. Въ Павловскѣ устроенъ былъ праздникъ въ честь гвардіи. Въ Царскомъ селѣ воздвиглись тріумфальныя ворота [44]).

Вы помните, какъ нашъ Агамемнонъ
Изъ плѣннаго Парижа къ намъ примчался.
Какой восторгъ тогда предъ Нимъ раздался!
Какъ былъ великъ, какъ былъ прекрасенъ Онъ,
Народовъ другъ, спаситель ихъ свободы!
Вы помните, какъ оживились вдругъ
Сіи сады, сіи живыя воды,
Гдѣ проводилъ онъ славный свой досугъ [45])!

---

[43]) Тамъ же, стр. 442.
[44]) Эти празднества памятны многимъ очевидцамъ.
[45]) См. сочин. Пушкина, т. IX, стр. 237.

То было время всеобщаго одушевленія. Такое время, плодотворное для всѣхъ, пробуждаетъ въ отдѣльныхъ лицахъ душевныя силы, вызываетъ къ дѣятельности природою данныя способности. Мы, не обинуясь, приписываемъ вліянію тогдашнихъ славныхъ событій быстрое развитіе поэтическаго таланта Пушкина; конечно вмѣстѣ съ тѣмъ признавая, что вліяніе это не было единственнымъ, что сему развитію способствовали и лицейское уединеніе, и счастливое дружество даровитыхъ отроковъ и поощренія просвѣщенныхъ наставниковъ. Муза, любившая Пушкина въ младенчествѣ, не забыла его и въ отрочествѣ.

Переходя къ расказу о поэтической дѣятельности Пушкина въ лицеѣ, не можемъ отказать себѣ въ удовольствіи напомнить читателямъ тѣ плѣнительныя выраженія, въ которыхъ самъ онъ говоритъ о ней.

Въ тѣ дни, когда въ садахъ Лицея
Я безмятежно разцвѣталъ,
Читалъ охотно Апулея,
А Цицерона не читалъ,
Въ тѣ дни, въ таинственныхъ долинахъ,
Весной, при кликахъ лебединыхъ,
Близь водъ, сіявшихъ въ тишинѣ,
Являться муза стала мнѣ.
Моя студенческая келья
Вдругъ озарилась. Муза въ ней,
Открыла пиръ младыхъ затѣй,
Воспѣла дѣтскія веселья,

И славу нашей старины,
И сердца трепетные сны [46]).

Въ 1820 г. въ Кишиневѣ, писалъ онъ:

Богини мира, вновь явились музы мнѣ
И независимымъ досугамъ улыбнулись;
Цѣвницы брошенной уста мои коснулись;
Старинный звукъ меня обрадовалъ: и вновь
Пою мои мечты, природу и любовь,
И дружбу вѣрную, и милые предметы,
Плѣнявшіе меня въ младенческіе лѣты,
Въ тѣ дни, когда еще незнаемый никѣмъ,
Не зная ни заботъ, ни цѣли, ни системъ,
Я пѣньемъ оглашалъ пріютъ забавъ и лѣни
И Царскосельскія хранительныя сѣни [47]).

Или обращаясь къ музѣ своей:

Младенчество прошло, какъ легкій сонъ....
Ты отрока безпечнаго любила.
Средь важныхъ музъ тебя лишь помнилъ онъ,
И ты его тихонько посѣтила [48]).

Въ одномъ изъ уцѣлѣвшихъ отрывковъ его записокъ читаемъ: «Я началъ писать съ 13-ти-лѣтняго возраста [49]).» Такое раннее начало отчасти становится для насъ понятнымъ, когда мы вспомнимъ, что Пушкинъ, по свидѣтельству брата своего, будучи ребенкомъ, проводилъ безсонныя ночи въ кабинетѣ отца и тайкомъ пожиралъ книги одну

---

[46]) Евгеній Онѣгинъ, первая строфа послѣдн. главы.
[47]) См. сочин. Пушкина, т. III, стр. 149, посланіе къ Ч. . . .
[48]) Изъ одного неизданнаго стихотворенія.
[49]) См. Соч. Пушкина, т. XI, стр. 225.

за другой [50]), что онъ необыкновенно рано началъ развивать свои способности и рано усвоилъ себѣ извѣстный запасъ свѣдѣній.

Какъ въ Московскомъ университетскомъ пансіонѣ около Жуковскаго образовалось дружеское литературное общество, такъ и въ лицеѣ любовь къ стихотворству,

Охота смертная на рифмахъ лепетать

собирала около Пушкина талантливыхъ отроковъ. Но направленіе и судьба этихъ дѣтскихъ литературныхъ обществъ были различны. Въ Московскомъ пансіонѣ, собранія молодыхъ любителей словесности, подъ предсѣдательствомъ Антонскаго и другихъ наставниковъ, наслѣдственно продолжались въ теченіе многихъ лѣтъ. Въ лицеѣ они скоро были остановлены за тѣмъ, что стихи мѣшали лицеистамъ учиться. — Литературный лицейскій кружокъ образовался очень рано, едва ли не тотчасъ по открытіи лицея. Главное участіе и первенство конечно принадлежали Пушкину. Другими участниками были: Дельвигъ, Илличевскій, Корсаковъ, князь А. М. Горчаковъ, баронъ М. А. Корфъ, С. Г. Ломоносовъ, Д. Н. Масловъ, Н. Г. Ржевскій, В. К. К-ръ, М. Л. Яковлевъ. Вмѣстѣ съ нѣкоторыми другими товарищами они вздумали издавать журналы, т. е. собирать свои произведенія, переписывать, разрисовывать, переплетать и проч. Такихъ журналовъ было четыре. Къ сожалѣнію мы ничего не

---

[50]) См. Москвит. 1853, № X, стр. 59.

можемъ сказать о содержаніи ихъ. Одинъ журналъ: *Лицейскій Мудрецъ*, остался во Флоренціи вмѣстѣ съ бумагами умершаго тамъ Николая Корсакова; остальные три: *Для удовольствія и пользы*, *Неопытное перо* и *Пловецъ*, въ 1825 году были отданы брату одного изъ лицеистовъ и недоступны любопытству біографа [51]).

По преданію, за достовѣрность котораго нельзя впрочемъ ручаться, первые *Русскіе* стихи Пушкинъ написалъ къ лучшему другу своего дѣтства, къ сестрѣ. Стихи эти доселѣ ходятъ въ рукописи. Надо замѣтить, что родители Пушкина, помѣстивъ младшаго сына своего въ пансіонъ Гауэншильда, переселились на житье въ Петербургъ [52]). Пушкинъ, во все пребываніе свое въ лицеѣ, кажется, ни разу не ѣздилъ въ Москву [53]). Выше-

---

[51]) Всѣ сіи свѣдѣнія заимствованы изъ статьи г. Гаевскаго, стр. 69 — 71. По преданію, былъ еще лицейскій журналъ *Сверчокъ*.

[52]) Въ послѣдніе годы пребыванія Пушкина въ лицеѣ и въ первые по выпускѣ, Сергѣй Львовичь съ семействомъ жилъ на Фонтанкѣ, у Калинкина моста, въ домѣ Клокачева, нынѣ сенатора Трофимова. (Отъ П. А. Плетнева.)

[53]) На отъѣздъ изъ лицея, можетъ быть кратковременный, въ Петербургъ, указываетъ начало одной его лицейской элегіи:

Опять я вашъ, о юные друзья!
Туманные сокрылись дни разлуки.

См. т. IX, стр. 314.

упомянутые стихи къ сестрѣ писаны изъ лицея въ Петербургъ. Они начинаются такъ:

Ты хочешь, другъ безцѣнной,
Чтобъ я, поэтъ младой,
Бесѣдовалъ съ тобой
И съ лирою забвенной.

Далѣе поэтъ переносится мечтою изъ уединенія своего подъ отчій кровъ.

Тайкомъ вошедъ въ диванну,
Хоть помощью пера,
О какъ тебя застану,
Любезная сестра!
Чѣмъ сердце занимаешь
Вечернею порой?
Жанъ Жака ли читаешь,
Жанлисъ ли предъ тобой?
Иль съ рѣзвымъ Гамильтономъ
Смѣешься всей душой?
Иль съ Греемъ и Томсономъ
Ты пренеслась мечтой
Въ поля, гдѣ отъ дубравы
Вдоль вѣетъ вѣтерокъ,
И шепчетъ лѣсъ кудрявый,
И мчится величавый
Съ вершины горъ потокъ?
. . . .
Но вотъ ужъ я съ тобой,
И въ радости нѣмой
Твой другъ разцвѣлъ душой,
Какъ ясный вешній день.
Забыты дни разлуки,
Дни горести и скуки,
Исчезла грусти тѣнь!
Но это лишь мечтанье!

Увы! въ монастырѣ,
При блѣдномъ свѣчь сіяньи,
Одинъ, пишу къ сестрѣ.
Все тихо въ мрачной кельѣ,
Защелка на дверяхъ,
Молчанье, врагъ веселья,
И скука на часахъ.
Стулъ ветхій, необитый
И шаткая постель,
Сосудъ водой налитый,
Соломенна свирѣль:
Вотъ все, что предъ собою
Я вижу пробужденъ.
Фантазія! тобою
Одной я́ награжденъ!
Тобою пренесенный
Къ волшебной Ипокренѣ
И въ кельѣ я блаженъ!
Что было бы со мною,
Богиня, безъ тебя? и проч.

Это, вѣроятно, первые звуки Пушкинской поэзіи. Вскорѣ и публика услышала гармоническое пѣніе, раздавшееся въ тиши лицейской. Въ первый разъ стихи Пушкина появились въ печати въ 1814 году [54]), въ лучшемъ повременномъ изданіи того времени, Вѣстникѣ Европы, коимъ завѣдывалъ тогда

---

[54]) Въ 1813 году, въ майской книжкѣ Вѣстника Европы находимъ осмистишіе *На смерть Кутузова*, съ подписью *А. Пушкинъ.* Но оно принадлежитъ не нашему поэту, а двоюродному дядѣ его, переводчику Мольерова Тартюфа, Алексѣю Михайловичу Пушкину: такъ

Владиміръ Васильевичъ Измайловъ. Дельвигъ предупредилъ друга своего: ода его *на взятіе Парижа* появилась въ іюньской (12-й) книжкѣ Вѣстника Европы 1814 года; въ слѣдующей книжкѣ находимъ первое печатное стихотвореніе Пушкина. Оно называется: *Къ другу стихотворцу*. Пятнадцатилѣтній поэтъ, изображая передъ Дельвигомъ опасности того поприща, на которое онъ выступилъ, между прочимъ говоритъ:

Аристъ, не тотъ поэтъ, кто риѳмы плесть умѣетъ,
И перьями скрыпя, бумаги не жалѣетъ.
Хорошіе стихи не такъ легко писать,
Какъ Витгенштеину Французовъ побѣждать.
Межъ тѣмъ какъ Дмитріевъ, Державинъ, Ломоносовъ,
Пѣвцы безсмертные, и честь и слава Россовъ,
Питаютъ здравый умъ и вмѣстѣ учатъ насъ,
Сколь много гибнетъ книгъ, на свѣтъ едва родясь!
Творенья громкія Риѳматова, Графова,
Съ тяжелымъ Бибрусомъ гніютъ у Глазунова;
Никто не вспомнитъ ихъ, не станетъ вздоръ читать,
И Фебова на нихъ проклятія печать.
....
Поэтовъ хвалятъ всѣ, читаютъ лишь журналы;
Катится мимо ихъ фортуны колесо;
Родился нагъ и нагъ ступаетъ въ гробъ Руссо;
Камоэнсъ съ нищими постелю раздѣляетъ;
Костровъ на чердакѣ безвѣстно умираетъ,

утверждаетъ почтенный библіографъ С. Д. Полторацкій. Раньше 1814 года мы не находимъ нигдѣ печатныхъ стихотвореній Пушкина.

Руками чуждыми могилѣ преданъ онъ:
Ихъ жизнь—рядъ горестей, гремяща слава—сонъ.

Конечно многіе наши стихотворцы охотно подписали бы свое имя подъ такими стихами. Въ слѣдующей книжкѣ Вѣстника Европы напечатано было второе стихотвореніе Пушкина: *Кольна* (*подражаніе Оссіану*); далѣе въ остальныхъ книжкахъ 1814 года находимъ еще три довольно слабыя піесы его: *Венерѣ отъ Лаисы при посвященіи ей зеркала*, *Опытность*, *Блаженство*. Всѣ эти стихотворенія, подъ коими Пушкинъ подписывался разными псевдонимами, доселѣ не вошли въ собраніе его сочиненій. Въ принадлежности ихъ ему удостовѣряетъ рукопись подъ названіемъ: *Собраніе лицейскихъ стихотвореній. Часть I. Напечатанныя піесы*. Въ этой рукописи, принадлежащей лицейскому товарищу Пушкина, барону М. А. Корфу и сообщенной имъ В. П. Гаевскому, находятся всѣ вышеуказанныя стихотворенія [55]).

Талантъ молодаго любимца боговъ зрѣлъ не по днямъ, а по часамъ. Съ каждымъ новымъ произведеніемъ замѣтно росли сила стиха, прелесть выраженія, смѣлость мысли, однимъ словомъ тѣ качества, которыя въ послѣдствіи сдѣлались всегдашнимъ, неотъемлемымъ его достояніемъ. Пушкинъ неудержимо предавался обаятельному искусству. Поэтическія мечтанія овладѣвали имъ совершенно.

Все волновало нѣжный умъ:
Цвѣтущій лугъ, луны блистанье,

---

[55]) См. Гаевскаго, стр. 76.

Въ часовнѣ ветхой бури шумъ,
Старушки чудное преданье.
Какой-то демонъ обладалъ
Моими играми, досугомъ;
За мной повсюду онъ леталъ,
Мнѣ звуки дивные шепталъ,
И тяжкимъ, пламеннымъ недугомъ
Была полна моя глава;
Въ ней грезы чудныя раждались;
Въ размѣры стройные стекались
Мои послушныя слова
И звонкой риѳмой замыкались.

Стихи грезились ему во снѣ. Такъ, въ Посланіи *къ Лицинію* [56], которое умышленно названо переводомъ съ Латинскаго, два слѣдующіе стиха:

Пускай Глицерія, красавица младая,
Равно всѣмъ общая, какъ чаша круговая,

сочинены во снѣ [57].

Посланіе къ Лицинію относится уже къ 1815 году. Годъ этотъ конечно былъ памятенъ Пушкину. Съ него начинается литературная извѣстность и слава его, дотолѣ ограниченныя тѣснымъ Царскосельскимъ кружкомъ. Въ этомъ году подъ стихами его уже находимъ полное его имя. О немъ заговорили.....

4-го и 8-го чиселъ января въ первый разъ происходило въ лицеѣ торжественное пуб-

---

[56]) См. сочин. Пушкина, т. III, стр. 117—120. Вышеприведенные стихи см. въ Разговорѣ книгопродавца съ поэтомъ.

[57]) Сообщено П. А. Плетневымъ.

личное испытаніе. Государь не могъ удостоить его своего присутствія: Онъ жилъ тогда въ Вѣнѣ. Тѣмъ не менѣе посѣтителей собралось множество. Не смотря на разстояніе, друзья просвѣщенія и важныя государственныя лица нарочно пріѣхали изъ Петербурга посмотрѣть вблизи на этотъ новый разсадникъ наукъ, столь любимый Его Величествомъ. Во время экзамена по предмету Русской Словесности вызвали Пушкина, и онъ прочелъ передъ многочисленнымъ собраніемъ свои *Воспоминанія въ Царскомъ Селѣ*, во многихъ мѣстахъ истинно-прекрасныя [58]). Всѣ слушатели почувствовали, что это не были обыкновенные, сочиненные на заданную тему стихи. Но безъ сомнѣнія немногіе внимали имъ съ такимъ участіемъ, какъ семидесятилѣтній Державинъ, почетнымъ гостемъ сидѣвшій на экзаменѣ. Онъ конечно не могъ безъ сердечнаго волненія слушать эти гармоническія строфы: въ нихъ говорилось о

---

[58]) *Воспоминанія въ Царскомъ Селѣ*, подъ коими Пушкинъ въ первый разъ подписалъ полное имя свое, напечатаны въ 1815 году, въ *Россійскомъ Музеѣ*, прекрасномъ по тому времени журналѣ, которымъ завѣдывалъ В. В. Измайловъ, передавшій Вѣстникъ Европы прежнему его издателю М. Т. Каченовскому. Измайловъ началъ ими четвертый нумеръ Музея, съ слѣдующимъ примѣчаніемъ: «За доставленіе сего подарка благодаримъ искренно родственниковъ молодаго поэта, котораго талантъ такъ много обѣщаетъ.»

Екатеринѣ, о прошломъ вѣкѣ, имъ воспѣтомъ, о немъ самомъ. Разстроганный, онъ поднялся съ креселъ и пошелъ обнимать молодаго поэта..... Но вотъ собственный расказъ Пушкина объ этихъ незабвенныхъ для него минутахъ: «Державинъ былъ очень старъ. Онъ былъ въ мундирѣ и въ плисовыхъ сапогахъ. Экзаменъ нашъ очень его утомилъ: онъ сидѣлъ поджавши голову рукою; лице его было безсмысленно, глаза мутны, губы отвислы. Портретъ его (гдѣ представленъ онъ въ колпакѣ и халатѣ) очень похожъ [59]). Онъ дремалъ до тѣхъ поръ, пока не начался экзаменъ въ Русской словесности. Тутъ онъ оживился: глаза заблистали, онъ преобразился весь. Разумѣется, читаны были его стихи, разбирались его стихи, поминутно хвалили его стихи. Онъ слушалъ съ живостію необыкновенной. Наконецъ вызвали меня. Я прочелъ мои *Воспоминанія въ Ц. С.*, стоя въ двухъ шагахъ отъ Державина. Я не въ силахъ описать состоянія души моей: когда дошелъ я до стиха, гдѣ упоминаю имя Державина [60]), голосъ мой отроческій зазвенѣлъ, а сердце забилось съ упоительнымъ восторгомъ.... Не помню, какъ я кончилъ свое чтеніе; не помню,

---

[59]) Портретъ этотъ вмѣстѣ съ аспидною доскою, на которой Державинъ написалъ послѣдніе предсмертные стихи свои, находится въ читальной залѣ Императорской Публичной Библіотеки.

[60]) *Державинъ и Петровъ героямъ пѣснь бряцали.*

куда убѣжалъ. Державинъ былъ въ восхищеніи: онъ меня требовалъ, хотѣлъ меня обнять.... Меня искали, но не нашли....» [61])

Сюда-то относятся слова Пушкина о музѣ своей:

И свѣтъ ее съ улыбкой встрѣтилъ.
Успѣхъ насъ первый окрилилъ.
Старикъ Державинъ насъ замѣтилъ
И въ гробъ сходя благословилъ [62]).

Или:

И славный старецъ нашъ, царей пѣвецъ избранный,
Крылатымъ геніемъ и граціей вѣнчанный,
Въ слезахъ обнялъ меня дрожащею рукой
И счастье мнѣ предрекъ, незнаемое мной [63]).

Но шестнадцати-лѣтній поэтъ привелъ въ восхищеніе не одного Державина. Всѣ дивились необыкновенному таланту. На большомъ обѣдѣ у министра народнаго просвѣщенія, графа Разумовскаго, о немъ шелъ общій говоръ. Всѣ предсказывали будущую его славу. Хозяинъ, обратясь къ Сергѣю Львовичу, который находился тутъ же, замѣтилъ между прочимъ: «Я бы желалъ однакожь образовать сына вашего къ прозѣ». — «Оставьте его поэтомъ,» возразилъ съ жаромъ Державинъ [64]).

[61]) См. сочин. Пушкина, т. XI, стр. 176—177.

[62]) Евгеній Онѣгинъ, вторая строфа послѣдней главы.

[63]) См. сочин. Пушкина, т. IX, етр. 329—330.

[64]) Передано Сергѣемъ Львовичемъ Бантышу-Каменскому; см. *Словарь его,* 1847 г., ч. 2-я, стр. 64—65.

Двѣ заключительныя строфы стихотворенія, пробудившаго такое всеобщее вниманіе, посвящены Жуковскому. Обращаясь къ нему, Пушкинъ говоритъ:

О Скальдъ Россіи вдохновенный,
Воспѣвшій ратныхъ грозный строй!
Въ кругу друзей твоихъ, съ душой воспламененной,
Взгреми на арфѣ золотой,
Да снова стройный гласъ герою въ честь прольется,
И струны трепетны посыплютъ огнь въ сердца.....

Предпослѣдній стихъ относится къ стихотворенію Жуковскаго, тогда только что появившемуся въ Петербургѣ. 30-го декабря 1814 года А. И. Тургеневъ въ Зимнемъ дворцѣ читалъ Императрицѣ Маріи Ѳеодоровнѣ, нѣкоторымъ членамъ Царскаго семейства и немногимъ ихъ приближеннымъ *Посланіе къ Императору Александру* [65]).

Въ это время Жуковскій проѣздомъ изъ

---

[65]) Объ этомъ чтеніи сохранилось письмо самого Тургенева къ Жуковскому. Посланіе къ Императору Александру писано въ селѣ Долбинѣ (Тульск. губ, Лихвинскаго уѣзда), съ 14-го по 24-е ноября, какъ значится въ собственноручной тетради Жуковскаго, названной имъ: *Долбинскія стихотворенія.* Оно было великолѣпно напечатано, на счетъ Государыни Маріи Ѳеодоровны, въ 1815 году; слѣдовательно Пушкинъ зналъ о немъ, когда оно было еще въ рукописи.

деревни въ Петербургъ жилъ въ Москвѣ. Пріятель его Василій Львовичь Пушкинъ получилъ изъ Петербурга новое стихотвореніе племянника своего. Сохранилось любопытное преданіе, что въ одинъ день Жуковскій пришелъ къ друзьямъ своимъ и съ радостнымъ видомъ объявилъ, что изъ Петербурга присланы прекрасные стихи. Это были *Воспоминанія въ Царскомъ Селѣ*. Онъ принесъ ихъ съ собою, читая вслухъ, останавливался на лучшихъ мѣстахъ и говорилъ: «Вотъ у насъ настоящій поэтъ!» [66])

Жуковскій видалъ Пушкина еще въ Москвѣ ребенкомъ; но настоящее знакомство ихъ началось лѣтомъ 1815 года. Послѣ неоднократныхъ вызововъ вдовствующей Государыни, въ концѣ весны, Жуковскій наконецъ пріѣхалъ въ Петербургъ, и въ теченіе лѣта и осени посѣщалъ Царское Село и Павловскъ, гдѣ читалъ Императрицѣ стихи свои [67]). Надо замѣтить, что въ это время онъ былъ наверху своей славы. Три изданія Пѣвца въ станѣ Русскихъ воиновъ раскупились въ одинъ годъ. Посланіе къ Императору Александру было принято съ восторгомъ, какъ выраженіе общихъ народныхъ чувствъ. Друзья носили Жуковскаго на рукахъ. Вдовствующая

---

[66]) Друзья Жуковскаго доселѣ помнятъ это чтеніе. Однимъ изъ слушателей былъ И. В. Кирѣевскій, коему мы обязаны за сообщеніе этого любопытнаго свѣдѣнія.

[67]) Жуковскій расказываетъ объ этомъ въ письмахъ къ друзьямъ своимъ.

Государыня отмѣнно ему благоволила. Тогда-то Пушкинъ написалъ къ нему посланіе, коимъ испрашивалъ себѣ благословенія у поэта на поэтическое служеніе.

Благослови, поэтъ! въ тиши Парнасской сѣни
Я съ трепетомъ склонилъ предъ музами колѣни,
Опасною тропой съ надеждой полетѣлъ,
Мнѣ жребій вынулъ Фебъ — и лира мой удѣлъ.....

. ...

И ты, природою на пѣсни обреченный,
Не ты ль мнѣ руку далъ въ завѣтъ любви священной?
Могу ль забыть я часъ, когда передъ тобой
Безмолвный я стоялъ, и молнійной струей
Душа къ возвышенной душѣ твоей летѣла
И, тайно съединясь, въ восторгахъ пламенѣла?
Нѣтъ, нѣтъ! рѣшился я безъ страха въ трудный путь;
Отважной вѣрою исполнилася грудь! [68])

Жуковскій полюбилъ, какъ роднаго, вдохновеннаго юношу. Онъ тотчасъ оцѣнилъ всю

[68]) См. замѣчательное посланіе это, появившееся въ печати уже по смерти Пушкина, въ IX т. его сочиненій, стр. 329—334. Оно писано вѣроятно въ концѣ 1816 или въ началѣ 1817 года; заключаемъ такъ по слѣдующимъ стихамъ:

Смотрите! пораженъ враждебными стрѣлами,
Съ потухшимъ факеломъ, съ недвижными крылами,
Къ вамъ Озерова духъ взываетъ, други, месть!

Озеровъ скончался въ октябрѣ 1816 года.

силу его таланта. По достовѣрному преданію [69]), 32-хъ-лѣтній, уже славный и опытный поэтъ, видаясь съ Пушкинымъ, нарочно читалъ ему свои стихи, и если въ слѣдующія свиданія Пушкинъ не вспоминалъ и не повторялъ ихъ, онъ считалъ произведеніе свое слабымъ, уничтожалъ или поправлялъ его. Между ними рано начались самыя нѣжныя отношенія. Съ нѣжнымъ, отеческимъ участіемъ Жуковскій радовался блестящимъ успѣхамъ Пушкина, снисходилъ къ его увлеченіямъ, прощалъ его заносчивость, берегъ его, заботился о немъ. Самъ Пушкинъ въ послѣдствіи называлъ его своимъ *Ангеломъ-хранителемъ* [70]).

Въ исходѣ 1815 года Государь окончательно возвратился изъ чужихъ краевъ, вторично побывавъ за Рейномъ, даровавъ снова миръ Европѣ. Разумѣется лицеисты одни изъ первыхъ увидали Его. Пушкинъ, такъ прекрасно Его назвавшій *грознымъ Ангеломъ* [71]), привѣтствовалъ Его возвращеніе

---

[69]) Сообщенному П. А. Плетневымъ.

[70]) Въ неизданномъ письмѣ къ брату изъ Михайловскаго, 1824 года.

[71]) Вы слыхали, люди добрые,
О царѣ, что двадцать цѣлыхъ лѣтъ
Не снималъ съ себя оружія,
Не слѣзалъ съ коня ретиваго,
Всюду пролеталъ съ побѣдою,
Міръ крещеный потопилъ въ крови,
Не щадилъ и некрещенаго,
И въ ничтожество низверженный

стихотворенiемъ, изъ коего считаемъ нужнымъ привести слѣдующiй отрывокъ. Описывая недавно бывшiя кровавыя побоища, Пушкинъ говоритъ между прочимъ:

А я.... вдали громовъ, въ сѣни твоей надежной....
Я тихо разцвѣталъ безпечный, безмятежный!
Увы! мнѣ не судилъ таинственный предѣлъ
Сражаться за Тебя подъ градомъ вражьихъ стрѣлъ!....
Сыны Бородина, о Кульмскiе герои!
Я видѣлъ какъ на брань летѣли ваши строи;
Душой восторженной за братьями спѣшилъ;
Почто жь на бранный долъ я крови не пролилъ?
Почто, сжимая мечь младенческой рукою,
Покрытый ранами не палъ я предъ Тобою,
И славы подъ крыломъ наутрѣ не почилъ?
Почто великихъ дѣлъ свидѣтелемъ не былъ? [72])

Александромъ, грознымъ ангеломъ,
Жизнь проводитъ въ униженiи —
И, забытый всѣми кличется
Нынѣ Эльбы Императоромъ.....

См. отрывокъ изъ поэмы: *Бова*, соч. Пушк., т. IX, стр. 250—251.

[72]) Стихотворенiе это: *На возвращенiе Государя Императора изъ Парижа въ 1815 году*, не вошло въ собранiе сочиненiй Пушкина. Оно напечатано съ полнымъ именемъ Пушкина въ Трудахъ Общ. Люб. Росс. Слов. при Москов. Унив. 1817 года, часть IX, стр. 25—28. Въ протоколѣ общества (часть VIII, стр. 193) сказано: «Это стихотворенiе Алек-

Возвращенія Государева ожидали приготовленные къ печати восемь томовъ Исторіи Государства Россійскаго. Въ первыхъ числахъ февраля 1816 года Карамзинъ привезъ ихъ въ Петербургъ, и поднесъ Государю. Кто изъ Русскихъ не знаетъ прекраснаго *посвященія*, коимъ начинается первый томъ Исторіи Государства Россійскаго? Карамзинъ читалъ друзьямъ своимъ это посвященіе. Пушкинъ присутствовалъ при чтеніи, жадно внималъ плѣнительнымъ выраженіямъ высокихъ, истинно патріотическихъ чувствъ, запомнилъ все и пришедши домой, записалъ отъ слова до слова, такъ что посвященіе сдѣлалось извѣстно въ лицейскомъ кружку гораздо прежде чѣмъ было напечатано [73]). Карамзинъ еще въ Москвѣ часто видалъ Пушкина, будучи пріятелемъ отца его и дяди. Геніальный юноша не могъ укрыться отъ его вниманія. Въ этотъ пріѣздъ свой Карамзинъ вѣроятно познакомился съ нимъ ближе, и успѣлъ привлечь его къ себѣ ласкою, одобреніемъ и участіемъ. Пушкинъ такъ говоритъ о томъ:

Сокрытаго въ вѣкахъ священный судія,
Стражъ вѣрный прошлыхъ лѣтъ, наперсникъ,
мужъ любимый

сандра Пушкина, воспитанника Царскосельскаго лицея» читано было въ засѣданіи 28-го апрѣля 1817 г. дѣйств. членомъ Вас. Львов. Пушкинымъ.

[73]) Этимъ свѣдѣніемъ мы обязаны И. В. Кирѣевскому. Какъ извѣстно, подъ посвященіемъ Карамзинъ выставилъ: *8-е декабря 1815 года.*

И блѣдной зависти предметъ неколебимый,
Привѣтливымъ меня вниманьемъ ободрилъ [74]).

Но это была лишь минутная встрѣча. Скоро представился случай къ сближенію ихъ. Карамзинъ уѣхалъ въ мартѣ въ Москву, но съ тѣмъ, чтобы возвратиться назадъ съ семействомъ своимъ. Государь приказалъ отвести ему въ Царскомъ Селѣ домъ на лѣто. Во второй половинѣ мая онъ оставилъ Москву (уже навсегда, хотя и не предполагалъ того) и поселился въ Царскомъ Селѣ. Тамъ, занимаясь продолженіемъ Исторіи и печатаніемъ первыхъ ея томовъ, онъ приглашалъ къ себѣ Пушкина, бесѣдовалъ съ нимъ, и Пушкинъ имѣлъ возможность слушать Исторію Государства Россійскаго изъ устъ самого исторіографа. Въ послѣдствіи, онъ писалъ къ брату своему, прося прислать Библію: «Библія для христіанина тоже, что исторія для народа. Этою фразой (наоборотъ) начиналось прежде предисловіе исторіи Карамзина. При мнѣ онъ ее и перемѣнилъ [75]).»

Пушкинъ горячо полюбилъ Николая Михайловича и супругу его, и сдѣлался у нихъ домашнимъ человѣкомъ. Какъ и Жуковскій, Карамзинъ любовался молодымъ поэтомъ,

---

[74]) См. сочин. Пушкина, т. IX. стр. 329.

[75]) Изъ неизданнаго письма къ брату, писаннаго въ Михайловскомъ, отъ 7-го декабря 1824 года, и благосклонно сообщеннаго намъ С. А. Соболевскимъ. — См. также: Біографическое извѣстіе объ А. С. Пушкинѣ, написанное братомъ его, Москва 1853, № 10, стр. 51.

предостерегалъ , удерживалъ , берегъ его, и послѣ спасъ въ одну изъ рѣшительныхъ минутъ его жизни.

Другъ Карамзина, Иванъ Ивановичъ Дмитріевъ, жившій въ Петербургѣ нѣсколько лѣтъ въ званіи министра юстиціи, также почтилъ своимъ вниманіемъ Пушкина, который говоритъ о томъ въ одномъ стихѣ своего посланія къ Жуковскому [76]):

И Дмитревъ слабый даръ съ улыбкой похвалилъ.

Столь же рано узналъ Пушкина и Батюшковъ, часто посѣщавшій Сергѣя Львовича еще въ Москвѣ и находившійся въ пріятельскихъ отношеніяхъ съ Василіемъ Львовичемъ. Во второй половинѣ 1814 года, онъ воротился въ Петербургъ изъ-за границы; въ это время Пушкинъ написалъ къ нему посланіе, начинающееся такъ:

Философъ рѣзвый и піитъ,
Парнасскій счастливый лѣнивецъ,
Харитъ изнѣженный любимецъ,
Наперсникъ милыхъ Аонидъ!
Почто на арфѣ златострунной
Умолкнулъ радости пѣвецъ [77])?

---

[76]) См. сочин. Пушкина, т. IX, стр. 329.

[77]) См. сочин. Пушкина, т. IX, стр. 430—433. Посланіе это въ первый разъ было напечатано въ I N Россійскаго музея, и подъ нимъ выставлено I..... 14—16, т. е. *А. Н. П.*, знаки часто встрѣчающіеся подъ лицейскими стихотвореніями Пушкина (цензурное дозволеніе этого номера Музея, 22-го декабря 1814 г.).

Убѣждая Батюшкова снова взяться за лиру, Пушкинъ говоритъ между прочимъ:

Поэтъ! въ твоей предметы волѣ!
Во звучны струны смѣло грянь,
Съ Жуковскимъ пой кроваву брань,
И грозну смерть на ратномъ полѣ.
И ты въ строяхъ ее встрѣчалъ,
И ты, постигнутый судьбою,
Какъ Россъ, питомцемъ славы палъ!
Ты палъ, и хладною косою
Едва, скошенный, не увялъ! [78])

Посланіе разумѣется дошло до Батюшкова. Онъ самъ совѣтовалъ Пушкину воспѣвать военныя событія, о чемъ заключаемъ по слѣдующимъ стихамъ изъ втораго къ нему посланія Пушкина [79]).

А ты пѣвецъ забавы,
И другъ Пермескихъ дѣвъ,
Ты хочешь, чтобы славы
Стезею полетѣвъ,

---

[78]) Это относится къ тяжелой ранѣ, полученной Батюшковымъ весною 1807 года, близь Гейльсберга, въ сраженіи, которое выдержали Русскія войска съ самимъ Наполеономъ. Батюшковъ долго послѣ того былъ боленъ. Нѣкоторые думаютъ, что именно эта рана потрясла весь организмъ его и въ послѣдствіи отчасти была причиною того печальнаго положенія, въ которомъ нынѣ находится онъ.

[79]) Оно не вошло въ собраніе сочиненій Пушкина, напечатано въ 6 N Россійскаго музея (ценсурное дозволеніе марта 29-го, 1815 г.) съ подписью: *Александръ Нкшп.*

Простясь съ Анакреономъ,
Спѣшилъ я за Марономъ
И пѣлъ при звукахъ лиръ
Войны кровавый пиръ.

Къ Батюшкову Пушкинъ сохранялъ неизмѣнное уваженіе. Онъ любилъ особенно свое стихотвореніе *Муза*, потому, что оно «отзывается стихами Батюшкова» [80]).

Такъ сближался Пушкинъ съ лучшими нашими писателями. Они рано отгадали въ немъ силу геніальную и съ радостнымъ участіемъ приняли въ свой кругъ. Въ то время Русская литература раздѣлялась на два стана. Россійская академія съ предсѣдателемъ своимъ А. С. Шишковымъ, и Бесѣда любителей Русскаго слова съ Державинымъ, кн. Шаховскимъ, Хвостовыми и проч., строго держась старыхъ правилъ искуства, завѣщанныхъ Лагарпомъ и Буало, чуждались нововведеній, возставали на Карамзина и Жуковскаго, еще любили громозвучныя и высокопарныя оды, уже, осмѣянныя остроумнымъ авторомъ *Чужаго Толка*, и усердно испещряли произведенія свои Славянскими словами и оборотами. *Разсужденіе о старомъ и новомъ слогѣ*, соч. А. С. Шишкова (1803) *Новый Стернъ*, комедія кн. Шаховскаго 1807) явно направлены были противъ Карамзина. Молодые послѣдователи и поклонники сего послѣдняго рѣшились отвѣчать. В. Л. Пушкинъ защищался отъ ака-

---

[80]) Собственныя слова Пушкина Н. Д. Иванчину-Писареву, см. Москвит. 1842. № 3, стр. 147.

демическихъ нападокъ Шишкова. Въ 1812 году Д. Д. В. Дашковъ былъ ислюченъ изъ С.-Петербургскаго общества любителей словесности за насмѣшливый панегирикъ графу Д. И. Хвостову, торжественно прочтенный въ засѣданіи общества [81]) Въ 1815 году, литературная брань возгорѣлась съ новою силою. Кн. Шаховской написалъ и поставилъ на сцену комедію: *Липецкія воды*, въ которой представилъ въ смѣшномъ видѣ Жуковскаго подъ имѣнемъ унылаго балладника *Фіалкина*. Эго подало поводъ друзьямъ Жуковскаго образовать свой кружокъ и самимъ дѣйствовать. Возникъ знаменитый Арзамасъ [82]), немилосердо преслѣдовавшій насмѣшками, пародіями, похвальными рѣчами и пр. Бесѣду и Академію. Въ Арзамасѣ тотчасъ приняли живое участіе лучшіе писатели, даровитые любители словесности, и назвались именами, взятыми изъ балладъ Жуковскаго, секретаря Арзамаса.

О веселыхъ собраніяхъ новаго литературнаго общества услышалъ въ Москвѣ страстный любитель всякаго рода шутокъ, каламбуровъ и остротъ, Василій Львовичь Пушкинъ; разумѣется, онъ тотчасъ захотѣлъ при-

---

[81]) Подлинный протоколъ Общества, рѣчь Дашкова и подробности о исключеніи его хранятся въ библіотекѣ С. Д. Полторацкаго, столь богатой разнообразными матеріалами для исторіи новой Русской словесности.

[82]) Первое засѣданіе Арзамаса было 14-го окт. 1815 года.

нять въ нихъ участіе, самъ выбралъ себѣ имя *Вотъ* (столь часто повторяемое въ балладахъ) и въ декабрѣ 1815 года пріѣхалъ въ Петербургъ. Арзамасцы торжественно, съ разными обрядами, приняли его и какъ старѣйшаго между ними назвали *старшиною* или *Старостою Арзамаса.*

Мы сочли нужнымъ упомянуть объ всемъ этомъ для того, чтобы читателямъ понятно было слѣдующее письмо Пушкина къ Василью Львовичу, какъ нельзя лучше изображающею отношенія ихъ, неизвѣстно почему называемыя г. Гаевскимъ *далеко не дружественными* [83]).

«Тебѣ, о Несторъ Арзамаса,
Въ бояхъ воспитанный поэтъ,
Опасный для пѣвцовъ сосѣдъ [84])
На страшной высотѣ Парнаса,
Защитникъ вкуса, грозный *Вотъ!*
Тебѣ, мой дядя, въ новый годъ,
Веселья прежняго желанье,

---

[83]) См. Современ. 1853, февраль, въ отдѣлѣ критики, стр. 82.

[84]) Намекъ на извѣстное стихотвореніе Василія Львовича: *Опасный сосѣдъ.* Пушкинъ называлъ воспѣтаго Василіемъ Львовичемъ *Буянова*, какъ произведеніе дяди, своимъ *двоюроднымъ братомъ;* см. XXVI строфу 5-й главы Евг. Онѣгина, въ исчисленіи гостей, пріѣхавшихъ на имянины Татьяны:

Мой братъ двоюродный Буяновъ,
Въ пуху, въ картузѣ съ козырькомъ
(Какъ вамъ конечно онъ знакомъ).

И слабый сердца переводъ —
Въ стихахъ и прозою посланье.»

«Въ письмѣ вашемъ вы называли меня братомъ; но я не осмѣлился назвать васъ этимъ именемъ, слишкомъ для меня лестнымъ.

Я не совсѣмъ еще разсудокъ потерялъ,
Отъ риѳмъ бакхическихъ шатаясь на Пегасѣ:
Я знаю самъ себя хоть радъ, хотя не радъ....
Нѣтъ, нѣтъ, вы мнѣ совсѣмъ не братъ:
Вы дядя мой и на Парнасѣ.

«И такъ, любезнѣйшій изъ всѣхъ дядей-поэтовъ здѣшняго міра, можно ли мнѣ надѣяться, что вы простите девятимѣсячную беременность пера лѣнивѣйшаго изъ поэтовъ-племянниковъ.

Да, каюсь я конечно передъ вами:
Совсѣмъ не правъ пустынникъ-риѳмоплетъ;
Онъ въ лѣности сравнится лишь съ богами;
Онъ виноватъ и прозой и стихами:
Но *старое* забудьте въ *новый* годъ.

«Кажется, что судьбою опредѣлены мнѣ только два рода писемъ, *обѣщательныя* и *извинительныя*: первыя, въ началѣ годовой переписки, а послѣднія при послѣднемъ ея издыханіи. Къ тому же примѣтилъ я, что и всѣ они состоятъ изъ двухъ посланій; это, мнѣ кажется, непростительно.

Но вы, которые умѣли
Простыми пѣснями свирѣли
Красавицъ нашихъ воспѣвать,
И съ гнѣвной музой Ювенала
Глухаго варварства начала
Сатирой грозной осмѣять,
И мучить бѣднаго Ослова

Священнымъ Феба языкомъ,
И лобъ угрюмый Шутовскова
Клеймить единственнымъ стихомъ!
О вы, которые умѣли
Любить, обѣдать и писать —
Скажите искренно — уже ли
Вы не умѣете прощать?

«Напоминаю о себѣ моимъ незабвеннымъ; не имѣю больше времени, но.... надобно ли еще обѣщать? Простите, вы всѣ, которыхъ любитъ мое сердце, и которые любите еще меня....

Шолье Андреевичъ [85]) конечно
Меня забылъ давнымъ давно,
Но я люблю его сердечно
За то, что любитъ онъ безпечно
И пить и пѣть свое вино,
И надъ всемірными глупцами
Своими рѣзвыми стихами
Смѣется, право, пресмѣшно. [86])

---

[85]) Шолье — Французскій авторъ, если мы не ошибаемся, говоритъ о князѣ П. А. Вяземскомъ, съ которымъ Пушкинъ сблизился вѣроятно въ началѣ 1816 года, когда кн. Вяземскій пріѣзжалъ въ Петербургъ вмѣстѣ съ Карамзинымъ.

[86]) Посланіе это, писанное вѣроятно въ декабрѣ 1816 года, не вошло въ собраніе сочиненій Пушкина, кромѣ 5 стиховъ, помѣщенныхъ въ IX томѣ (стр. 373) подъ названіемъ: *Дядѣ, назвавшему сочинителя братомъ.* Мы нашли его въ Сынѣ Отечества 1821 (часть 68, N XI, стр. 178—180; тогда журналъ этотъ издавали

Какъ долженъ былъ радоваться Василій Львовичъ, получивъ это посланіе. Вообще онъ искренно любилъ племянника и спѣшилъ печатать стихи его.

Поэтовъ грѣшный ликъ
Умножилъ я собою,
И я главой поникъ
Предъ милою мечтою.
Мой дядюшка-поэтъ
На то мнѣ далъ совѣтъ
И съ музами сосваталъ [87]).

Самъ Пушкинъ, написавшій въ лицеѣ около ста стихотвореній, лишь немногія изъ нихъ отдавалъ въ печать и только подъ двумя или тремя выставилъ вполнѣ свое имя. Часто стихотворенія его печатались безъ его воли и вѣдома, о чемъ самъ полушутя говоритъ онъ въ одномъ посланіи къ Дельвигу.

Предатели-друзья
Невинное творенье
Украдкой въ городъ шлютъ,
И плодъ уединенья
Тиспенью предаютъ —
Бумагу убиваютъ.
Поэта окружаютъ
Съ улыбкой остряки.
«Ахъ, сударь! мнѣ сказали,
«Вы пишете стишки?
«Увидѣть ихъ нельзя ли?

Воейковъ и Гречь), гдѣ оно было напечатано конечно безъ вѣдома Пушкина.

[87]) См. сочин. Пушк. т. IX стр. 352.

«Вы въ нихъ изображали,
«Конечно, ручейки,
«Иль тихій вѣтерочекъ
«И рощи и цвѣтки...... [88]).

Уже въ то время онъ отличался въ этомъ отношеніи скромностію, порукою истиннаго дарованія, и тою совѣстливою строгостью къ самому себѣ, которой гордо держался до конца и которая не дозволяла ему являться передъ публикою иначе, какъ съ произведеніями вполнѣ отдѣланными. Оттого большая часть его лицейскихъ стихотвореній появились въ печати уже по смерти его. Стихотворенія эти разнообразны, какъ и самые случаи, ихъ вызвавшіе. Въ нихъ часто рисуется передъ нами жизнь разгульнаго, быстро созрѣвавшаго юноши со всѣми восторгами и увлеченіями пылкихъ страстей. Кромѣ лицейскихъ товарищей, кромѣ знакомствъ литературныхъ, у него былъ особенный кружокъ, въ которомъ нерѣдко проводилъ онъ свои досуги и который состоялъ отчасти изъ офицеровъ лейбъ-гусарскаго полка, стоявшаго въ Царскомъ Селѣ. Одинъ изъ сихъ послѣднихъ былъ почти ежедневнымъ собесѣдникомъ его. Пушкина всюду любили за остроту, веселонравіе, неистощимый запасъ шутокъ и всего болѣе за стихи, — а ими онъ, можно сказать, бросалъ на право и на лѣво. Иной стихотворецъ во всю жизнь не написалъ столько стиховъ, сколько Пушкинъ въ шесть лѣтъ лицейской жизни. Сознавъ силу

[88]) См. тамъ же.

своего таланта, онъ рѣшился не расточать его на произведенія мелочныя, и принялся за большой трудъ. Мы говоримъ о поэмѣ Русланъ и Людмила, которой первыя пѣсни писаны въ лицеѣ [89]).

Понятно, что при такомъ направленіи, не могло быть порядка и большихъ успѣховъ въ ученіи формальномъ, въ знаніи уроковъ и отвѣтахъ на экзаменѣ. Любопытны отзывы о немъ профессоровъ. Кайдановъ въ вѣдомости о дарованіяхъ, прилежаніи и успѣхахъ воспитанниковъ лицея по части географіи, всеобщей и Россійской исторіи, съ 1-го ноября 1812 по 1-е января 1814 отозвался о Пушкинѣ въ слѣдующихъ выраженіяхъ: «При маломъ прилежаніи оказываетъ очень хорошіе успѣхи, и сіе должно приписать однимъ только прекраснымъ его дарованіямъ. Въ поведеніи рѣзвъ, но менѣе противу прежняго.» Профессоръ Куницынъ говоритъ о немъ, въ вѣдомости почти за то же время: «Весьма понятенъ, замысловатъ и остроуменъ, но крайне не прилеженъ. Онъ способенъ только къ такимъ предметамъ, которые требуютъ малаго напряженія; а потому успѣхи его очень не

[89]) На стѣнахъ лицейскаго карцера долго оставались нѣкоторые стихи Руслана и Людмилы. Ф. П. Калинычъ, учитель каллиграфіи (онъ же и надзиратель) расказывалъ, что однажды вышедши изъ карцера, Пушкинъ говорилъ, что ему было тамъ весело, что онъ писалъ стихи. Сообщено г-номъ Унковскимъ.

велики, особливо по части логики [90]).» Наконецъ аттестатъ, выданный ему изъ лицея, свидѣтельствовалъ объ отличныхъ успѣхахъ его въ фехтованіи и танцованіи и ѳ посредственныхъ въ Русскомъ языкѣ [91]).

Но если Пушкинъ лѣнился въ классахъ, не выучивалъ уроковъ и въ лицейскихъ вѣдомостяхъ всегда бывалъ въ числѣ послѣднихъ, то взамѣнъ того онъ предавался чтенію со всѣмъ жаромъ геніальной любознательности. При своей необыкновенной памяти, быстротѣ пониманія и соображенія, онъ быстро усвоивалъ себѣ разнообразныя познанія. Въ лицейскомъ стихотвореніи *Городокъ*, написанномъ въ первой половинѣ 1815 года [92]), онъ перечисляетъ любимыхъ своихъ писателей.

Укрывшись въ кабинетъ,
Одинъ я не скучаю,
И часто цѣлый свѣтъ

---

[90]) См. у Гаевскаго, стр. 67.

[91]) Аттестата мы не имѣли случая видѣть, и заимствуемъ свѣдѣніе сіе изъ біографическаго извѣстія, написаннаго Л. С. Пушкинымъ. См. Москвит. 1853, № 10, стр. 51. Пушкинъ былъ отмѣнно ловокъ въ танцахъ, въ фехтованіи, въ играхъ, требовавшихъ проворства и тѣлесной гибкости, и проч.

[92]) См. Сочин. Пушк. т. IX, стр. 410—425. Городокъ напечатанъ въ 7 № Россійскаго Музея (цензурное дозволеніе іюня 22-го 1815 г.) нѣсколько въ иномъ видѣ и полнѣе противу сочиненій. Подъ нимъ въ Музеѣ выставлено: 1..... 17—14.

Съ восторгомъ забываю.
Друзья мнѣ мертвецы,
Парнасскіе жрецы,
Надъ полкою простою,
Подъ тонкою тафтою,
Со мной они живутъ,
Пѣвцы краснорѣчивы,
Прозаики шутливы,
Въ порядкѣ стали тутъ.
Сынъ Мома и Минервы,
Фернейскій злой крикунъ,
Поэтъ въ поэтахъ первый,
Ты здѣсь, сѣдой шалунъ!
Онъ Фебомъ былъ воспитанъ,
Изъ дѣтства сталъ піитъ;
Всѣхъ больше перечитанъ,
Всѣхъ менѣе томитъ.
На полкѣ за Вольтеромъ
Виргилій, Тассъ съ Гомеромъ,
Всѣ вмѣстѣ предстоятъ.
Питомцы юныхъ грацій —
Съ Державинымъ потомъ
Чувствительный Горацій
Является вдвоемъ.
И ты, пѣвецъ любезной,
Поэзіей прелестной
Сердца привлекшій въ плѣнъ,
Ты здѣсь, лѣнтяй безпечный,
Мудрецъ простосердечный,
Ванюша Лафонтенъ!
Ты здѣсь — и Дмитревъ нѣжный,
Твой вымыселъ любя,
Нашелъ пріютъ надежный
Съ Крыловымъ близь тебя.
Воспитаны Амуромъ

Вержье, Парни съ Грекуромъ
Укрылись въ уголокъ,
(Не разъ они выходятъ
И сонъ отъ глазъ отводятъ
Подъ зимній вечерокъ).
Здѣсь Озеровъ съ Расиномъ,
Руссо и Карамзинъ,
Съ Мольеромъ исполиномъ
Фонъ-Визинъ и Княжнинъ.
За ними, хмурясь важно,
Ихъ грозный Аристархъ
Является отважно
Въ шестнадцати томахъ:
Хоть страшно стихоткачу
Лагарпа видѣть вкусъ,
Но часто, признаюсь,
Надъ нимъ я время трачу, и проч.

Вообще Пушкинъ можетъ служить блестящимъ опроверженіемъ того мнѣнія, которое полагаетъ, что генію не нужны ученіе и трудъ. Къ счастію, ему открыты были въ лицеѣ всѣ средства для удовлетворенія любознательности и страсти къ чтенію. Для лицеистовъ выписывались даже иностранныя газеты. Но, сколько извѣстно, Пушкинъ не любилъ этого рода чтеніе.

Онъ не пробылъ въ лицеѣ положенныхъ шести лѣтъ. Зимою 1816 года въ лицейскомъ зданіи былъ пожаръ [93]), и необходимыя по сему случаю перестройки вѣроятно ускорили первый выпускъ лицеистовъ, назначенный въ маѣ 1817 года. Но прежде

---

[9]) Сообщено П. В. Нащокинымъ.

чѣмъ говорить о выходѣ Пушкина изъ лицея, слѣдуетъ упомянуть о товарищахъ, съ которыми приходилось ему разставаться.

Разумѣется всѣ, или по крайней мѣрѣ большая часть товарищей любили Пушкина, ибо невозможно было не любить его, живя съ нимъ вмѣстѣ. Для многихъ изъ нихъ онъ былъ кумиромъ. Но лучшимъ его другомъ былъ Дельвигъ,

Товарищъ юности живой,
Товарищъ юности унылой,
Товарищъ пѣсенъ молодыхъ,
Пировъ и чистыхъ помышленій [94].

Отсылая читателей къ прекраснымъ статьямъ г-на Гаевскаго, въ которыхъ собраны о Дельвигѣ всѣ возможныя подробности, мы замѣтимъ одно, что Дельвигъ былъ для Пушкина тѣмъ же, чѣмъ для Карамзина А. А. Петровъ, для Жуковскаго Андр. И. Тургеневъ, для Батюшкова И. А. Петинъ. Любя Дельвига со всѣмъ пристрастіемъ горячей дружбы, Пушкинъ думалъ видѣть въ немъ тѣ достоинства, которыхъ желалъ самому себѣ. Этимъ объясняемъ мы себѣ его преувеличенныя похвалы.

Но я любилъ уже рукоплесканье,
Ты, гордый, пѣлъ для музъ и для души;
Свой даръ, какъ жизнь я тратилъ безъ вниманья,
Ты геній свой воспитывалъ въ тиши! [95])

Или, говоря о первыхъ стихотвореніяхъ

---

[94]) См. Сочин. Пушк. т. IX, стр. 158.

[95]) См. тамъ же, т. III, стр. 20.

Дельвига: «Въ нихъ уже замѣтно необыкновенное чувство гармоніи и той классической стройности, которой никогда онъ не измѣнялъ. Никто не привѣтствовалъ вдохновеннаго юношу, между тѣмъ какъ стихи одного изъ его товарищей, стихи посредственные, замѣтные только по нѣкоторой легкости и чистотѣ мелочной отдѣлки, въ то же время были расхвалены и прославлены, какъ нѣкоторое чудо.» [96])

Нѣкоторыхъ товарищей Пушкинъ поминаетъ въ Лицейской годовщинѣ своей 1825 года. [97])

Я пью одинъ, и на брегахъ Невы
Меня друзья сегодня именуютъ......
Но многіе ль и тамъ изъ васъ пируютъ?
Еще кого не досчитались вы?
Кто измѣнилъ плѣнительной привычкѣ?
Кого отъ васъ увлекъ холодный свѣтъ?
Чей гласъ умолкъ на братской перекличкѣ?
Кто не пришелъ? Кого межъ вами нѣтъ?
Онъ не пришелъ, кудрявый нашъ пѣвецъ,
Съ огнемъ въ очахъ, съ гитарой сладкогласной:
Подъ миртами Италіи прекрасной
Онъ тихо спитъ......

Стихи эти относятся къ Николаю Александровичу Корсакову, умершему во Флоренціи, въ 1820 году. [98])

Сидишь ли ты въ кругу своихъ друзей,
Чужихъ небесъ любовникъ безпокойный?

---

[96]) См. тамъ же, т. XI, стр. 59—60.
[97]) См. тамъ же, т. III, стр. 16—22.
[98]) О Корсаковѣ см. у Гаевскаго, стр. 70.

Иль снова ты проходишь тропикъ знойный
И вѣчный ледъ полунощныхъ морей?
Счастливый путь! съ лицейскаго порога
Ты на корабль перешагнулъ шутя,
И съ той поры въ моряхъ твоя дорога,
О волнъ и бурь любимое дитя!

Тутъ говоритъ Пушкинъ о Өедорѣ Өедоровичѣ *Матюшкинѣ* (нынѣ контръ-адмиралѣ Балтійскаго флота), который въ 1817 г. отправился въ путешествіе кругомъ свѣта съ знаменитымъ мореплавателемъ Вас. Мих. Головнинымъ, на кораблѣ «Камчаткѣ» [99]).

Въ 9-й строфѣ той же Лицейской годовщины названъ, какъ полагаютъ, Иванъ Ивановичь *Пущинъ;* въ 10-й князь Александръ Михайловичъ *Горчаковъ*, нынѣ полномочный министръ нашъ въ Вѣнѣ:

Ты, Горчаковъ, счастливецъ съ первыхъ дней
Хвала тебѣ — фортуны блескъ холодной
Не измѣнилъ души твоей свободной:
Все тотъ же ты для чести и друзей.

Пушкинъ очень любилъ князя Горчакова, написалъ къ нему два посланія [100]). Нако-

---

[99]) См. Сынъ Отеч. 1817, ч. XXXII, стр. 223 стихотвореніе *къ Матюшкину*, подписанное: *Вильгельмъ.* Въ примѣчаніи редактора говорится о путешествіи Матюшкина.

[100]) Одно (въ день имянинъ князя) напечатано въ IX т. Сочин. Пушкина (стр. 267—268); другое, начинающееся стихами:

Питомецъ модъ, большаго свѣта другъ,
Обычаевъ блестящихъ наблюдатель,

въ Раутѣ на 1854 г.

нецъ предпослѣдній стихъ 13-й строфы слѣдуетъ читать такъ:

Скажи, *Вильгельмъ*, не толь и съ нами было?

Въ настоящее время изъ товарищей Пушкина осталось только 12 человѣкъ: князь Александръ Мих. *Горчаковъ* (окончившій ученіе первымъ), Дмитрій Николаевичь *Масловъ* (директоръ департамента разныхъ податей и сборовъ), Сергѣй Григор. *Ломоносовъ* (полномочный министръ нашъ въ Гагѣ) [101]), баронъ Модестъ Андреевичь *Корфъ* (членъ государ. совѣта и директоръ Императорской публичной библіотеки), Сергѣй Дмитріевичь *Комовскій* (помощникъ статсъ-секретаря государствен. совѣта), Александръ Алексѣевичь *Корниловъ* (сенаторъ), Александръ Павловичь *Бакунинъ* (Тверской гражданск. губернаторъ), Иванъ Васильевичь *Малиновскій* (сынъ директора, нынѣ отставной полковникъ), Өедоръ Өедоровичь *Матюшкинъ*, Михаилъ Лукьяновичь *Яковлевъ*, Константинъ Карловичь *Данзасъ* (полковникъ при генералъ-кригсъ-коммиссарѣ), Павелъ Николаевичь *Мясоѣдовъ* и графъ Сильверій *Брогліо* (сынъ эмигранта, съ возстановленіемъ Бурбоновъ еще изъ лицея уѣхавшій во Францію,

---

[101]) Къ брату его, Николаю Григорьевичу, Пушкинъ написалъ въ лицеѣ посланіе, напечатанное въ 3-мъ № Россійскаго Музея; отрывокъ изъ него подъ названіемъ *Путешественнику*, начинающійся стихомъ *Судьба на руль уже склонилась*, вошелъ въ собраніе сочиненій Пушкина, см. т. IX, стр. 389.

сдѣлавшійся Перомъ и сохранившій любовь къ Россіи). [102])

Здѣсь мѣсто напомнить читателямъ лицейскіе стихи Пушкина, въ которыхъ прекрасно выражается нѣжная привязанность его къ лицею и товарищамъ и которые написаны одному изъ нихъ въ альбомъ [103]):

Взглянувъ когда нибудь на тайный сей листокъ,
Исписанный когда-то мною,
На время улети въ лицейскій уголокъ
Всесильной, сладостной мечтою.
Ты вспомни быстрыя минуты первыхъ дней,
Неволю мирную, шесть лѣтъ соединенья,
Печали, радости, мечты души твоей,

---

[102]) Всѣхъ товарищей Пушкина, какъ сказано выше, было 29 человѣкъ; окончило курсъ 28, ибо одинъ былъ исключенъ. Мы назвали 12 человѣкъ, еще живущихъ; назовемъ остальныхъ уже умершихъ: Николай Александр. *Корсаковъ*, Ѳедоръ Христіановичъ *Стевенъ* (+ 1851) баронъ Павелъ Ѳедоровичъ *Гревеницъ*, Владиміръ Дмитріевичъ *Вальховскій*, Семенъ Семеновичъ *Есаковъ* (+ 1831), Петръ Ѳедоровичъ *Саврасовъ*, Алексѣй Демьяновичъ *Илличевскій* (стихи къ нему Пушкина см. въ IX т. стр. 393), Павелъ Михайловичъ *Юдинъ*, баронъ Антонъ Антоновичъ *Дельвигъ*, Константинъ Дмитріевичъ *Костенскій*, Аркадій Ивановичъ *Мартыновъ*, Николай Григорьевичъ *Ржевскій*, Александръ Дмитріевичъ *Тырковъ* и еще двое.

[103]) Упоминаемому въ 13 строфѣ Лицейской годовщины 1825 года. — Приведенные стихи см. въ IX т., стр. 391.

Размолвки дружества и сладость примиренья
Что было и не будетъ вновь. . . . .
И съ тихими тоски слезами
Ты вспомни первую любовь.
Мой другъ! она прошла. . . но съ первыми друзьями
Не рѣзвою мечтой союзъ твой заключенъ;
Предъ грознымъ временемъ, предъ грозными судьбами,
О милый, вѣченъ онъ!

Въ половинѣ мая 1817 года начались въ лицеѣ выпусткные экзамены. Они происходили въ теченіи 15 дней, при многочисленной публикѣ. Посѣтителямъ предоставлено было задавать лицеистамъ вопросы, что дало поводъ къ занимательнымъ отвѣтамъ и преніямъ [104]). На экзаменѣ изъ Русской словесности Пушкинъ читалъ сочиненное имъ на этотъ случай довольно слабое стихотвореніе *Безвѣріе*: въ немъ говорится о состраданіи, которое должно имѣть къ невѣрующему [105]). Отвѣты его не были удовлетворительны. Онъ выпущенъ былъ 19-мъ, съ чиномъ X класса или гвардіи офицера.

---

[104]) См. Allgemeine Zeitung 1817 года, Beilage. № 106, стр. 426. Извѣстіе объ экзаменахъ и объ актѣ сообщено было въ эту газету директоромъ лицея.

[105]) См. Сочин. Пушк. т. IX, стр. 426 — 429; въ первый разъ было напечатано съ полною подписью Пушкина въ Трудахъ Общ. Люб. Р. С. при Моск. Унив. 1817, ч. X, стр. 58 - 61.

Мая 19-го, на имя исправлявшаго должность министра народнаго просвѣщенія князя А. Н. Голицына, послѣдовалъ указъ, въ которомъ сказано, что хотя лицеиты собственно назначаются для гражданской службы, но какъ между ними нѣкоторое могутъ имѣть склонность къ военной, то такимъ предоставляется поступать офицерами въ гвардію, по выученію фронтовой службы [106]). Еще прежде было обращено вниманіе на военную часть, и съ 1816 года нижнеръ-полковникъ баронъ Ѳедоръ Богдановичь *Эльснеръ* преподавалъ лицеистамъ военныя науки [107]).

9-го іюня происходилъ въ лицеѣ торжественный актъ, удостоенный Высочайшаго присутствія. Когда окончились обычныя чтенія, князь А. Н. Голицынъ поочередно представилъ Его Величеству выпускаемыхъ воспитанниковъ. Государь говорилъ съ ними [108]),

---

106) См. Полное собраніе законовъ, № 26,875. Изъ 29 лицеистовъ въ военную службу поступили 12 (см. Гаевскаго, стр. 85).

107) См. Памятную книжку Лицея на 1852—1853 годъ, стр. 67.

108) Der Kaiser sprach zu den Junglingen Worte der Liebe und des innigen väterlichen Gefühls; er ermahnte sie, nie von der Bahn der Tugend und der Rechtschaffenheit zu weichen, wenn sie glücklich sein wollten, und ihre Pflichten gegen das Vaterland stets als Pflichten gegen Gott anzusehen. См. Allgem. Zeitung.

напоминалъ имъ обязанности ихъ, и въ знакъ своего благоволенія приказалъ выдавать поступающимъ въ гражданскую службу, до полученія штатныхъ мѣстъ, денежное вспоможеніе изъ государственнаго казначейства [109]).

Въ заключеніе акта пропѣта была прощальная пѣснь воспитанниковъ, сочиненная Дельвигомъ. Директоръ лицея, Егоръ Антоновичь *Энгельгардъ* (который занялъ эту должность только съ 1816 г. и къ которому всѣ лицеисты питали уваженіе и любовь [110]) поручилъ-было написать эту пѣснь Пушкину, но онъ не согласился. Написанное имъ стихотвореніе *Къ товарищамъ передъ выпускомъ* [111]) не могло быть пропѣто на актѣ. Конечно немногіе изъ лицеистовъ оставляли мѣсто своего воспитанія съ такимъ чувствомъ какъ Пушкинъ, и никто такъ прекрасно не поминалъ его:

---

[109]) Описаніе акта съ исчисленіемъ наградъ профессорамъ и чиновникамъ находится въ 26-мъ № Сына Отечества 1817 года (ч. XXXVIII, стр. 273 — 277. Вопреки г. Гаевскому (стр. 86) въ Сынѣ Отечества актъ описанъ гораздо подробнѣе, нежели въ Allgemeine Zeitung. — Денежное вспоможеніе состояло изъ 800 р. титулярнымъ совѣтникамъ и 700 р. коллежскимъ секретарямъ. Мы не знаемъ, получилъ ли ихъ Пушкинъ, принадлежавшій ко второму разряду.

[110]) По свидѣтельству г. Гаевскаго (стр. 72) Пушкинъ вмѣстѣ съ Дельвигомъ ходилъ къ нему на домъ для чтенія Нѣмецкихъ книгъ.

[111]) См. Сочин. Пушк. т. IX, стр. 397—398.

Благослови, ликующая Муза,
Благослови! да здравствуетъ лицей!
Наставникамъ, хранившимъ юность нашу
Всѣмъ честію, и мертвымъ, и живымъ,
Къ устамъ подъявъ признательную чашу,
Не помня зла, за благо воздадимъ.

Или:

Друзья мои, прекрасенъ нашъ союзъ!
Онъ какъ душа нераздѣлимъ и вѣченъ —
Не колебимъ, свободенъ и безпеченъ
Сростался онъ подъ сѣнью дружныхъ музъ.
Куда бы насъ ни бросила судьбина
И счастіе куда бъ ни повело,
Все тѣ же мы: намъ цѣлый міръ чужбина,
Отечество намъ Царское Село [112]).

Имя Пушкина доселѣ особенно дорого и любезно всякому лицеисту. Память его свято хранится въ лицеѣ. Около 1835 года въ маломъ лицейскомъ саду (что̀ примыкалъ къ зданію съ лѣвой руки, если стоять противъ фасада), лицеисты поставили небольшую мраморную пирамиду, на одной сторонѣ которой было написано: *Genio loci*, а на другой: *Septimus cursus erexit* [113]).

П. Бартеневъ.

---

112) См. тамъ же, т. III, стр. 16—22.

113) Сообщено г. Унковскимъ. Когда лицей переведенъ былъ въ С.-Петербургъ въ 1843 году, лицеисты раздѣлили между собою мраморные куски этой пирамиды.

(Изъ №№ 71—118 Московск. Вѣдомост. 1854 г.)

въ Университетской Типографіи.

АЛЕКСАНДРЪ СЕРГѢЕВИЧЪ ПУШКИНЪ.

Матеріалы для его біографіи.

Глава 3-я

(1817—1820.)

Въ предъидущихъ главахъ представлены возможно-полныя свѣдѣнія о дняхъ младенчества и о лицейской жизни Пушкина. Мы остановились на половинѣ 1817 года, на выходѣ его изъ Лицея. Если спросятъ, каковъ же былъ Пушкинъ въ эту пору, какія свойства и какой характеръ имѣлъ онъ, переходя къ жизни самостоятельной, то намъ должно будетъ уклониться отъ окончательныхъ опредѣленій и рѣшительныхъ приговоровъ, и однажды навсегда напомнивъ читателю заглавіе нашего труда, отослать за отвѣтомъ на этотъ и другіе вопросы ко всему предъидущему изложенію. Здѣсь переданы только матеріалы для біографіи, отнюдь не настоящая біографія, для насъ, по крайней мѣрѣ, доселѣ невозможная.

Но, уклоняясь отъ оцѣнки и сужденій рѣшительныхъ, не можемъ не назвать Пушкина, какъ поэта, счастливымъ любимцемъ

судьбы. Въ самомъ дѣлѣ, ничто не мѣшало, напротивъ все благопріятствовало поэтическому его развитію. Онъ родился посреди людей, которые вмѣстѣ съ первыми впечатлѣніями передали ему любовь къ прекрасному, страсть къ словесности и къ просвѣщенію во всѣхъ родахъ. Въ Лицеѣ былъ полный просторъ для усовершенствованія талантовъ. Вообще Пушкинъ имѣлъ возможность удовлетворять своей любознательности и страсти къ чтенію. Знавшіе его уже въ то время удивлялись его начитанности. Всѣ лучшія произведенія словесности, и преимущественно Французской, вся анекдотическая часть исторіи, были ему знакомы въ подробностяхъ, и про него можно сказать, какъ про Онѣгина, что

...... дней минувшихъ анекдоты,
Отъ Ромула до нашихъ дней
Хранилъ онъ въ памяти своей.

Страсть къ чтенію и богатый запасъ разнородныхъ свѣдѣній спасли Пушкина отъ пустоты, отъ того, что можно назвать литературною болтовнею, и на самыхъ первыхъ порахъ сообщили положительность и убѣждающую силу его произведеніямъ. Съ другой стороны первоначальные его опыты обратили на него общее вниманіе еще въ стѣнахъ училища и заслужили лестное для самолюбія одобреніе лучшихъ представителей нашей словесности. Это самое, вмѣстѣ съ чувствомъ чести, развитію котораго такъ сильно содѣйствовало внутреннее устрой-

ство Лицея, рано пробудило въ Пушкинѣ сознанie силъ своихъ, столь спасительное при началѣ всякаго поприща.

На 19-мъ году жизни Пушкинъ окончилъ ученie въ Царскосельскомъ Лицеѣ. Въ трогательныхъ выраженiяхъ распростился онъ съ мѣстомъ, которое такъ дорого было его сердцу. Въ самый день выпуска, 9-го iюня 1817 года, пишетъ онъ стихотворенie *Разлука* и обращаясь къ одному изъ товарищей, говоритъ между прочимъ:

Прости! Гдѣ бъ ни былъ *я*: въ огнѣ ли смертной битвы,
При мирныхъ *ли* брегахъ родимаго ручья,
Святому братству вѣренъ *я*.

Въ первомъ изъ этихъ стиховъ заключается бiографическое указанie. Нѣкоторое время Пушкинъ сильно былъ занятъ мыслью о поступленiи въ военную службу. Не задолго предъ тѣмъ появившiйся Высочайшiй Указъ предоставлялъ лицеистамъ лестное для нихъ право опредѣляться прямо въ гвардiю офицерами. Это восхитило не одного Пушкина: 12 человѣкъ его товарищей тотчасъ же избрали военное поприще. Жизнь военная представлялась молодому поэту въ самомъ привлекательномъ видѣ. Уже давно онъ познакомился съ нею въ кругу квартировавшихъ въ Царскомъ Селѣ офицеровъ. По всему вѣроятiю, особенно поддерживала его въ этомъ намѣренiи дружба съ поручикомъ лейбъ-гусарскаго полка, Петромъ Яковлевичемъ Чадаевымъ. Мы еще будемъ имѣть

случай подробнѣе говорить о его сношеніяхъ съ этимъ человѣкомъ; здѣсь замѣтимъ только, что на примѣрѣ друга своего онъ могъ видѣть, что военная служба не препятствовала нисколько занятіямъ умственнымъ и литературнымъ, къ которымъ онъ уже успѣлъ получить навыкъ, и съ которыми тяжело было бы ему разстаться. Пушкину именно хотѣлось поступить въ лейбъ-гусары. Одинъ изъ знакомыхъ генераловъ обѣщалъ ему свое содѣйствіе [1]). Затрудненіе относительно фронтовой службы, предварительное знаніе которой требовалось отъ офицера гвардіи, для Пушкина не существовало: онъ хорошо ѣздилъ на лошади, мастерски фехтовалъ, будучи ловокъ и гибокъ во всѣхъ движеніяхъ. Восхищенный мыслью соединить поприще поэта съ военнымъ, онъ уже писалъ къ дядѣ Василію Львовичу:

Счастливъ, кто милъ и страшенъ міру,
О комъ за пѣсни, за дѣла,
Гремитъ правдивая хвала;
Кто славитъ Марса и Темиру,
И бранную повѣсилъ лиру
Межъ вѣрной сабли и сѣдла.

Подъ этими же впечатлѣніями написано и шутливое посланіе къ Галичу [2]).

---

[1]) См. Посланіе къ О.

[2]) Надѣну узкія рейтузы,
Завью въ колечки гордый усъ,
Заблещетъ пара эполетовъ,
И я — питомецъ важныхъ музъ

Впрочемъ мысль о военной службѣ была у Пушкина плодомъ временнаго увлеченія. Онъ смотрѣлъ на будущее служебное поприще свое съ безпечностью поэта. Въ стихахъ къ товарищамъ передъ выпускомъ онъ даже подсмѣивается надъ заботами друзей своихъ относительно службы.

Но ему не удалось надѣть военнаго мундира. Свиданіе съ отцомъ разстроило его планы. Сергѣй Львовичъ напрямикъ объявилъ, что онъ не въ состояніи содержать сына въ гусарскомъ полку; впрочемъ онъ позволялъ ему опредѣлиться въ одинъ изъ пѣхотныхъ полковъ гвардіи: молодому Пушкину того не хотѣлось [3].

Всѣ толки объ этомъ происходили вѣроятно еще въ Лицеѣ, потому что черезъ 4 дня по выходѣ оттуда, Пушкинъ уже записался въ министерство иностранныхъ дѣлъ, съ чиномъ коллежскаго секретаря, что должно

Въ числѣ воюющихъ корнетовъ!
Равны мнѣ писаря, уланы,
Равны мнѣ каски, кивера;
Не рвусь я грудью въ капитаны
И не ползу въ ассессора.
Друзья, немного снисхожденья!
Оставьте пестрый мнѣ колпакъ,
Пока его за прегрѣшенья
Не промѣнялъ я на шишакъ;
Пока лѣнивому возможно,
Не опасаясь грозныхъ бѣдъ,
Еще рукой неосторожной
Въ іюлѣ распахнуть жилетъ.

[3]) См. «Матеріалы» Анненкова, стр. 42.

было вполнѣ соотвѣтствовать его склонностямъ, ибо служба эта, въ то время почти номинальная, предоставляла много досуга [4]).

Лицейская жизнь смѣнилась для Пушкина жизнью въ семьѣ. Отецъ его, подобно многимъ другимъ Москвичамъ, послѣ разоренія Москвы Французами, не поселился въ ней снова. Къ тому же, въ эту пору младшій его сынъ находился въ Лицейскомъ Благородномъ Пансіонѣ. Это обстоятельство, равно какъ и совершеннолѣтіе дочери, звали его въ Петербургъ. Еще въ 1814 году оставивъ кратковременную коммиссаріатскую службу свою въ Варшавѣ, онъ переселился въ Петербургъ на постоянное жительство, между тѣмъ какъ холостякъ братъ его, Василій Львовичъ, оставался вѣренъ Москвѣ. Но такъ какъ лицеистамъ не дозволялось оставлять Царскаго Села, то молодой Пушкинъ могъ видаться съ своими на короткое время, когда они пріѣзжали навѣщать его. Не ранѣе, какъ по выпускѣ изъ Лицея, снова вступилъ онъ въ семейный кругъ, за 6 лѣтъ до того имъ оставленный. Въ то время семья его состояла изъ отца, матери, старшей сестры, друга его дѣтства и брата Льва, который около 1817 года былъ перемѣщенъ изъ Лицейскаго пансіона въ Петербургъ въ Благородный пансіонъ, состояв-

---

[4]) См. Дневникъ Чиновника въ Отеч. Запискахъ 1855, № 5, стр. 165 и проч. На службѣ своей Пушкинъ получалъ жалованья по 700 руб. въ годъ.

шій при Педагогическомъ Институтѣ. Тогда еще была въ живыхъ любимая бабушка Александра Сергѣевича, Марья Алексѣевна Ганнибалъ, которая имѣла такое поэтическое на него вліяніе въ лѣта младенчества. Любопытно было бы знать отношенія къ ней 18-лѣтняго Пушкина. Но намъ неизвѣстно навѣрное, жила ли она въ то время въ Петербургѣ. Знаемъ только, что около 1818 года она скончалась въ деревнѣ своей дочери, въ Михайловскомъ.

Михайловское, разстояніемъ почти на 400 верстъ отъ Петербурга, находится Псковской губерніи, въ Опочковскомъ уѣздѣ, въ 20 верстахъ отъ города *Новоржева*.

Туда отправились Пушкины на лѣто 1817 года всею семьею. Они ѣхали по большой дорогѣ на городъ Лугу, о чемъ упоминалъ Александръ Сергѣевичъ къ кому-то въ письмѣ, въ которомъ, вѣроятно, описывалъ это путешествіе и отъ котораго сохранились въ памяти одного изъ друзей его слѣдующіе забавные стихи:

Есть въ Россіи городъ Луга
Петербургскаго округа;
Хуже не было бъ сего
Городишки на примѣтѣ,
Если бъ не было на свѣтѣ
Новоржева моего.

О Михайловскомъ мы будемъ имѣть случай говорить подробно въ послѣдствіи. Здѣсь слѣдуетъ замѣтить, что оно принадлежало къ числу многихъ помѣстій, которыми

Петръ Великій и Елисавета Петровна одарили любимца своего Ибрагима Ганнибала. Послѣ него Михайловское досталось меньшому его сыну, Осипу Абрамовичу, а по смерти сего послѣдняго перешло къ матери поэта, Надеждѣ Осиповнѣ. Въ 1817 году деревня эта состояла изъ нѣсколькихъ крестьянскихъ дворовъ и барской усадьбы съ небольшимъ домомъ, садомъ и лѣсами. Пушкину, который тогда впервые посѣтилъ этотъ уголокъ, нынѣ прославленный его именемъ, все должно было напоминать тамъ о его Африканскомъ происхожденіи. Не прошло еще и десяти лѣтъ, какъ въ Михайловскомъ умеръ его дѣдъ, осужденный Императрицею Екатериною на изгнаніе въ эту деревню за незаконный разводъ съ женою. Еще живы были преданія о его странномъ характерѣ. Можетъ быть, сохранялись тамъ старыя книги и бумаги самого Ибрагима, до конца дней занимавшагося науками [5]). Кру-

---

[5]) См. Записки Болотова, въ Отеч. Запискахъ 1850 г., т. III, стр. 61, подъ 1753 годомъ: дядя Болотова учился наукамъ у Ганнибала. См. также въ Москвитянинѣ 1854 г. №№ 3-й и 4-й, статью г. Терещенко объ Астрахани, стр. 148, гдѣ говорится объ одномъ рукописномъ лѣчебникѣ, принадлежавшемъ Ганнибалу. Пушкинъ намѣревался описать жизнь своего прадѣда, о чемъ самъ говоритъ въ одномъ большомъ примѣчаніи къ 1-й главѣ Онѣгина. Разказы о немъ онъ передавалъ Бантышу-Каменскому (см. его Словарь, изд. 1836 г.). Изустныя преданія и письменные матеріалы

гомъ Михайловскаго разбросаны помѣстья другихъ многочисленныхъ потомковъ Арапа Ганнибала, которыхъ долженъ былъ посѣтить молодой ихъ родственникъ. Еще былъ въ живыхъ послѣднiй изъ его сыновей Петръ Абрамовичъ, чернокожiй старикъ съ сѣдыми волосами (одинъ изъ друзей поэта видалъ портретъ Петра Абрамовича у кого-то изъ Пушкиныхъ). О немъ конечно писалъ Пушкинъ, составляя въ 1824 году Записки свои, отъ которыхъ уцѣлѣлъ между прочимъ слѣдующiй любопытный отрывокъ: «... .попросилъ водки. Подали водку. Наливъ рюмку себѣ, велѣлъ онъ ее и мнѣ поднести; я не поморщился — и тѣмъ казалось чрезвычайно одолжилъ стараго Арапа. Черезъ четверть часа онъ опять попросилъ водки и повторилъ это разъ пять или шесть до обѣда....» [6]).

Въ Михайловскомъ же Пушкинъ вѣроятно свидѣлся и съ доброй нянею своей, Ариной Родiоновной.

Гораздо позднѣе въ слѣдующихъ стихахъ вспоминалъ Пушкинъ это первое посѣщенiе Михайловскаго:

.....Въ разны годы
Подъ вашу сѣнь Михайловскiя рощи
Являлся я! когда вы въ первый разъ
Увидѣли меня, тогда я былъ
Веселымъ юношей. Безпечно, жадно
Я приступалъ лишь только къ жизни.

для бiографiи Ганнибала Пушкинъ могъ найти по преимуществу въ Михайловскомъ.

[6]) См. въ «Матерiалахъ» Анненкова, стр. 43.

Сначала молодой поэтъ очень обрадовался деревнѣ. Ему новы были ея удовольствія. «Вышедъ изъ Лицея, говоритъ онъ въ другомъ отрывкѣ Записокъ своихъ, я тотчасъ почти уѣхалъ въ Псковскую деревню моей матери. Помню, какъ обрадовался сельской жизни, Русской банѣ, клубникѣ и пр., но все это нравилось мнѣ не надолго. Я любилъ и донынѣ люблю шумъ и толпу.» [7])

Жажда новыхъ ощущеній, впечатлѣній болѣе сильныхъ, столь понятная въ 18-тилѣтнемъ поэтѣ, звала его въ Петербургъ, куда Пушкины и возвратились въ октябрѣ 1817 года. [8]).

Александръ Сергѣевичъ началъ жизнь самостоятельную и болѣе или менѣе независимую.

Прежде всего останавливаютъ наше вниманіе его сношенія съ тѣми писателями и любителями словесности, которые составляли знаменитое общество Арзамаса. Большая часть ихъ издавна были на пріятельской ногѣ съ семействомъ Пушкиныхъ, и мы уже знаемъ, какъ еще въ Лицеѣ они любовались талантомъ молодаго поэта. Особенно ласкали и любили его Карамзинъ, Жуковскій и А. И. Тургеневъ. Извѣстно, съ какимъ участіемъ слѣдилъ за его успѣхами безсмертный исторіографъ, какъ ласково при-

[7]) См. тамъ же.

[8]) См. статью П. А. Плетнева: *Александръ Сергѣевичъ Пушкинъ*, во 2-й книжкѣ Современника 1838 года, стр. 25, гдѣ именно указанъ октябрь мѣсяцъ.

нималъ его въ своей семьѣ, какъ удостоивалъ 16-лѣтняго школьника продолжительныхъ бесѣдъ, читалъ ему страницы труда своего, даже спрашивалъ мнѣнія, выслушивалъ и опровергалъ порою заносчивые и рѣзкіе отзывы его. А. И. Тургеневъ до конца оставался съ Пушкинымъ въ самыхъ пріязненныхъ отношеніяхъ и часто съ нимъ переписывался. [9]) Можетъ быть еще болѣе нѣжнаго вниманія и сердечнаго участія оказывалъ ему Жуковскій. Онъ подарилъ Пушкину свои стихотворенія, и уже тогда судилъ о достоинствѣ собственныхъ стиховъ, по скольку они запечатлѣвались въ памяти геніальнаго мальчика. Можно сказать положительно, что такое сближеніе дѣйствовало могущественно на Пушкина и окриляло его талантъ. Сознавая это, Пушкинъ сохранилъ къ Жуковскому неизмѣнную привязанность и благодарность. Еще въ Лицеѣ онъ отмѣчаетъ въ своихъ Запискахъ особенно памятное для себя событіе: *Жуковскій даритъ мнѣ свои стихотворенія.* [10]) Ту же при-

---

[9]) См. Современникъ 1842, № 1, стр. 5, ***Хронику Русскаго въ Парижѣ:*** Тургеневъ говоритъ объ одномъ письмѣ къ нему Пушкина изъ Бессарабіи, отъ 21-го августа 1821 года: «Письмо Пушкина не велико, но ноготокъ остеръ.»

[10]) См. «Матеріалы» г. Анненкова, стр. 22. Отмѣтка писана *до* 8-го ноября 1815 года; а стихотворенія Жуковскаго (2 тома in 4°, первое рѣдкое изданіе) дозволены къ напечатанію цензоромъ И. Тимковскимъ.

знательность выразилъ онъ въ посланіи къ Жуковскому, начинающемся такъ:

Благослови поэтъ! въ тиши Парнасской сѣни
Я съ трепетомъ склонилъ предъ Музами колѣни.

Посланіе написано въ началѣ 1817 года. Изъ него можно заключать, что общество Арзамасское тогда уже выбрало Пушкина въ сочлены свои. Его назвали *Сверчкомъ* [11]), ибо, по выраженію одного изъ Арзамасцевъ, «въ нѣкоторомъ отдаленіи отъ Петербурга, спрятанный въ стѣнахъ Лицея, прекрасными стихами уже подавалъ онъ оттуда свой звонкій голосъ.»

Избраніе это должно было льстить самолюбію Пушкина. Какъ сильно занимала его литературная распря, въ слѣдствіе которой возникъ Арзамасъ, видно изъ упомянутаго посланія къ Жуковскому. Еще гораздо прежде онъ съ любопытствомъ слѣдилъ за этимъ новымъ движеніемъ въ сло-

---

[11] Имена Арзамасцевъ заимствованы изъ балладъ Жуковскаго, такъ какъ месть за Жуковскаго была одною изъ первоначальныхъ цѣлей общества; оттого имена Арзамасцевъ: *Кассандра*, *Ахиллъ*, *Громобой*, *Эолова арфа*, *Ивиковы Журавли*, *Чу!*, *Вотъ*, *Асмодей*, *Старушка*, *Рейнъ* и пр. Слово *Сверчокъ* взято изъ 5 строфы Свѣтланы:

Съ трескомъ пыхнулъ огонекъ,
Крикнулъ жалобно *сверчокъ*,
Вѣстникъ полуночи.

весности. Въ Лицейскихъ Запискахъ его, 1815 года, находимъ отмѣтку: «8-го ноября. Ш-овъ и г-жа Б-на (Шишковъ и Бунина) увѣнчали недавно кн. Шаховскаго лавровымъ вѣнкомъ....» Это было вскорѣ послѣ представленія *Липецкихъ водъ*, комедіи кн. Шаховскаго, въ которой литературные противники Жуковскаго видѣли свое торжество. Вѣсть о городскихъ событіяхъ видно скоро перелетала въ Царское Село. Вслѣдъ за этою помѣтою лицеистъ заноситъ въ свой журналъ сатирическіе стихи на кн. Шаховскаго, которые г. Анненковъ невѣрно приписываетъ самому Пушкину. Стихи эти, сочиненные сообща Арзамасцами, тогда ходили по городу. Но тутъ же 16-лѣтній Пушкинъ излагаетъ собственное мнѣніе о Шаховскомъ, поразительное по безпристрастію, столь рѣдкому и не въ такомъ возрастѣ.

«Мои мысли о Шаховскомъ:

«Шах. никогда не хотѣлъ учиться своему искусству и сталъ посредственный стихотворецъ. Шах. не имѣетъ большаго вкуса; онъ худой писатель. Что же онъ такой? Неглупой человѣкъ, который, замѣчая все смѣшное или замысловатое въ обществахъ, пришедъ домой, все записываетъ и потомъ, какъ ни попало вклеиваетъ въ свои комедіи» [12]).

Вотъ когда еще обращалась въ умѣ Пуш-

---

[12]) См. «Матеріалы» г. Анненкова, стр. 23.

кина мысль о трудѣ и усовершенствованіи таланта!

Возвратимся къ Арзамасу.

Пушкинъ, къ сожалѣнію, успѣлъ одинъ только разъ принять участіе въ засѣданіяхъ этого полушутливаго, но вполнѣ литературнаго общества. То было, если не ошибаемся, въ послѣднихъ числахъ сентября, либо въ началѣ октября 1817 года. По обычаю, новый членъ Арзамаса произносилъ вступительную рѣчь. Протоколы засѣданій ведены были (и нерѣдко въ стихахъ) секретаремъ общества Свѣтланою, и если уцѣлѣли эти драгоцѣнные образцы остроумія и веселости, то тамъ конечно упомянуто о рѣчи, которую произнесъ Пушкинъ превосходными Александрійскими стихами. Въ памяти слушателей доселѣ свѣжо сохраняется начало ея:

Вѣнецъ желаніямъ! И такъ я вижу васъ,
О други смѣлыхъ Музъ, о дивный Арзамасъ!
. . . .
Гдѣ славилъ нашъ Тиртей..... и Александра [13]),
Гдѣ смерть Захарову пророчила Кассандра.

Для объясненія послѣдняго стиха нужно сказать, что общество, по примѣру Французской Академіи, постановило произносить похвальныя слова умершимъ членамъ; но такъ какъ въ Арзамасѣ не было покойниковъ, и всѣ члены его были *безсмертны*,

---

[13]) Посланіе Пѣвца во станѣ Русскихъ воиновъ къ Императору Александру I, было тогда предметомъ литературныхъ толковъ.

то положили брать умершихъ на прокатъ изъ Бесѣды Любителей Россійскаго Слова и Россійской Академіи. Легко представить, къ какимъ неистощимымъ шуткамъ давало это поводъ. Особенно памятно было похвальное слово, произнесенное Арзамасцемъ Кассандрою Бесѣднику Захарову, весьма посредственному писателю того времени; и какъ нарочно случилось, что нѣсколько дней спустя бѣдный Захаровъ въ самомъ дѣлѣ скончался.

Въ другомъ мѣстѣ своей рѣчи, рисуя портретъ Арзамасца, Пушкинъ говоритъ про него, что онъ

...... въ безпечномъ колпакѣ,
Съ гремушкой, лаврами и съ розгами въ рукѣ.

Этими немногими словами очерчены характеръ и направленіе Арзамасскаго общества.

Но оно, къ сожалѣнію, и можетъ быть къ несчастію Пушкина, скоро разсѣялось. То собраніе его, въ которомъ молодой поэтъ произнесъ Александрійскіе стихи свои, было послѣднее, по крайней мѣрѣ въ Петербургѣ. Члены Арзамаса и именно наиболѣе содѣйствовавшіе къ оживленію засѣданій, отозваны были изъ столицы разными обязанностями. Д. В. Дашковъ отправился въ Константинополь, Д. Н. (графъ) Блудовъ въ Лондонъ, оба по дипломатической службѣ, Жуковскій и А. И. Тургеневъ уѣхали въ Москву, куда въ то время переселился Дворъ.

Обстоятельство это, если не ошибаемся, имѣло влiянiе на судьбу Пушкина. Ближайшее знакомство, дружба и нравственное влiянiе членовъ Арзамаса, конечно спасли бы его отъ увлеченiй, которымъ въ скоромъ времени онъ предался необузданно и которыя не разъ потомъ отзывались мучительными стонами раскаянiя.

Между тѣмъ служба, какова бы она ни была, въ министерствѣ иностранныхъ дѣлъ, а всего болѣе родственныя и общественныя связи отца открывали молодому Пушкину входъ въ лучшiе кружки большаго свѣта. Сюда относятся родственныя отношенiя и знакомство его съ графами Бутурлиными и Воронцовыми, съ князьями Трубецкими, графами Лаваль, Сушковыми и проч. Такъ извѣстно по преданiю, что въ эту пору своей жизни Пушкинъ появлялся на блестящихъ вечерахъ и балахъ у графа Лаваля. Супруга сего послѣдняго, любительница словесности и всего изящнаго, съ удовольствiемъ видала у себя молодаго поэта, который однако и въ то время уже тщательно скрывалъ въ большомъ обществѣ свою литературную извѣстность, и не хотѣлъ ничѣмъ отличаться отъ обыкновенныхъ свѣтскихъ людей, страстно любя танцы и балы. Такъ знаемъ еще, что во второй половинѣ 1817 года онъ нерѣдко посѣщалъ одну знатную даму, которая привлекала его вниманiе страннымъ образомъ жизни и занятiй своихъ, стремительностью характера и мечтательностiю. Карамзинъ писалъ о немъ

въ это время къ одному прiятелю, уѣхавшему въ Москву: «Пушкинъ влюбленъ въ Пиѳiю (такъ называлась въ обществѣ эта дама); онъ передъ нею прыгаетъ, коверкается, но къ сожалѣнiю не пишетъ ей стиховъ.» Пушкинъ страстно любилъ нѣкоторое время бальные вечера, описанiю которыхъ посвящено у него нѣсколько строфъ въ первой главѣ Онѣгина, гдѣ между прочимъ читаемъ:

Во дни веселiй и желанiй
Я былъ отъ баловъ безъ ума;
Вѣрнѣй нѣтъ мѣста для признанiй
И для врученiя письма.

Впрочемъ большой свѣтъ скоро наскучилъ поэту, какъ самъ онъ говоритъ въ Посланiи къ Лицейскому товарищу князю Г., которое весьма замѣчательно и въ историческомъ отношенiи, ибо въ немъ живо изображена картина тогдашняго большаго свѣта:

И признаюсь, мнѣ во сто кратъ милѣе
Младыхъ повѣсъ щастливая семья,
Гдѣ умъ кипитъ, гдѣ въ мысляхъ воленъ я,
Гдѣ спорю въ слухъ, гдѣ чувствую сильнѣе,
И гдѣ мы всѣ прекраснаго друзья;
Чѣмъ вялое, бездушное собранье,
Гдѣ умъ хранитъ невольное молчанье,
Гдѣ холодомъ сердца поражены [14]).

Пушкинъ не замедлилъ пристать къ этой «семьѣ молодыхъ повѣсъ.» Въ теченiи полугода

---

[14]) Посланiе это не вошло въ собранiе сочиненiй Пушкина. Съ весьма забавными искаженiями оно напечатано въ Раутѣ г. Сушкова, кн. III. М. 1854, стр. 248—9.

съ ненасытностью Африканской природы своей, предавался онъ пылу страстей. Это время его жизни вполнѣ объясняется свойствами его впечатлительной души. Но конечно большое влiянiе имѣло на него направленiе эпохи. Можетъ быть никогда на Руси не были въ такомъ ходу шумныя сборища, заносчивыя рѣчи. Молодежь, побывавшая во Францiи, свидѣтельница и участница Русской славы и недавнихъ побѣдъ, какъ бы охмѣлѣла отъ радости. Въ началѣ 8-й главы Онѣгина, въ тѣхъ строфахъ, которыя можно назвать поэтическою автобiографiею Пушкина, такъ описывается то время:

И я, въ законъ себѣ вмѣняя
Страстей единый произволъ,
Съ толпою чувства раздѣляя,
Я Музу рѣзвую привелъ
На шумъ пировъ и буйныхъ споровъ,
Грозы полуночныхъ дозоровъ:
И къ нимъ въ безумные пиры
Она несла свои дары,
И какъ Вакханочка рѣзвилась,
За чашей пѣла для гостей,
И молодежь минувшихъ дней
За нею буйно волочилась,
И я гордился межъ друзей
Подругой вѣтреной моей.

Много было тогда друзей у Пушкина. Къ большей части ихъ отнесъ онъ впослѣдствiи 19- строфу въ четвертой главѣ Онѣгина и извѣстное четверостишiе:

Что дружба? Легкій пылъ похмѣлья,
Обиды вольный разговоръ,
Обмѣнъ тщеславія, бездѣлья,
Иль покровительства позоръ!

Немногіе изъ тогдашнихъ пріятелей Пушкина постигнули его, и, умѣвъ привязать къ себѣ, остались любезны его сердцу. Сюда принадлежатъ въ особенности офицеры гвардіи Павелъ Петровичъ *Каверинъ*, воспитанникъ Геттингенскаго университета, бывшій адъютантъ Бенигсгена и участникъ послѣднихъ войнъ, подружившійся съ Пушкинымъ еще въ Царскомъ Селѣ, и Николай Ивановичъ *Кривцовъ*, славный своими ранами и плѣномъ въ Москвѣ, гдѣ онъ лежалъ вмѣстѣ съ больными Французами, коимъ послѣ спасъ жизнь, человѣкъ, душевныя качества котораго будутъ достаточно описаны, если скажемъ, что онъ былъ друженъ съ Карамзинымъ и велъ съ нимъ постоянную переписку; далѣе офицеръ генеральнаго штаба Михаилъ Андреевичъ *Щербининъ*, потомъ Василій Васильевичъ *Энгельгардъ*, извѣстный въ Петербургѣ своею открытою жизнью, и богатые холостяки братья Александръ и Никита Всеволодовичи *Всеволожскіе*, собиравшіе у себя въ домѣ веселое общество, которое называлось *Зеленою лампою*, и др. Имена ихъ Пушкинъ увѣковѣчилъ своими посланіями [15]). Къ послѣднему онъ писалъ изъ Бессарабіи:

---

[15]) Къ Каверину Пушкинъ написалъ посланіе въ 1817 году: *Забудь, любезный мой Каверинъ*, и

Горишь ли ты, лампада наша,
Подруга бдѣній и пировъ?
Кипишь ли ты, златая чаша,
Въ рукахъ веселыхъ остряковъ?
Всѣ тѣже ль вы, друзья веселья,
Друзья Киприды и стиховъ?
Часы любви, часы похмѣлья
По прежнему ль летятъ на зовъ
Свободы, лѣни и бездѣлья?
Въ изгнаньи скучномъ каждый часъ,
Горя завистливымъ желаньемъ,
Я къ вамъ лечу воспоминаньемъ,
Воображаю, вижу васъ.
Вотъ онъ, пріютъ гостепріимный

. . . .

Гдѣ своенравный произволъ
Мѣнялъ бутылки, разговоры,
Разказы, пѣсни шалуна,
И разгаралисъ наши споры
Отъ искръ и шутокъ и вина.

пр.; о немъ же говорится въ XVI-й строфѣ I-й главы Онѣгина. Къ Кривцову написано два посланія, первое въ 1818 г., когда Кривцовъ уѣзжалъ въ Англію, и Пушкинъ посылалъ ему на дорогу какую-то поэму Вольтера, — *Когда сожмешь ты снова руку*, и пр; другое въ 1819 г.: *Не пугай насъ милый другъ* и пр. Щербинину въ 1818 г. написано въ Альбомъ стихотвореніе: *Житье тому, любезный другъ*, и пр. Къ Энгельгарду въ 1818 г. посланіе: *Я ускользнулъ отъ Эскулапа* и пр.; къ одному изъ Всеволожскихъ въ 1819 г. при отъѣздѣ его въ Москву: *Прости, счастливый сынъ пировъ*, и пр.

Я слышу, вѣрные поэты,
Вашъ очарованный языкъ.....
Налейте мнѣ вина кометы!
Желай мнѣ здравія, Калмыкъ!» [16])

Какъ ни крѣпка была физическая организація Пушкина, но она не вынесла безпорядочной жизни. Въ началѣ слѣдующаго 1818 года онъ отчаянно занемогъ. Самъ онъ упоминаетъ объ этой болѣзни въ своихъ Запискахъ:

«Болѣзнь остановила на время образъ жизни, избранный мною. Я занемогъ гнилою горячкою. Лейтонъ за меня не отвѣчалъ. Семья моя была въ отчаяніи; но черезъ 6 недѣль я выздоровѣлъ Сія болѣзнь оставила во мнѣ впечатлѣніе пріятное. Друзья навѣщали меня довольно часто; ихъ разговоры сокращали скучные вечера. Чувство выздоровленія одно изъ самыхъ сладостныхъ. Помню нетерпѣніе, съ которымъ ожидалъ я весны, хоть это время года обыкновенно наводитъ на меня тоску и даже вредитъ моему здоровью. Но душный воздухъ и закрытыя окна такъ мнѣ надоѣли во время болѣзни моей, что весна являлась моему вообраменію со всей поэтической своей пре-

---

[16]) Посланіе напечатано въ «Матеріалахъ» г. Анненкова, стр. 187. Намекъ, заключающійся въ послѣднемъ стихѣ, для насъ непонятенъ. Въ письмѣ къ брату, изъ Кишинева, отъ 27-го іюня 1822 г., Пушкинъ поручаетъ ему повидаться съ Всеволожскимъ и *пожелать здравія Калмыку.*

лестью. Это было въ февралѣ 1818 года. Первые 8 томовъ Русской исторіи Карамзина вышли въ свѣтъ. Я прочелъ ихъ въ своей постели съ жадностью и со вниманіемъ.»

Крѣпкое сложеніе и молодость возвратили Пушкина къ жизни. Однако необходимо было употребить мѣры чрезвычайныя для его излеченія. Придворный медикъ Лейтонъ сажалъ больнаго въ ванну со льдомъ.

Одно изъ дружескихъ посѣщеній, о коихъ упоминаетъ Пушкинъ, описано еще при его жизни знакомцемъ его, Васильемъ Андреевичемъ Эртелемъ, извѣстнымъ составителемъ Французско-Русскаго Словаря и другихъ учебныхъ книгъ. Эртель былъ пріятель Баратынскаго и Дельвига. Сей послѣдній привелъ его къ Пушкину весною 1818 года, когда поэтъ уже выздоравливалъ. Пушкины жили тогда на Фонтанкѣ, близь Калинкина моста, въ небольшомъ каменномъ домѣ о 2-хъ этажахъ, принадлежавшемъ г. Клокачеву (послѣ сенатору Трофимову). Поэтъ занималъ небольшую комнатку въ бельэтажѣ. Въ одно утро навѣстили его Дельвигъ, Баратынскій и Эртель.

«Мы взошли на лѣстницу—разказываетъ сей послѣдній, — слуга отворилъ двери, и мы вступили въ комнату Пушкина. У дверей стояла кровать, на которой лежалъ молодой человѣкъ въ полосатомъ бухарскомъ халатѣ, съ ермолкою на головѣ. Возлѣ постели, на столѣ лежали бумаги и книги. Въ комнатѣ соединялись признаки жилища молодаго свѣтскаго человѣка съ поэтическимъ

безпорядкомъ ученаго. При входѣ нашемъ Пушкинъ продолжалъ писать нѣсколько минутъ, потомъ, обратясь къ намъ, какъ будто уже зналъ кто пришелъ, подалъ обѣ руки моимъ товарищамъ, съ словами: «Здравствуйте, братцы!» Вслѣдъ за симъ онъ сказалъ мнѣ съ ласковою улыбкою: «Я давно желалъ знакомства съ вами, ибо мнѣ сказывали, что вы большой знатокъ въ винѣ, и всегда знаете, гдѣ достать лучшія устрицы.» Я не зналъ, радоваться ли мнѣ этому привѣтствію, или сердиться за него, однакожь отвѣчалъ съ усмѣшкою: «развѣ вы думаете, что способность ощущать физическія наслажденія, опредѣлять истинное ихъ достоинство, и гармонически соединять ихъ, проистекаетъ изъ того же источника, какъ и нравственное чувство изящнаго, которое вѣроятно по сей причинѣ на всѣхъ языкахъ означается однимъ и тѣмъ же словомъ: *вкусъ?* По крайней мѣрѣ въ отношеніи къ себѣ, я нахожу такое мнѣніе совершенно правильнымъ; ибо иначе не могъ бы съ такимъ удовольствіемъ читать ваши прелестныя произведенія.» Такъ какъ П. увидѣлъ, что я могу судить не объ однихъ винѣ и устрицахъ, то разговоръ обратился скоро къ другимъ предметамъ. Мы говорили о древней и новой литературѣ и остановились на новѣйшихъ произведеніяхъ. Сужденія Пушкина были вообще кратки, но мѣтки; и даже когда они казались несправедливыми, способъ изложенія ихъ былъ такъ остроуменъ и блистателенъ, что трудно было до-

казать ихъ неправильность. Въ разговорѣ его замѣтна была большая наклонность къ насмѣшкѣ, которая часто становилась язвительною. Она отражалась во всѣхъ чертахъ лица его, и думаю, что онъ способенъ возвыситься до той истинно-поэтической иронiи, которая подъемлется надъ ограниченною жизнью смертныхъ, и которой мы столько удивляемся въ Шекспирѣ. Хозяинъ нашъ оканчивалъ тогда романтическую свою поэму. Я зналъ уже изъ нея нѣкоторые отрывки, которые совершенно плѣнили меня, и исполнили нетерпѣнiемъ узнать цѣлое. Я высказалъ это желанiе; товарищи мои присоединились ко мнѣ, и Пушкинъ принужденъ былъ уступить нашимъ усильнымъ просьбамъ, и прочесть свое сочиненiе. Оно было истинно превосходно [17].»

[17]) См. Русскій Альманахъ на 1832 и 1833 г., изд. въ Спб. В. Эртелемъ и А. Глѣбовымъ, стр. 298—300, въ статьѣ подъ заглавіемъ *Выписка изъ бумагъ дяди Александра*, въ которой между прочимъ сообщены довольно занимательныя подробности о Дельвигѣ и Баратынскомъ. Разумѣется, имена поэтовъ обозначены первыми буквами, напр. А. С. П., Б. А. А. Д. и пр.; но нѣтъ возможности не угадать ихъ. Замѣчательно, что весь Русскій Альманахъ тогда же появился въ С.-Петербургѣ на Нѣмецкомъ языкѣ: Russischer Almanach für 1832 und 1833, von W. Oertel und A. Gliebow. О томъ, что Выписка изъ бумагъ дяди Александра есть произведеніе Эртеля, см. 2-ю статью г. Гаевскаго о *Дельвигѣ*. Современникъ, 1853 г., майская книжка, стр. 29.

Надо замѣтить, что еще долго спустя послѣ болѣзни Пушкинъ ходилъ обритый и въ ермолкѣ. Видавшіе его въ то время помнятъ, что онъ носилъ широкій черный фракъ съ нескошенными фалдами, à l'americaine и шляпу, съ прямыми полями à la Bolivar, о которой послѣ упомянулъ онъ, описывая нарядъ Онѣгина. Тогда же началъ онъ носить длинные ногти, привычка, которой онъ не измѣнялъ до конца, любя щеголять своими изящными пальцами.

Шестинедѣльная болѣзнь Пушкина оставила по себѣ память въ двухъ прекрасныхъ стихотвореніяхъ его, элегіи *Выздоровленіе* и посланіи къ В. В. Энгельгардту:

Я ускользнулъ отъ Эскулапа,
худой, обритый, но живой.

Элегія написана, если не ошибаемся, подъ вліяніемъ Батюшкова, котораго *Опыты въ прозѣ и стихахъ* появились незадолго передъ тѣмъ и конечно съ увлеченіемъ были прочитаны Пушкинымъ. По крайней мѣрѣ эта элегія живо напоминаетъ стихотвореніе Батюшкова подъ тѣмъ же заглавіемъ [18]). Пуш-

---

18) См. въ Смирдинскомъ изданіи сочиненій Батюшкова, ч. 2, стр. 36.

Но ты приблизилась, о жизнь души моей,
И алыхъ устъ твоихъ дыханье,
И слезы пламенемъ сверкающихъ очей,
И поцѣлуевъ сочетанье,
И вздохи страстные, и сила милыхъ словъ,
Меня изъ области печали,
Отъ Орковыхъ полей, отъ Леты береговъ
Для сладострастія призвали.

кинъ въ ней разказываетъ, какъ одна дѣвушка, въ военномъ нарядѣ, приходила навѣстить его во время болѣзни, что̀ по всему вѣроятно связано съ дѣйствительнымъ случаемъ.

Посланіе къ Энгельгардту, которое г. Анненковъ ошибочно отнесъ къ 1819 году оканчивается стихами:

Отъ суеты столицы праздной,
Отъ хладныхъ прелестей Невы,
Отъ вредной сплетницы молвы,
Отъ скуки столь разнообразной,
Меня зовутъ холмы, луга,
Тѣнисты клены огорода,
Пустынной рѣчки берега
И деревенская свобода.
. . . .

На этотъ разъ сельская жизнь Пушкина въ поэтическомъ отношеніи была плодотворнѣе прошлогодней. Доселѣ онъ говорилъ о себѣ:

Меня покинулъ тайный геній
И вымысловъ и сладкихъ думъ;
Любовь и жажда наслажденій
Однѣ преслѣдуютъ мой умъ.

Теперь, въ сельскомъ уединеніи Михайловскаго, онъ какъ бы отдыхалъ душею отъ прошедшаго, и совершенно оправившись въ здоровьѣ, снова занялся поэтическимъ трудомъ своимъ. Большая часть Руслана и Людмилы написана, если мы не ошибаемся, лѣтомъ 1818 года, въ Михайловскомъ. Какъ извѣстно, Пушкинъ началъ это произведеніе еще въ Лицеѣ и говорятъ, какіе-то

стихи изъ Руслана и Людмилы долго сохранялись на стѣнахъ Лицейскаго карцера. Изъ одного отрывка, уцѣлѣвшаго отъ его Лицейскихъ мемуаровъ, оказывается, что еще въ декабрѣ 1815 года онъ намѣревался писать ироическую поэму: *Игорь и Ольга.* Г. Анненковъ высказываетъ предположеніе, что мысль такой поэмы внушена была Пушкину Жуковскимъ, который въ то время задумывалъ поэму *Ольга*, въ подражаніе Вальтеръ-Скоттовой Дѣвѣ Озера. Кажется, что это предположеніе можетъ быть въ равной степени отнесено и къ Руслану и Людмилѣ. Вообще мысль о поэмѣ, которая содержаніе свое заимствовала бы изъ древней Русской исторіи и Русскаго быта, была въ то время въ большомъ ходу. Покойный графъ Уваровъ совѣтывалъ Жуковскому написать поэму изъ нашей исторіи; Батюшковъ публично вызывалъ его къ тому [19].

---

[19]) См. въ Сынѣ Отечества 1814 года (№ 35) большое примѣчаніе Батюшкова къ извѣстному письму его о сочиненіяхъ Муравьева. Письмо это было подписано буквами К. О. Б. А. Многія примѣчанія его не попали въ собраніе сочиненій Батюшкова. «Онъ (т. е. Жуковскій) долженъ непремѣнно избрать періодъ отъ рожденія Славянскаго народа до раздѣленія княжествъ по смерти Владиміра. Мы пожелаемъ съ г. Уваровымъ, чтобы авторъ Пѣвца во станѣ Русскихъ воиновъ, Двѣнадцати Спящихъ Дѣвъ и проч., поэтъ, который умѣетъ соединять пламенное, часто своенравное воображеніе съ необыкновеннымъ искусствомъ писать, посвятилъ

Еще гораздо раньше Жуковскій дѣйствительно имѣлъ намѣреніе приняться за поэму *Владиміръ*, о чемъ много говорили въ то время [20]). Еще въ началѣ 1814 года въ посланіи своемъ къ Воейкову онъ набросалъ нѣкоторыя черты будущей поэмы. Развить ихъ въ большое и цѣльное произведеніе Жуковскій по всему вѣроятію предоставилъ молодому другу своему.

Осенью 1818 года Пушкинъ привезъ въ Петербургъ уже почти готовую поэму. По крайней мѣрѣ вчернѣ она была вѣроятно вся написана. Оставался только трудъ окончательной отдѣлки, которымъ и занялся онъ въ послѣдніе мѣсяцы этого года. Поэма быстро подвигалась къ окончанію, и Пушкинъ прочитывалъ пѣсню за пѣснею на вечерахъ у Жуковскаго.

По возвращеніи своемъ изъ деревни, Пушкинъ нашелъ въ Петербургѣ Жуковскаго, съ которымъ не видался онъ около года и который, получивъ отъ Императрицы Маріи Ѳеодоровны лестное порученіе преподавать Русскій языкъ Августѣйшей Ея Невѣсткѣ, жилъ до того времени въ Москвѣ, при Высочайшемъ Дворѣ. Однако

жизнь свою на произведенія такого рода для славы отечества (которое умѣетъ чувствовать его заслуги) и не истошилъ бы своего безцѣнного таланта на блестящія бездѣлки.»

[20]) См. печатное о томъ извѣстіе въ статьѣ Греча о произведеніяхъ Русской Словесности 1817 года, Сынъ Отеч. 1818, № 1.

сношенія между поэтами продолжались, оставивъ живой слѣдъ въ тогдашней поэтической дѣятельности Пушкина Въ 1817 году, въ Москвѣ при августовской книжкѣ Вѣстника Европы появился портретъ Жуковскаго [21]), и Пушкинъ сочинилъ извѣстную надпись къ нему, которая доселѣ заключаетъ въ себѣ и лучшую похвалу, и лучшую оцѣнку поэзіи Жуковскаго [22]).

Его стиховъ плѣнительная сладость....

Жуковскій печаталъ въ Москвѣ прелестные переводы свои съ Нѣмецкаго, выдавая ихъ, вмѣстѣ съ подлинниками, отдѣльными тетрадками, которыя носили названіе: *Для немногихъ* (Für Wenige). Они вѣроятно были посыланы къ Пушкину въ Петербургъ, и дали ему поводъ написать посланіе къ Жуковскому, гдѣ выражено глубокое уваженіе къ независимости и самостоятельности поэтическаго дарованія его [23]).

---

[21]) Этотъ же портретъ послѣ былъ приложенъ къ собранію Образцовыхъ Сочиненій.

[22]) Въ Вѣстникѣ Европы еще прежде напечатаны были три надписи къ портрету Жуковскаго, одна Батюшкова, другая В. Л. Пушкина, третья Н. Д. Иванчина-Писарева. Послѣдняя находится подъ портретомъ. Надпись Пушкина появилась въ Петербургѣ, въ новомъ Журналѣ Измайлова, Благонамѣренномъ, въ 3-й части.

[23]) Это посланіе написано, по всему вѣроятію, весною 1818 года; заключаемъ о томъ по заключительнымъ его стихамъ, которые Пушкинъ въ послѣдствіи самъ откинулъ, желая придать большую стройность своему стихотворенію.

Дружба двухъ поэтовъ особенно утвердилась съ той поры, какъ они снова свидѣлись, осенью 1818 года. Эта дружба, уже никогда не ослабѣвавшая, не измѣняемая никакими обстоятельствами, была для Пушкина драгоцѣнна во всѣхъ отношеніяхъ. Не даромъ онъ называлъ Жуковскаго *пѣстуномъ и хранителемъ своей музы* [24]). Жуковскій прощалъ молодому другу своему всѣ его увлеченія и шалости, и по свидѣтельству современниковъ, баловалъ Пушкина. Послѣднему приписывали какую-то эпиграмму на него; но чего ему не приписывали? Пародіи Двѣнадцати Спящихъ Дѣвъ въ IV пѣснѣ Руслана и бѣлыхъ стиховъ Жуков-

---

Смотри, какъ пламенный поэтъ,
Вниманьемъ сладкимъ упоенный,
На свитокъ генія склоненный,
Читаетъ повѣсть древнихъ лѣтъ!

. . . .

И благодарными слезами
Карамзину приноситъ онъ
Живой души благодаренье
За мигъ восторга золотой,
За благотворное забвенье
Безплодной суеты земной:
И въ немъ трепещетъ вдохновенье.

Чтеніемъ Исторіи Карамзина Пушкинъ занимался въ началѣ 1818 года, во время выздоровленія отъ болѣзни, какъ самъ говоритъ о томъ въ Запискахъ своихъ.—Посланіе въ первоначальномъ полномъ видѣ явилось лишь въ 1821 году, въ № 52 Сына Отечества.

[24]) Въ IV пѣснѣ Руслана и Людмилы.

скаго [25]), были только шуткою, которой самъ Жуковскій сердечно радовался. Про первую изъ нихъ Пушкинъ однако писалъ въ послѣдствіи: «За пародію Двѣнадцати Спящихъ Дѣвъ можно было меня пожурить порядкомъ, какъ за недостатокъ эстетическаго чувства. Непростительно было (особенно въ мои лѣта) пародировать, въ угожденіе черни, дѣвственное поэтическое созданіе.»

Мы упомянули, что съ первымъ большимъ произведеніемъ своимъ Русланомъ и Людмилою, Пушкинъ постепенно знакомилъ пріятелей своихъ и любителей словесности на вечерахъ у Жуковскаго. Вечера эти доселѣ памятны лицамъ, имѣвшимъ счастіе на нихъ присутствовать. Жуковскій жилъ тогда въ семействѣ деревенскаго друга своего А. А. Плещеева [26]), въ Коломнѣ у Кашина моста, за каналомъ, въ угловомъ домѣ. Не смотря

---

[25]) Послушай, дѣдушка, мнѣ каждый разъ,
Когда взгляну на этотъ замокъ Ретлеръ,
Приходитъ въ мысль, что если это проза,
Да и дурная?....

См. Стихотвореніе Жуковскаго: *Тлѣнность*, появившееся впервые въ 3 нумерѣ: *Для немногихъ*. Слич. мнѣніе Пушкина о бѣлыхъ стихахъ т. VI его Сочиненій стр. 110.

[26]) А. А. Плещеевъ славился необыкновеннымъ искусствомъ читать, и былъ нѣкоторое время чтецемъ при Государынѣ Маріи Өеодоровнѣ. О немъ см. невошедшее въ Собраніе сочиненій Жуковскаго письмо о Саксоніи, въ Московскомъ Телеграфѣ 1827 г., ч. XIII, стр. 26—28.

на отдаленное положеніе этой части города, каждую субботу собирался къ Жуковскому избранный кружокъ писателей и любителей просвѣщенія, чтобы въ дружеской бесѣдѣ и въ высокихъ удовольствіяхъ ума и сердца отдыхать отъ трудовъ недѣли. «Было что-то рѣдкое въ этомъ братствѣ и общеніи лучшихъ талантовъ и лучшихъ умовъ столицы, говоритъ одинъ изъ младшихъ участниковъ этихъ литературныхъ собраній [27]). Разговоръ естественно склонялся на то, чѣмъ преимущественно занимались гости. Совершенствованіе произведеній ума и вкуса столько же у всѣхъ было на сердцѣ, какъ слава и благосостояніе отечества. Писатели, уже пользовавшіеся общимъ уваженіемъ, и молодые люди, едва выступившіе на свое поприще, но увѣнчанные надеждою, всѣ съ одинаковою откровенностью высказывали мысли свои, потому что равно любили искусство и искали только истины.» Къ числу молодыхъ людей, появлявшихся на вечерахъ Жуковскаго принадлежали между прочимъ Дельвигъ и П. А. Плетневъ, еще въ то время начавшій свое знакомство съ Пушкинымъ. Тутъ же вѣроятно бывалъ и Баратынскій, котораго Жуковскій такъ рано отличилъ и замѣтилъ и который въ мартѣ 1818 года, опредѣлился въ гвардейскій егерскій полкъ. Дружба Баратынскаго съ Пушкинымъ началась именно въ это время.

[27]) П. А. Плетневъ, въ книжкѣ своей о жизни и сочиненіяхъ Василія Андреевича Жуковскаго, Спб. 1853, стр. 41—42.

Молодой Пушкинъ оживлялъ эти собранія столько же стихами своими, какъ и неистощимою веселостью и устроуміемъ, въ которомъ никогда не было у него недостатка. Надо замѣтить, что Жуковскій, строгій наблюдатель чистоты и порядка во всѣхъ своихъ вещахъ и особенно въ бумагахъ, когда приходилось ему исправлять стихи свои, уже перебѣленные, чтобы не марать рукописи, наклеивалъ на исправленномъ мѣстѣ полосу бумаги съ новыми стихами. Самъ онъ рѣдко читалъ вслухъ свои произведенія и обыкновенно поручалъ это другимъ. Разъ, кто-то изъ чтецовъ, которому прежніе стихи нравились лучше новыхъ, сорвалъ бумажку и прочелъ по старому Въ эту самую минуту Пушкинъ, посреди. общей тишины, съ ловкостью подлѣзаетъ подъ столъ, достаетъ бумажку и кладя ее въ карманъ, преважно говоритъ: «Что Жуковскій бросаетъ, то намъ еще пригодится» [28]).

Мы не знаемъ всю ли поэму свою прочиталъ Пушкинъ на вечерахъ у Жуковскаго, или только нѣкоторыя ея пѣсни. По преданію, уже не разъ сообщенному публикѣ, извѣстно, что на одномъ изъ этихъ вечеровъ Жуковскій поднесъ Пушкину литографированный портретъ свой съ надписью: *Ученику-побѣдителю отъ побѣжденнаго учителя въ высокоторжественный день оконча-*

---

[28]) За сообщеніе этого свѣдѣнія обязаны мы очевидцу, П. А. Плетневу.

нія Руслана и Людмилы [29]). Разумѣется, все это было сдѣлано съ веселою шуткою, и смѣшно выводить отсюда какія-либо серьозныя заключенія. Ни малѣйшаго соперничества никогда не существовало между двумя поэтами, которые одарены были различными, но равно самобытными талантами. Побѣда заключалась только въ томъ, что общее вниманіе публики и увлеченіе любителей словесности перешло отъ Жуковскаго къ молодому его другу. Жуковскій подаркомъ своимъ выразилъ общее сочувствіе гостей, съ восхищеніемъ внимавшихъ звукамъ новой, плѣнительной поэзіи.

Въ числѣ сихъ послѣднихъ находился и Батюшковъ, уже страдавшій тяжкою болѣзнію, и въ то время собиравшійся за границу, тщетно искавъ исцѣленія въ полуденномъ краю Россіи. Сказываютъ, что на упомянутомъ вечерѣ у Жуковскаго онъ съ необыкновеннымъ вниманіемъ слушалъ новую поэму и казалось былъ пораженъ неожиданностью и новостью впечатлѣнія. Г. Анненковъ сообщаетъ [30]), будто еще прежде Батюшковъ судорожно сжалъ въ рукахъ листокъ бумаги, на которомъ читалъ посланіе Пушкина къ Ю. (Юрьеву): *Поклонникъ въ-*

---

[29]) См. Соврем. 1838 г. № 2, стр. 27. Портретъ этотъ, если не ошибаемся, принадлежитъ къ непоступавшему въ продажу собранію портретовъ Русскихъ людей, и писанъ извѣстнымъ художникомъ Дау.

[30]) «Матеріалы», стр. 55.

тренныхъ Лаисъ и пр. и проговорилъ: «О! какъ сталъ писать этотъ злодѣй!» Тѣмъ не менѣе въ письмѣ Батюшкова къ А. И. Тургеневу изъ Неаполя, отъ 24-го марта 1819 г., читаемъ: «Просите Пушкина именемъ Аріоста, выслать мнѣ свою поэму, исполненную красотъ и *надежды*, если онъ возлюбитъ славу паче разсѣянія» [31]).

Слава молодаго поэта быстро распространялась, и уже не въ отдѣльныхъ только кружкахъ, но по всему городу. «Отъ великолѣпнѣйшаго салона вельможъ до самой нецеремонной пирушки офицеровъ, свидѣтельствуетъ П. А. Плетневъ — вездѣ принимали его съ восхищеніемъ, питая и собственную и его суетность этою славою, которая такъ неотступно слѣдовала за каждымъ его шагомъ.» [32]) Люди читающіе увлечены были прелестью его поэтическаго дарованія; другіе на перерывъ повторяли его остроты и эпиграммы, разказывали его шалости. Между тѣмъ самъ онъ безпечно расточалъ богатство души своей. Братъ его, Левъ Сергѣевичъ, въ своей, къ сожалѣнію столь краткой о немъ запискѣ, [33]) говоритъ, что «его поочередно влекли къ себѣ то большой свѣтъ, то шумные пиры, то закулисныя тайны.» Симъ послѣднимъ нѣкоторое

[31]) Соч. Батюшкова, изд. Смирдина ч. I, стр. 359. Вечеръ у Жуковскаго былъ, если неошибаемся, въ самомъ началѣ 1819 г.

[32]) Современникъ 1838 г., № 2, стр. 25.

[33]) Москвитянинъ 1853 г., № 10, стр. 51.

время жертвовалъ онъ большею частью своего досуга. Особенно занимали его балетные спектакли, и шесть блестящихъ строфъ въ первой главѣ Онѣгина свидѣтельствуютъ о тогдашней страсти его къ театру, и о томъ, какъ плѣняла его славная Истомина. Впослѣдствіи, живя въ Кишеневѣ, онъ требовалъ отъ брата извѣстій о театрѣ. «Пиши мнѣ, говоритъ онъ въ письмѣ отъ 30-го января 1823 г., о Дидло, объ Черкешенкѣ Истоминой, за которой когда-то я волочился подобно Кавказскому Плѣннику.» Доступъ къ закулиснымъ тайнамъ былъ ему открытъ между прочимъ по знакомству съ директоромъ Петербургскаго театра, кн. А. А. Шаховскимъ. Литературная вражда сего послѣдняго съ членами Арзамасскаго общества въ то время уже затихла, и такъ какъ она никогда не переходила во вражду личную, то Пушкину не представлялось никакихъ затрудненій сблизиться съ знаменитымъ комикомъ. Ихъ познакомилъ общій пріятель, П. А. Катенинъ, сохранившій въ Запискахъ своихъ разговоръ, бывшій у него съ Пушкинымъ, когда они оба возвращались ночью въ саняхъ отъ кн. Шаховскаго. «Savez-vous, сказалъ Пушкинъ, qu'il est très bon homme au fond? Jamais je ne croirai qu'il ait voulu nuire sérieusement à Ozerow, ni à qui que ce soit. — «Vous l'avez cru pourtant, отвѣчалъ Катенинъ, Vous l'avez ecrit et publié; voila le mal.» Heureusement, возразилъ Пушкинъ, personne n'a lu ce barbouillage d'écolier; pensez vous qu'il en sache

quelque chose?—Non; car il ne m'en a jamais parlé» — Tant mieux, faisons comme lui, et n'en parlons jamais.» [34]) Пушкинъ очень былъ доволенъ новымъ знакомствомъ, и впослѣдствіи писалъ къ Катенину, упоминая объ одномъ мѣстѣ изъ Андромахи, сочиненіи сего послѣдняго: «Оно мнѣ живо напомнило одинъ изъ лучшихъ вечеровъ моей жизни; помнишь?.... на чердакѣ кн. Шаховскаго [35]).»

Дружба Пушкина съ Катенинымъ началась съ того, что первый пришелъ къ послѣднему, и подавая ему свою трость, сказалъ: «Я пришелъ къ вамъ какъ Діогенъ къ Антисѳену: побей—но выучи!» «Ученаго учить—портить!» отвѣчалъ ему Катенинъ [36]).

Павелъ Александровичъ Катенинъ служилъ тогда капитаномъ въ Преображенскомъ полку, и въ предшествовавшія войны участвовалъ во многихъ сраженіяхъ. Но еще гораздо раньше, занимая какую то должность въ министерствѣ народнаго просвѣщенія, онъ страстно полюбилъ науки и словесность. Въ тогдашнемъ обществѣ и меж-

---

[34]) См. у г. Анненкова, стр. 56. Катенинъ упрекалъ Пушкина вѣроятно за тѣ мѣста въ Посланіи его къ Жуковскому (1817 года), которыми Шаховскій не могъ не оскорбиться. Впрочемъ посланіе это при жизни Пушкина не появлялось въ печати.

[35]) Тамъ же, стр. 60.

[36]) Тамъ же, стр. 55. Г. Анненковъ приводитъ также нѣсколько писемъ Пушкина къ Катенину, относящихся къ позднѣйшему времени.

ду писателями того времени онъ былъ явленіемъ весьма замѣчательнымъ, по необыкновенной начитанности и огромному запасу разнообразныхъ свѣдѣній, которыми онъ удивлялъ всѣхъ своихъ знакомыхъ, и которыя раскрылъ между прочимъ позднѣе, въ статьяхъ своихъ о Теоріи Словесности, помѣщавшихся въ Литературной Газетѣ Дельвига 1830 г. Оттого Катенинъ отличался рѣдкою самостоятельностью и твердостью въ сужденіяхъ, и мы думаемъ, что не столько таланты его, какъ писателя, сколько упомянутыя качества привлекали къ нему Пушкина, умѣвшаго даже и во время буйной своей молодости цѣнить и любить настоящія достоинства въ людяхъ. Катенинъ былъ старше Пушкина 7 годами. Пушкинъ вѣрилъ его сужденіямъ, и не рѣдко подчинялся имъ. «Ты отучилъ меня отъ односторонности въ литературныхъ мнѣніяхъ, а односторонность есть пагуба мысли», писалъ къ нему въ послѣдствіи Пушкинъ. Говорятъ даже, что и въ обращеніи и ухваткахъ у нихъ было что-то общее. Вліяніе Катенина на Пушкина относится именно къ этому времени. Впослѣдствіи они уже не могли часто видаться, будучи разлучены разными обстоятельствами жизни. Но Пушкинъ до конца сохранялъ неизмѣнное уваженіе къ литературнымъ его приговорамъ.

Въ такихъ же, но можетъ быть болѣе искреннихъ сношеніяхъ находился Поэтъ съ другимъ пріятелемъ своимъ, гвардейскимъ офицеромъ Петромъ Яковлевичемъ Чаадае-

вымъ. Они познакомились въ домѣ Карамзина еще въ Царскомъ Селѣ, гдѣ Чаадаевъ стоялъ съ лейбъ-гусарскимъ полкомъ. Съ перваго же свиданія молодой поэтъ сблизился съ нимъ, и въ послѣдній годъ лицейской жизни своей, безпрестанно приходилъ къ нему, и просиживалъ у него цѣлые дни, то бесѣдуя съ нимъ, то читая книги въ его отборной и обширной библіотекѣ. Черезъ годъ они снова свидѣлись въ Петербургѣ (1818), куда переѣхалъ Чаадаевъ, занявъ мѣсто адъютанта при Илларіонѣ Васильевичѣ Васильчиковѣ (впослѣдствіи князѣ), начальникѣ гвардейскаго корпуса. Съ шумныхъ пировъ, съ блестящихъ баловъ, съ театральныхъ репетицій поэтъ не рѣдко убѣгалъ въ кабинетъ друга своего, въ Демутовомъ трактирѣ, чтобы освѣжить умъ и сердце искреннею и дѣльною бесѣдою. Подъ вліяніемъ этихъ сношеній написано въ 1818 г. искаженное во всѣхъ изданіяхъ посланіе къ нему Пушкина, начинающееся такъ:

Любви, надежды, тихой славы
Недолго нѣжилъ насъ обманъ.....

Но свою признательность къ другу поэтъ выразилъ публично, черезъ годъ послѣ разлуки съ нимъ, въ извѣстномъ посланіи, принадлежащемъ къ лучшимъ его произведеніямъ.[87]) Въ апрѣлѣ 1821 года изъ Кишинева писалъ онъ къ нему:

---

[87]) Оно было напечатано въ 35 № Сына Отечества 1821 года, съ полнымъ именемъ Автора, что много значило, ибо большую часть своихъ

. . . . . . печальный вижу я
Лазурь чужихъ небесъ, полдневные края;
Ничто не замѣнитъ единственнаго друга:
Ни Музы, ни труды, ни радости досуга.
Ты былъ цѣлителемъ моихъ душевныхъ силъ;

У Чаадаева поэтъ познакомился со многими замѣчательными людьми, и сблизился съ его товарищемъ по службѣ Н. Н. Раевскимъ, который такъ былъ друженъ съ Пушкинымъ въ послѣдствіи.—Когда имя Пушкина становилось уже народнымъ, и Государь Александръ Павловичь изъявилъ Васильчикову желаніе Свое прочитать какіе нибудь еще неизданные стихи молодаго поэта, Васильчиковъ обратился за ними къ адъютанту своему, и тотъ доставилъ собственноручно переписанное Пушкинымъ стихотвореніе *Уединеніе*: это превосходное, уже запечатлѣнное всею силою таланта, произведеніе, и особенно неизданный конецъ его, удостоились Высочайшаго вниманія и отмѣнно полюбились Его Величеству. [38])

посланій Пушкинъ либо вовсе не печаталъ, либо не вполнѣ означалъ своимъ именемъ.

О неизмѣнный другъ, тебѣ я посвятилъ
И краткій вѣкъ, уже испытанный судьбою,
И чувства, можетъ быть спасенныя тобою!....
Во глубину души вникая строгимъ взоромъ,
Ты оживлялъ ее совѣтомъ иль укоромъ;
Твой жаръ воспламенялъ къ высокому любовь;
Терпѣнье смѣлое во мнѣ раждалось вновь.....

[38]) Еще когда Пушкинъ былъ въ Лицеѣ, его стихи къ принцу Оранскому, (въ послѣдствіи Ко-

Стихотворенія *Уединеніе* и *Домовому* написаны лѣтомъ 1819 года въ Михайловскомъ, куда ежегодно уѣзжалъ Пушкинъ вмѣстѣ съ семьею; въ нихъ изображены картины тамошней мѣстности. Отъ 1819 года имѣемъ мы не болѣе 10 стихотвореній Пушкина, но за то почти всѣ они уже отличаются тою художественною правильностью и отдѣлкою, которыя съ той поры все болѣе обнаруживаются въ его произведеніяхъ. Еще въ Петербургѣ написаны имъ два антологическія стихотворенія: *Дорида и Доридѣ*. [39]) Можно догадываться, что къ концу 1819 года Пушкину начинаетъ надоѣдать безпорядочная жизнь: разгаръ страстей утомляетъ его. Но могучая природа тотчасъ снова получаетъ бодрость. Поэтъ сознаетъ высокое призваніе свое, какъ о томъ свидѣтельствуетъ написанная въ то время піеса *Возрожденіе* , въ

ролю Нидерландскому, супругу Ея Величества Анны Павловны) были поднесены Государынѣ Императрицѣ Маріи Ѳеодоровнѣ, Которая благоволила наградить Автора золотыми часами съ цѣпочкою. (См. сочиненіе Пушкина, изд. Анненкова, т. II, стр. 152). Мысли, выраженныя въ концѣ стихотворенія *Уединеніе* , были тогда въ большомъ ходу. См. между прочимъ Вѣстникъ Европы 1817 года, № 3-й и далѣе.

[39]) Г. Анненковъ не справедливо относитъ ихъ къ произведеніямъ написаннымъ въ южной Россіи: оба они появились въ печати въ январьской и февральской книжкахъ Невскаго Зрителя 1820 года, а поэтъ оставилъ Петербургъ, лишь въ маѣ этого года.

которой онъ какъ бы сравниваетъ прошедшія увлеченія свои съ чуждыми красками, затемнявшими собою картину геніальнаго художника:

Но краски чуждыя, съ лѣтами,
Спадаютъ ветхой чешуей:
Созданье генія предъ нами
Выходитъ съ прежней красотой.
Такъ исчезаютъ заблужденья
Съ измученной души моей,
И возникаютъ въ ней видѣнья
Первоначальныхъ, чистыхъ дней.

Этими стихами, если не ошибаемся, обозначается вообще направленіе Пушкина въ послѣдніе мѣсяцы его пребыванія въ Петербургѣ, хотя разумѣется по живости своего характера онъ не всегда равно слѣдовалъ оному. Подробностей мы не имѣемъ, но кажется, къ этому времени слѣдуетъ отнести столь извѣстное предсказаніе гадальщицы, которое къ нашему горю сбылось во всей точности.

Едва ли найдется кто либо не только изъ друзей Пушкина, но даже изъ людей, часто бывавшихъ съ нимъ вмѣстѣ, кто бы не слыхалъ отъ него болѣе или менѣе подробнаго разказа объ этомъ случаѣ, который потому и принадлежитъ къ весьма немногому числу загадочныхъ, но въ тоже время достовѣрныхъ, сверхъестественныхъ происшествій. Во всякой искренней бесѣдѣ Пушкинъ вспоминалъ о немъ, н особенно когда заходилъ разговоръ о наклонности его къ суевѣрію и о примѣтахъ. Такъ между про-

чимъ въ 1833 году въ Казани онъ передавалъ его извѣстной писательницѣ, Александрѣ Андреевнѣ Фуксъ, которая и сообщила его публикѣ въ своихъ Воспоминаніяхъ о Пушкинѣ [40]).

Поздо вечеромъ, за ужиномъ, разговорившись о магнетисмѣ и о своей вѣрѣ въ него, Пушкинъ началъ такъ разказывать г-жѣ Фуксъ и ея мужу: «Быть такъ суевѣрнымъ, заставилъ меня одинъ случай. Разъ пошелъ я съ Н. В. В. ходить по Невскому проспекту, и изъ проказъ зашли въ кофейной гадальщицѣ. Мы просили ее намъ погадать, и, не говоря о прошедшемъ, сказать будущее.» Вы, сказала она мнѣ, на этихъ дняхъ встрѣтитесь съ вашимъ давнишнимъ знакомымъ, который вамъ будетъ предлагать хорошее по службѣ мѣсто; потомъ въ скоромъ времени, получите черезъ письмо неожиданныя деньги; третіе, я должна вамъ сказать, что вы кончите вашу жизнь неестественною смертью».... Безъ сомнѣнія я забылъ въ тотъ же день и о гаданіи и о гадальщицѣ. Но спустя недѣли двѣ послѣ этого предсказанія, и опять на Невскомъ проспектѣ, я дѣйствительно встрѣтился съ моимъ давнишнимъ пріятелемъ, который служилъ въ Варшавѣ при Великомъ Князѣ Константинѣ Павловичѣ и перешелъ слу-

---

40) См. Воспоминанія объ А. С. Пушкинѣ Александры Фуксъ, Казанъ 1844, брошюра изъ № 2-го Прибавленій къ Казанскимъ Губернскимъ Вѣдомостямъ.

жить въ Петербургъ; онъ мнѣ предлагалъ и совѣтовалъ занять его мѣсто въ Варшавѣ, увѣряя меня, что Цесаревичъ этого желаетъ. Вотъ первый разъ послѣ гаданья, когда я вспомнилъ о гадальщицѣ. Чрезъ нѣсколько дней послѣ встрѣчи съ знакомымъ, я въ самомъ дѣлѣ получилъ съ почты письмо съ деньгами; и могъ ли я ожидать ихъ? Эти деньги прислалъ мой лицейскій товарищъ, съ которымъ мы, бывши еще учениками, играли въ карты, и я его обыгралъ: онъ, получа послѣ умершаго отца наслѣдство, прислалъ мнѣ долгъ, котораго я не только не ожидалъ, но и забылъ объ немъ. Теперь надобно сбыться третьему предсказанію, и я въ этомъ совершенно увѣренъ.»

Этотъ разказъ, въ вѣрности передачи котораго ручается благоговѣйное уваженіе г-жи Фуксъ къ памяти Пушкина, далеко не полонъ. Изъ достовѣрныхъ показаній друзей поэта оказывается, что старая нѣмка, по имени Киргофъ, къ числу разныхъ промысловъ которой принадлежали ворожба и гаданье, сказала Пушкину: «Du wirst zwei Mal verbannt sein; du wirst der Abgott deiner Nation werden; vielleicht wirst du sehr lange leben, doch in deinem 37 Jahre fürchte dich vor einem weissen Menschen, einem weissen Ross oder einem weissen Kopfe.» (Т. е. ты будешь два раза жить въ изгнаніи; ты будешь кумиромъ своего народа; можетъ быть ты проживешь долго; но на 37 году жизни берегись бѣлаго человѣка, бѣлой лошади или бѣлой головы). По свидѣтельству Льва

Сергѣевича предсказана была и женитьба [41]. Левъ Сергѣевичъ передаетъ еще, что братъ его встрѣтился съ знакомымъ своимъ, предлагавшимъ ему надѣть эполеты, по выходѣ изъ театра до окончанія представленія и что знакомый этотъ былъ генералъ Орловъ; что предсказанныя деньги Пушкинъ нашелъ возвратясь домой: ихъ оставилъ ему товарищъ, заѣхавшій съ нимъ проститься передъ отправленіемъ за границу.

Поэтъ твердо вѣрилъ предвѣщанію во всѣхъ его подробностяхъ, хотя иногда шутилъ, вспоминая о немъ. Такъ, говоря о предсказанной ему народной славѣ, онъ смѣючись прибавлялъ, разумѣется въ тѣсномъ пріятельскомъ кружку: «А вѣдь предсказаніе сбывается, что́ ни говорятъ журналисты.» По свидѣтельству покойнаго П. В. Нащокина, въ концѣ 1830 года, живя въ Москвѣ, раздосадованный разными мелочными обстоятельствами, онъ выразилъ желаніе ѣхать въ Польшу, чтобы тамъ принять участіе въ войнѣ: въ непріятельскомъ лагерѣ находился кто-то по имени Вейскопфъ (бѣлая голова), и Пушкинъ говорилъ другу своему: «Посмотри, сбудется слово нѣмки; онъ непремѣнно убьетъ меня!»

Нужно ли прибавлять, что настоящій убійца дѣйствительно бѣлокурый человѣкъ и въ 1837 году носилъ бѣлый мундиръ?

Причины и обстоятельства удаленія Пушкина изъ Петербурга еще не могутъ быть

---

[41]) См. Москвит. 1853 № 10-й стр. 52.

разъяснены въ подробностяхъ. Вѣрно то, что ему готовилась участь гораздо болѣе тяжкая той, которой онъ подвергся. Нѣжной предупредительности одного изъ истинныхъ друзей своихъ, въ особенности же поручительству Н. М. Карамзина и ходатайству своего начальника по службѣ, графа Каподистріи, обязанъ былъ онъ смягченіемъ судьбы своей. Другъ его, услыхавъ о грозившей ему бѣдѣ, поспѣшилъ къ Карамзину, и объяснилъ ему дѣло, съ трудомъ нашедъ случай переговорить съ нимъ о томъ. Пушкинъ, никогда не забывалъ этого, и въ слѣдующихъ двухъ стихахъ благодарилъ попечительнаго друга:

Въ минуту гибели надъ бездной потаенной
Ты поддержалъ меня недремлющей рукой.

Въ Эпилогѣ къ Руслану и Людмилѣ, написанномъ уже на Кавказѣ, читаемъ:

Я пѣлъ и забывалъ обиды
Слѣпаго счастья и враговъ,
Измѣны вѣтренной Дориды,
И сплетни шумныя глупцовъ.
На крыльяхъ вымысла носимой,
Умъ улеталъ за край земной;
И между тѣмъ грозы незримой
Сбиралась туча надо мной!...
Я погибалъ... Святой хранитель
Первоначальныхъ, бурныхъ дней,
О дружба, нѣжный утѣшитель,
Болѣзненной души моей!
Ты умолила непогоду;
Ты сердцу возвратила миръ;
Ты сохранила мнѣ свободу,
Кипящей младости кумиръ!

Почти наканунѣ рѣшенія своей участи, поэтъ просидѣлъ у Карамзина до полночи, искренно передавая ему повѣсть своихъ заблужденій и прося о заступленіи. Конечно эта бесѣда съ Карамзинымъ, послѣдняя въ жизни, осталась на всегда въ благодарной памяти Пушкина.

Изъ мѣста службы своей онъ переведенъ былъ въ канцелярію главнаго попечителя колонистовъ Южнаго края, генералъ-лейтенанта Ивана Никитича Инзова. Отпускъ, данный ему изъ министерства иностранныхъ дѣлъ, носитъ помѣту 5-го мая 1820 года. Онъ немедленно отправился изъ Петербурга въ Екатеринославль, гдѣ тогда находилось управленіе колоніями Южной Россіи. Друзья его, Дельвигъ и П. Л. Яковлевъ, братъ лицейскаго товарища, проводили его до Царскаго села [42].

Его поэма появилась въ печати чрезъ нѣсколько мѣсяцевъ по его отъѣздѣ: ценсурная помѣта на ней Ив. Тимковскаго означена 15-го мая 1820 года. Въ сентябрѣ, въ 38 книжкѣ Сына Отечества одинъ изъ восторженныхъ его почитателей напечаталъ посланіе къ нему, оканчивающееся стихами:

Судьбы и времени сѣдаго
Не бойся, молодой пѣвецъ!
Слѣды исчезнутъ поколѣній,
Но живъ талантъ, безсмертенъ геній.

---

[42]) См. 3-ю статью Гаевскаго о Дельвигѣ, въ 1-й книжкѣ Современника за 1854 годъ, въ отдѣлѣ критики, стр. 7.

Этотъ привѣтъ тронулъ душу поэта, и онъ отвѣчалъ на него впослѣдствіи.

Когда средь оргій жизни шумной
Меня постигнулъ остракизмъ,
Увидѣлъ я толпы безумной
Презрѣнный, робкій эгоизмъ.
Безъ слезъ оставилъ я съ досадой
Вѣнки пировъ и блескъ Аѳинъ,
Но голосъ твой мнѣ былъ отрадой,
Великодушный гражданинъ [43]).

Не знаемъ, останавливался ли Пушкинъ на пути въ родномъ своемъ городѣ въ Москвѣ. Въ іюнѣ уже застаемъ его при Инзовѣ въ Екатеринославлѣ. *П. Бартеневъ.*

---

[43]) Изъ письма къ брату Льву Сергѣевичу. (Кишеневъ, въ янв. 1823). Копіи съ подлинныхъ писемъ Пушкина къ брату были сообщены намъ еще въ октябрѣ 1853 года въ полное распоряженіе съ согласія супруги Льва Сергѣевича, С. А. Соболевскимъ, которому приносимъ усерднѣйшую благодарность и за многія другія указанія и исправленія въ трудѣ нашемъ.

(Изъ №№ 142, 144 и 145 Моск. Вѣд. 1855 года.)

Печатать позволяется. Москва, Декабря 9-го дня, 1855 г.
Ценсоръ В. Флеровъ.

Москва. 1855 года. Въ Университетской Типографіи.

ПУШКИНЪ ВЪ ЮЖНОЙ РОССІИ.

МАТЕРІАЛЫ ДЛЯ ЕГО БІОГРАФІИ,

СОБИРАЕМЫЕ

ПЕТРОМЪ БАРТЕНЕВЫМЪ.

МОСКВА.

ВЪ ТИПОГРАФІИ ГРАЧЕВА И КОМП.

1862.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлено было въ Цензурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ.
Москва, 12 января 1862 года.

Цензоръ *А. Петровъ.*

МАТЕРІАЛЫ ДЛЯ БІОГРАФІИ А. С. ПУШКИНА.

—

ГЛАВА IV *).

Пушкинъ въ южной Россіи.

Въ предлагаемой статьѣ я намѣренъ передать собранныя мною свѣдѣнія о жизни Пушкина въ Екатеринославлѣ, на Кавказѣ, въ Крыму, въ Бессарабіи и въ Одессѣ. Разсказъ мой обнимаетъ собою немного больше четырехъ лѣтъ, именно съ мая мѣсяца 1820, по августъ 1824 года. Время это, начавшееся для Пушкина ссылкою и кончившееся тоже ссылкою, отмѣчено въ исторіи русской словесности и русской внутренней жизни самыми свѣжими благоуханными цвѣтами Пушкинской поэзіи; въ эти четыре года вполнѣ развернулся блистательный геній Пушкина, и его имя пронеслось во всѣ концы Россіи.

Но прежде чѣмъ приступить къ настоящему предмету моего разсказа, я почитаю нужнымъ изложить сколько возможно подробнѣе обстоятельства удаленія Пушкина изъ Петербурга.

*) Первыя три главы, въ которыхъ разсказаны дѣтство Пушкина, его воспитаніе и петербургская жизнь по выходѣ изъ лицея, напечатаны въ *Московскихъ Вѣдомостяхъ* 1854 г. №№ 71, 117—119 и 1855 г. №№ 142—145.

Въ „*Матеріалахъ для біографіи Пушкина*“, составленныхъ П. В. Анненковымъ, о первой ссылкѣ Пушкина разсказывается слѣдующимъ образомъ (стр. 69—70). „Поводомъ къ удаленію Пушкина изъ Петербурга были его собственная неосмотрительность, заносчивость въ мнѣніяхъ и поступкахъ, которыя не лежали въ сущности его характера, но привились къ нему по легкомыслію молодости, и потому что проходили тогда почти безъ осужденія. Этотъ недостатокъ общества, намъ уже къ счастію неизвѣстный, долженъ былъ проявиться сильнѣе въ натурѣ воспріимчивой и пламенной, какова была Пушкина. Не разъ переступалъ онъ черту, у которой остановился бы всякій, болѣе разсудительный человѣкъ, и скоро дошелъ до края той пропасти, въ которую бы упалъ непремѣнно, если бы его не удержали снисходительность и попечительность самого начальства“. Вотъ почти все, сказанное г. Анненковымъ о ссылкѣ Пушкина; къ этому онъ прибавляетъ только, что Пушкина сослали къ Инзову, и что онъ былъ обязанъ Карамзину смягченіемъ своей участи. Я нарочно сдѣлалъ эту выписку, потому что въ этихъ словахъ высказано довольно общее мнѣніе о Пушкинѣ и о тогдашнемъ времени; но мнѣ кажется, что внимательное историческое разсмотрѣніе дѣла не дозволяетъ *вполнѣ* согласиться съ такимъ отзывомъ почтеннаго критика и біографа, и что многія обстоятельства должны извинить молодаго Пушкина.

Прежде всего, по моему мнѣнію, не слѣдуетъ забывать, что Пушкинъ учился въ Царскосельскомъ Лицеѣ, а Лицей и учрежденъ былъ именно для того, чтобы приготовлять *дѣятелей государственной службы*, слѣдовательно возбуждалъ и поддерживалъ въ своихъ воспитанникахъ

участіе и вниманіе къ общей, государственной жизни отечества. Любимымъ профессоромъ лицеистовъ былъ Куницынъ:

Куницыну дань сердца и вина,
Онъ создалъ насъ, онъ воспиталъ нашъ пламень,
Поставленъ имъ краеугольный камень,
Имъ чистая лампада возжена.

А чѣмъ ознаменовалъ свою дѣятельность этотъ по истинѣ достопамятный человѣкъ? Онъ провозглашалъ во всеуслышаніе, въ Высочайшемъ присутствіи, въ рѣчахъ на актахъ Лицея, и въ печатныхъ статьяхъ своихъ, мысли и соображенія о необходимости коренныхъ преобразованій, и получалъ награды отъ высшаго начальства. [1])

Въ числѣ другихъ преподавателей Лицея нѣкто Будри былъ родной братъ Марата; онъ былъ похожъ на него лицемъ и разсказывалъ ученикамъ разные анекдоты о немъ. Учитель военныхъ наукъ, инженеръ-полковникъ Эльснеръ, служилъ прежде адъютантомъ у Костюшки. Стало быть, съ малыхъ лѣтъ, Пушкинъ привыкалъ

---

[1]) О жизни А. П. Куницына сохранилось, по крайней мѣрѣ въ печати, очень мало извѣстій. Знаемъ только, что онъ учился въ Германіи и въ 1820-хъ годахъ потерпѣлъ на службѣ. Изъ трудовъ его намъ извѣстны рѣчь при открытіи Лицея, книга *Естественное Право* и нѣсколько статей въ журналахъ, напримѣръ въ *Сынѣ Отечества* 1818 года, № 18, стр. 202—211: о *Конституціи*, съ эпиграфомъ: Certe id firmissimum longe imperium est, quo obedientes gaudent, и №№ 23 и 24: *Разсмотрѣніе рѣчи г. президента академіи наукъ* (С. С. Уварова, говорившаго въ публичномъ засѣданіи главнаго педагогическаго института, 22 марта 1818 г., о восточныхъ языкахъ и всемірной исторіи). Въ этой послѣдней статьѣ между прочимъ сказано: «Вѣкъ лжи и лести, кажется, оканчивается. Нынѣ и влады и міра говорятъ и любятъ правду; о царяхъ судятъ съ благоговѣніемъ, но по чистотѣ сердца; пусть одни наемники продолжаютъ искусство лести».

размышлять и бесѣдовать о различныхъ направленіяхъ внутренней и внѣшней государственной политики.

Въ послѣдніе годы своей лицейской жизни Пушкинъ сблизился съ нѣкоторыми офицерами именно изъ тѣхъ полковъ, которые довольно долгое время стояли во Франціи и которые возвратились на родину съ новыми понятіями. Весною 1818 г., императоръ Александръ открывалъ сеймъ въ Варшавѣ и произнесъ знаменитую рѣчь свою, которая отозвалась по всей Европѣ и еще сильнѣе должна была подѣйствовать на русскую молодежь.... Съ другой стороны не слѣдуетъ упускать изъ виду того, что русская государственная жизнь, въ силу нашего окончательнаго, тѣснаго сближенія съ Европой, шла рука объ руку съ общею европейскою жизнью, или, вѣрнѣе, служила ей постояннымъ отголоскомъ. А что тогда происходило въ Европѣ? Вартбургскій праздникъ, союзы студентовъ во имя добродѣтели, революціонныя попытки въ Неаполѣ, Сардиніи, Испаніи, возстаніе Грековъ, и рядомъ съ этимъ ограниченіе печати, Карлсбадскія совѣщанія, неограниченная власть Меттерниха, конгрессы съ вооруженнымъ вмѣшательствомъ, смерть Коцебу и герцога Беррійскаго.

И такъ Пушкинъ, и по воспитанію своему, и по связямъ дружескимъ, и наконецъ по врожденному призванію, какъ поэтъ, естественно долженъ былъ отражать въ себѣ общее настроеніе своихъ современниковъ, и раздѣлялъ съ ними какъ опрометчивость, заносчивость, рѣзкость въ сужденіяхъ и поступкахъ, такъ и лучшія ихъ качества. Многіе пріятели Пушкина умѣли молчать и смыкались въ закрытые масонскіе и политическіе кружки, а у молодаго поэта всякое

горячее движеніе души, всякій взрывъ нетерпѣнія или негодованія высказывался почти что невольно въ оригинальныхъ проказахъ, въ эпиграмахъ и чудныхъ стихахъ.

Насъ было много на челнѣ;
Иные парусъ напрягали,
Другіе дружно упирали
Въ глубь мощны весла. Въ тишинѣ,
На руль склонясь, нашъ кормщикъ умный
Въ молчаньи правилъ грузный челнъ,
А я—безпечной вѣры полнъ—
Пловцамъ я пѣлъ.... 2)

Другой вопросъ, хорошо ли было это направленіе высшаго русскаго общества. Кажется намъ, что довольно вѣрный отвѣтъ на этотъ вопросъ данъ гр. Л. Н. Толстымъ въ повѣсти *Два гусара*, изображающей тогдашнее время и наше.

Возвращаясь къ Пушкину, должно еще вспомнить, что не одни общія, но и частныя, даже личныя условія тогдашней его жизни способны были раздражать его и въ свою очередь порождали то безпокойное состояніе души и вызывали тѣ возмутительные поступки и стихи, изъза которыхъ онъ пострадалъ. Его семейныя отношенія были въ то время далеко не успокоительны. По смерти нѣжно любившей его бабушки (1817), Марьи Алексѣевны Ганибаловой, семья его состояла изъ отца, матери старшей сестры и младшаго брата. Съ Ольгой Сергѣевной, подругой своего дѣтства, онъ уже не могъ быть теперь такъ близокъ, какъ прежде—естественное слѣдствіе долговременной разлуки: они отвыкли другъ отъ друга, пока Пушкинъ учился въ Лицеѣ, а сестра выростала въ Москвѣ. Братъ,

---

2) Изъ стихотворенія Пушкина *Аріонъ* (1830). См. Сочиненія Пушкина, изд. Анненкова, VII, 41. Мы вездѣ ссылаемся на это изданіе.

впослѣдствіи такъ заботливо любимый имъ, въ то время былъ еще очень молодъ и не жилъ дома: его отдали въ благородный пансіонъ при тогдашнемъ петербургскомъ педагогическомъ институтѣ. О матери Пушкина не сохранилось никакихъ особенныхъ свѣдѣній; но общую основу семейному узлу давалъ все-таки отецъ, — а это былъ человѣкъ, по общему отзыву современниковъ, соединявшій со многими любезными качествами нравъ мелочной и до крайности раздражительный. Пріятный и острый собесѣдникъ въ обществѣ, онъ, какъ часто случается съ подобнаго рода людьми, бывалъ иногда тяжелъ въ домашней жизни. Молодой Пушкинъ часто нуждался въ деньгахъ. За стихи въ то время еще не платили ему, а тѣхъ 700 рублей, которые онъ получалъ, числясь на службѣ въ коллегіи иностранныхъ дѣлъ [3], даже при тогдашней дороговизнѣ денегъ, не могло быть достаточно для привычекъ, вынесенныхъ имъ изъ Лицея и для той жизни, которую онъ повелъ въ Петербургѣ. А между тѣмъ самъ Сергѣй Львовичъ, по своему характеру и воспитанію, не могъ заниматься хозяйствомъ, получалъ мало доходу съ своихъ довольно, впрочемъ, значительныхъ имѣній, и попеременно то мотая, то скупясь, никогда не умѣлъ сводить концовъ съ концами. Отсюда разныя мелочныя непріятности. Одинъ современникъ, добрый пріятель Пушкина, разсказывалъ, какъ Александру Сергѣевичу приходилось упра-

---

3) Каждому воспитаннику Лицея, до опредѣленія его на штатное мѣсто, императоръ Александръ приказалъ выдавать ежегодно отъ 700 до 800 рублей. Пушкинъ, окончившій курсъ во второмъ разрядѣ, получалъ до самаго 1824 г. по 700 р. Кромѣ того, на первое обзаведеніе недостаточнымъ воспитанникамъ назначена была сумма въ 10,000 р., но этимъ вспоможеніемъ Пушкинъ, вѣроятно, не воспользовался.

шивать, чтобъ ему купили бывшіе тогда въ модѣ бальные башмаки съ пряжками, и какъ Сергѣй Львовичъ предлагалъ ему свои старые, временъ Павловскихъ [4]). Съ другой стороны, родители Пушкина не могли, конечно, радоваться его проказамъ, и смотрѣли неблагосклонно на его разнообразныя связи. Какая-то пріятельница дома, старая дѣвушка, графиня Е. В., имѣла неосторожность передавать матери Пушкина дурные слухи, ходившіе про него въ городѣ. Говорятъ, что Пушкинъ послѣ посмѣялся надъ ней въ первыхъ стихахъ пятой пѣсни Руслана и Людмилы, гдѣ она изображена подъ именемъ Дельфиры [5]). Вообще Пушкинъ, уѣхавъ изъ Петербурга, и въ стихахъ и въ письмахъ, нѣсколько разъ упоминаетъ о какихъ-то повредившихъ ему сплетняхъ. Но главнымъ поводомъ къ неудовольствіямъ была все-таки денежная несостоятельность молодаго Пушкина. „Мнѣ больно видѣть— говоритъ онъ самъ въ одномъ письмѣ къ брату—[6]) равнодушіе отца моего къ моему состоянію, хоть письмы его очень любезны. Это напоминаетъ мнѣ Петербургъ, когда больной, въ

---

[4]) Слышано отъ С. А. С—каго.

[5]) Отъ него же.

Скажите: можно ли сравнить
Ее съ Дельфирою суровой?
Одной — судьба послала даръ
Обворожать сердца и взоры,...
А та — подъ юбкою гусаръ,
Лишь дайте ей усы да шпоры!
Блаженъ, кого подъ вечерокъ,
Въ уединенный уголокъ
Моя Людмила поджидаетъ,
И другомъ сердца назоветъ;
Но, вѣрьте мнѣ, блаженъ и тотъ,
Кто отъ Дельфиры убѣгаетъ
И даже съ нею незнакомъ.

[6]) См. *Библіографическія Записки*, 1858 г. столб. 41.

осеннюю грязь или въ трескучіе морозы, я бралъ извощика отъ Аничкина моста, онъ вѣчно бранился за 80 копѣекъ (которыхъ вѣрно бъ ни ты ни я не пожалѣли для слуги)." Словомъ, Пушкинъ, вышедши изъ Лицея, очутился въ такомъ положеніи, въ какомъ часто находятся молодые люди нашего времени, возвращающіеся подъ родительскій кровъ изъ богатыхъ и роскошныхъ учебныхъ заведеній; разница въ томъ, что тутъ примѣшивалась досадная, мелочная скупость, которая только раздражала Пушкина. Иногда онъ довольно зло и оригинально издѣвался надъ нею. Однажды ему случилось кататься на лодкѣ, въ обществѣ, въ которомъ находился и Сергѣй Львовичъ. Погода стояла тихая, а вода была такъ прозрачна, что виднѣлось самое дно. Пушкинъ вынулъ нѣсколько золотыхъ монетъ, и одну за другою сталъ бросать въ воду, любуясь паденіемъ и отраженіемъ ихъ въ чистой влагѣ. Гдѣ жъ было наготовиться денегъ для такого проказника? [7])

Общественныя отношенія Пушкина были также весьма неопредѣленны и порою весьма неловки. По рожденію и лицейскому воспитанію принадлежа къ высшему кругу, обративъ на себя общее вниманіе еще на ученической скамейкѣ, дружась и проводя время съ людьми богатыми и знатными, честолюбивый юноша естественно желалъ удержаться въ такъ называемомъ большомъ свѣтѣ. „Пушкинъ — разсказываетъ о немъ одинъ изъ лицейскихъ его друзей— либеральный по своимъ воззрѣніямъ, часто сердилъ меня и вообще всѣхъ насъ тѣмъ, что любилъ, напримѣръ, вертѣться у оркестра около знати, которая съ покровительственною улыб-

---

[7]) Слышано отъ В. П. Горчакова.

кою выслушивала его шутки, остроты. Случалось изъ креселъ сдѣлать ему знакъ, онъ тотчасъ прибѣжитъ. Говоришь бывало: „Что тебѣ за охота, любезный другъ, возиться съ этимъ народомъ; ни въ одномъ изъ нихъ ты не найдешь сочувствія.“ Онъ терпѣливо выслушаетъ, начнетъ щекотать, обнимать, что̀ обыкновенно дѣлалъ, когда немножко потеряется; потомъ, смотришь, Пушкинъ опять съ тогдашними львами“ [8]). Самъ онъ долженъ былъ иногда сознавать двусмысленность подобныхъ сближеній, которая, при скудости денежныхъ средствъ, могла ставить его въ неловкія положенія и безъ сомнѣнія сильно тревожила и огорчала его.

Мѣтко сказанное слово, какая-нибудь задорная эпиграмма, стихи, прельщавшіе своею свѣжестью и новизною, всѣмъ равно понятные по содержанію, дѣлая изъ Пушкина самаго пріятнаго собесѣдника, быстро расходились по столицѣ и по Россіи. Общее одобреніе окрыляло поэта, и вызывало новые проказы, новыя остроты и новые запрещенные стихи......

Когда они распространились, начались, кажется, настоящіе розыски мѣстнаго начальства: Пушкинъ былъ приглашенъ къ тогдашнему петербургскому генералъ-губернатору графу Милорадовичу. „Когда привезли Пушкина—говоритъ И. И. Пущинъ, свидѣтельству котораго преимущественно слѣдуетъ вѣрить, — графъ Милорадовичъ приказываетъ полиціймейстеру ѣхать на его квартиру и опечатать всѣ его бумаги. Пушкинъ, слыша это приказаніе, говоритъ ему: „Графъ! Вы напрасно это дѣлаете. Тамъ не найдете того, что ищете. Лучше велите дать мнѣ

---

[8]) *Записки* И. И. Пущина, въ 8 № *Атенея*, 1859 г., стр. 526.

перо и бумаги, я здѣсь же все вамъ напишу.“ (Пушкинъ понялъ въ чемъ дѣло). Милорадовичъ, тронутый этой свободной откровенностью, торжественно воскликнулъ: „Ah! c'est chevaleresque,“ и пожалъ ему руку. Пушкинъ сѣлъ, написалъ всѣ контробандные стихи свои и попросилъ дежурнаго адъютанта отнести ихъ графу въ кабинетъ. Послѣ этого подвига Пушкина отпустили домой и велѣли ждать дальнѣйшаго приказанія. По другимъ разсказамъ графъ Милорадовичъ расхаживалъ по комнатѣ, перечитывалъ стихи по мѣрѣ того, какъ Пушкинъ писалъ ихъ, и прерывалъ чтеніе хохотомъ. Это также очень похоже на любезнаго и веселаго Милорадовича, который, можетъ быть, вспоминалъ свою молодость и собственныя шалости.

Между тѣмъ Пушкинъ не унимался. Такъ, напримѣръ, въ театрѣ, онъ вынималъ изъ кармана портретъ Лувеля и показывалъ его своимъ сосѣдямъ (это могло быть около масляницы 1820 года [9]). Жалобы на него наконецъ дошли до царя. Мы въ правѣ думать, что государь, ученикъ Лагарпа, не безъ сожалѣнія и не безъ внутренней борьбы, рѣшился изречь приговоръ стихотворцу, воспитаннику своего любезнаго Лицея. Имя Пушкина было уже давно извѣстно императору Александру. Онъ зналъ и прощалъ его лицейскія шалости. До его просвѣщеннаго слуха доходила и прелесть стиховъ Пушкина, изъ которыхъ одни, гдѣ говорилось *про рабство, падшее по манію царя*, по собственному его желанію, были доставлены ему въ подлинномъ спискѣ сочинителя. Онъ много слышалъ о молодомъ стихотворцѣ отъ директора Лицея Энгельгардта,

[9]) Однимъ изъ такихъ сосѣдей былъ Аркадій Родзянка, см. *Русскій историческій Сборникъ*, т. II, стр. 104.

и имя Пушкина могло поминаться въ бесѣдахъ Государя съ Карамзинымъ, въ уединенныхъ прогулкахъ по царскосельскимъ садамъ. Но въ эту пору, въ первые мѣсяцы 1820 года обстоятельства измѣнились.... Тогдашнія дѣла Европы, убіеніе Августа Коцебу (23 марта 1819 г.), возстаніе въ Испаніи, смерть герцога Беррійскаго, не могли не укоренить въ императорѣ Александрѣ того убѣжденія, что, блюдя за спокойствіемъ умовъ за границей, по обязательствамъ священнаго союза, онъ не долженъ равнодушно смотрѣть на попытки къ раздраженію ихъ въ Россіи. Почти въ это самое время, прусское правительство приказало арестовать извѣстнаго политическаго писателя Герреса за его статьи въ Рейнскомъ Меркуріи. И такъ слѣдовало унять Пушкина. Преданіе увѣряетъ, будто нѣкоторые предлагали отдаленную снѣжную пустыню Соловецкаго монастыря мѣстомъ ссылки поэту; но я думаю, что если и послышалось такое строгое предложеніе, императоръ Александръ самъ отвергъ его. Пушкинъ былъ лицеистъ, и потому Государь захотѣлъ напередъ посовѣтоваться съ бывшимъ его начальникомъ, Энгельгардтомъ. Встрѣтившись съ нимъ въ Царскосельскомъ саду, Александръ пригласилъ его пройдтись съ собою. „Энгельгардтъ, сказалъ онъ ему, Пушкина надобно сослать.... Онъ наводнилъ Россію возмутительными стихами; вся молодежь наизусть ихъ читаетъ. Мнѣ нравится откровенный его поступокъ съ Милорадовичемъ, но это не исправляетъ дѣла.“ Благородный директоръ Лицея отвѣчалъ на это: „Воля вашего величества; но вы мнѣ простите, если я позволю себѣ сказать слово за бывшаго моего воспитанника. Въ немъ развивается необыкновенный талантъ, который требуетъ пощады. Пушкинъ теперь уже краса современной

нашей литературы, а впереди еще больше на него надежды. Ссылка можетъ губительно подѣйствовать на пылкій нравъ молодаго человѣка. Я думаю, что великодушіе ваше, государь, лучше вразумитъ его" [10]).

Карамзинъ, другой истинно благородный человѣкъ, въ свою очередь замолвилъ слово за Пушкина. Объ этомъ ходатайствѣ между прочимъ просилъ Карамзина П. Я. Чадаевъ. Узнавши, что Пушкину грозитъ опасность, Чадаевъ поспѣшилъ къ Карамзину, съ трудомъ успѣлъ увидать его (это было утромъ, а по утрамъ, занимаясь своею исторіею, Карамзинъ никого не принималъ), разсказалъ ему все дѣло и упрашивалъ съѣздить къ императрицѣ Марьѣ Ѳедоровнѣ и къ начальнику Пушкина по службѣ, графу Каподистріи [11]). По другому, тоже вполнѣ достовѣрному разсказу, Пушкинъ самъ, еще раньше Чадаева, приходилъ къ Карамзину (по выходѣ изъ Лицея онъ рѣже сталъ бывать у него), разсказалъ свои обстоятельства, просилъ совѣта и помощи, со слезами на глазахъ выслушивалъ дружескіе упреки и наставленія. „Можете ли вы, сказалъ Карамзинъ, по крайней мѣрѣ обѣщать мнѣ, что въ продолженіи года ничего не напишите противнаго правительству? Иначе я выду лжецомъ, прося за васъ и говоря о вашемъ раскаяніи." Пушкинъ далъ ему слово, и сдержалъ его: не раньше 1821 года прислалъ онъ изъ Бессарабіи, безъ подписи, стихи свои: *Кинжалъ* [12]).

---

[10]) Передано самимъ Е. А. Энгельгардтомъ И. И. Пущину. См. *Записки* послѣдняго, стр. 528 и 529. Самъ Пушкинъ вѣроятно впослѣдствіи только узналъ о заступничествѣ Энгельгардта и приписывалъ свое избавленіе Чадаеву и Карамзину.

[11]) Слышано отъ П. Я. Чадаева.

[12]) Отъ гр. Д. Н. Бл. У Карамзиныхъ тотчасъ догадались, кто авторъ *Кинжала*.

Но заступничество Энгельгардта и Карамзина могло только смягчить, а не отмѣнить наказаніе. Пушкинъ, собственно говоря, не былъ сосланъ, а только переведенъ на службу въ попечительный комитетъ о колонистахъ южной Россіи, состоявшій въ вѣдомствѣ коллегіи иностранныхъ дѣлъ и находившійся тогда въ Екатеринославлѣ. Его послали, какъ выражаются Англичане, перемѣнить воздухъ, провѣтриться. Но тѣмъ не менѣе всѣ сочли это удаленіе ссылкою.

Пушкинъ на скоро собрался въ дорогу и не успѣлъ даже какъ должно проститься съ своими пріятелями. Сергѣй Львовичъ квартировалъ тогда на Фонтанкѣ, у Калинкина моста, въ домѣ Клокачева (послѣ сенатора Трофимова): изъ этого дома Пушкина проводили до Царскаго Села два товарища, баронъ Дельвигъ и М. Л. Яковлевъ. Родители дали ему надежнаго слугу, человѣка довольно пожилыхъ лѣтъ, именемъ Никиту.

Видъ на проѣздъ, полученный Пушкинымъ вмѣстѣ съ прогонами изъ коллегіи иностранныхъ дѣлъ, помѣченъ 5-мъ числомъ мая 1820 года [13]). Время стояло жаркое. На перекладной, въ красной рубашкѣ и опояскѣ, въ поярковой шляпѣ, скакалъ Пушкинъ по такъ называемому бѣлорусскому тракту [14]) (на Могилевъ и Кіевъ). Что долженъ былъ чувствовать молодой человѣкъ, такъ внезапно оторванный отъ шумныхъ и разнообразныхъ удовольствій столицы, отъ многочисленныхъ друзей своихъ....

Но я отсталъ отъ ихъ союза
И вдаль бѣжалъ .. Она за мной.
Какъ часто ласковая Муза
Мнѣ оживляла путь *нѣмой*
Волшебствомъ тайнаго разсказа.

---

[13]) У Анненкова, въ *Матеріалахъ*, стр. 10.
[14]) *Записки* Пущина, стр. 527.

Въ половинѣ мая или около онъ пріѣхалъ въ Екатеринославль и съ письмомъ отъ гр. Каподистріи явился къ своему новому начальнику, попечителю колонистовъ южнаго края, генералъ-лейтенанту Ивану Никитичу Инзову [15]). Пришлось поселиться въ довольно бѣдномъ городѣ (въ Екатеринославлѣ и теперь всего около 15 тысячь жителей), слишкомъ за полторы тысячи верстъ отъ Петербурга, безъ знакомствъ, безъ всякихъ удобствъ жизни, въ грязной жидовской хатѣ. Но опасенія Энгельгардта не сбылись. Невзгода не сокрушила Пушкина, не ослабила души его; напротивъ, этотъ быстрый переломъ судьбы только поднялъ и освѣжилъ молодую и сильную жизнь. Какая-то насмѣшливость надъ своей участью, равнодушіе или желаніе казаться равнодушнымъ, выражается въ отвѣтѣ Пушкина на дружескій выговоръ Чадаева, за чѣмъ, уѣзжая изъ Петербурга, онъ не простился съ нимъ. „Мой милый—писалъ ему Пушкинъ—я заходилъ къ тебѣ, но ты спалъ; стòило ли будить тебя *изъ-за такой бездѣлицы* [16])." Съ нѣкоторымъ презрѣніемъ къ судьбѣ, „съ непреклонностью и терпѣніемъ своей гордой юности" (какъ послѣ онъ самъ выражался), началъ Пушкинъ новую жизнь въ Новороссійской глуши. Послѣ тревожной и въ тоже время разсѣянной столичной жизни ему полезно было уединеніе. Онъ это самъ чувствовалъ, началъ осматриваться и снова принялся за поэтическую работу. Но тяжелое одиночество, безвыходность положенія, безъ сомнѣ-

---

[15]) *И. З.*, 1861 г., стр. 124.

[16]) Самаго письма не сохранилось, и покойный П. Я. Чадаевъ передавалъ намъ слова эти по памяти. Послѣ извѣстной исторіи съ статьею въ *Телескопѣ*, Чадаевъ сжегъ свою переписку. Уцѣлѣло только одно письмо Пушкина на французскомъ языкѣ, съ разборомъ сочиненія Чадаева.

нія, тяготили эту горячую, жаждавшую впечатлѣній, душу. Ничего свѣтлаго, никакой перемѣны впереди. Что могло быть скучнѣе для него губернской жизни и занятій въ канцеляріи Инзова, если и поручались ему какія-нибудь занятія? По пословицѣ, бѣда не приходитъ одна. Къ скукѣ екатеринославской жизни прибавилась болѣзнь. Отъ нечего дѣлать, Пушкинъ вздумалъ выкупаться въ Днѣпрѣ и жестоко простудился. Но онъ по личному опыту могъ сказать впослѣдствіи:

Если жизнь тебя обманетъ,
Не печалься, не сердись:
Въ день унынія смирись,
День веселья, вѣрь, настанетъ.

Такъ точно было и съ нимъ. Тяжелая жизнь вдругъ смѣнилась для него самымъ завлекательнымъ, веселымъ путешествіемъ, безъ заботъ и хлопотъ, со всѣми удобствами, даже съ роскошью, въ обществѣ людей любезныхъ и почтенныхъ. Во второй половинѣ мая мѣсяца 1820 года проѣзжалъ черезъ Екатеринославль на Кавказскія воды Николай Николаевичъ Раевскій съ семействомъ. Это тотъ самый Раевскій, который въ сраженіи подъ Смоленскомъ вывелъ въ дѣло двухъ еще почти малолѣтныхъ сыновей своихъ, который прославился и личною храбростію и способностями искуснаго полководца, подъ Лейпцигомъ, подъ Роменвилемъ и въ другихъ битвахъ. Въ это время онъ командовалъ 4-мъ корпусомъ первой арміи, главная квартира котораго была въ Кіевѣ. Младшій сынъ его (тоже Николай Николаевичъ), тогда ротмистръ лейбъ-гвардіи гусарскаго полка, находившійся въ отпуску, подружился съ Пушкинымъ въ Петербургѣ, и тамъ оказалъ ему какія-то важныя (намъ неизвѣстныя) услуги. Узнавъ, вѣроятно по письму

изъ Петербурга, о ссылкѣ поэта, а можетъ быть и видѣвшись съ нимъ въ его проѣздъ черезъ Кіевъ, онъ поспѣшилъ сыскать его въ Екатеринославлѣ [17]). „Едва я, по пріѣздѣ въ Екатеринославль, расположился послѣ дурной дороги на отдыхъ—разсказываетъ сопровождавшій генерала Раевскаго медикъ Рудыковскій—ко мнѣ, запыхавшись, вбѣгаетъ младшій сынъ генерала. „Докторъ, я нашелъ здѣсь моего друга; онъ боленъ, ему нужна скорая помощь, поспѣшите со мною. Нечего дѣлать, пошли. Приходимъ въ гадкую избенку, и тамъ, на досчатомъ диванѣ, сидитъ молодой человѣкъ, не бритый, блѣдный и худой. „Вы нездоровы?“, спросилъ я незнакомца.—„Да, докторъ, немножко пошалилъ, купался, кажется, простудился.“ Осмотрѣвши тщательно больнаго, я нашелъ, что у него была лихорадка. На столѣ передъ нимъ лежала бумага. „Чѣмъ вы тутъ занимаетесь?“—Пишу стихи.—Нашелъ, думалъ я, время и мѣсто. Посовѣтовавши ему на ночь напиться чего-нибудь теплаго, я оставилъ его до другаго дня. Мы остановились въ домѣ губернатора К. Поутру гляжу — больной ужь у насъ: говоритъ, что онъ ѣдетъ на Кавказъ вмѣстѣ съ нами. За обѣдомъ нашъ гость

---

[17]) Письмо къ брату отъ 24 сентября 1820 г. (см *Библіографическія Записки* 1858 года), Пушкинъ начинаетъ: «Пріѣхавъ въ Екатеринославль, я соскучился, поѣхалъ кататься по Днѣпру, выкупался и схватилъ горячку по моему обыкновенію. Генералъ Раевскій, который ѣхалъ на Кавказъ съ сыномъ и двумя дочерьми, нашелъ меня въ жидовской хатѣ, въ бреду, безъ лекаря, за кружкою оледенѣлаго лимонада. Сынъ его (ты знаешь нашу тѣсную связь и важныя услуги, для меня вѣчно незабвенныя) предложилъ мнѣ путешествіе къ кавказскимъ водамъ; лекарь, который съ нимъ ѣхалъ, обѣщалъ меня въ дорогѣ не уморить; Инзовъ благословилъ меня на счастливый путь, я легъ въ коляску больной, черезъ недѣлю вылечился».

веселъ и безъ умолку говоритъ съ младшимъ Раевскимъ пофранцузски. Послѣ обѣда у него ознобъ, жаръ и всѣ признаки пароксизма. Пишу рецептъ — „докторъ, дайте что-нибудь получше; дряни въ ротъ не возьму.“ Что будешь дѣлать? прописалъ слабую микстуру. На рецептѣ нужно написать кому. Спрашиваю: Пушкинъ. Фамилія незнакомая, по крайней мѣрѣ, мнѣ. Лечу какъ самаго простаго смертнаго и на другой день закатилъ ему хины. Пушкинъ морщится“ [18]). Молодому Раевскому ничего не стоило уговорить отца взять съ собою Пушкина. Воспитанникъ князя Потемкина, женатый на внучкѣ Ломоносова, имѣвшій своимъ адъютантомъ поэта Батюшкова, почтенный генералъ и самъ безъ сомнѣнія радъ былъ оказать услугу молодому поэту. Одно его слово Инзову, и все уладилось. Болѣзнь была самымъ законнымъ предлогомъ, тѣмъ болѣе, что о ссылкѣ ничего не говорилось въ оффиціальной перепискѣ. Инзовъ уволилъ своего чиновника въ отпускъ на нѣсколько мѣсяцевъ.

Такимъ образомъ Пушкинъ прожилъ въ Екатеринославлѣ всего недѣли двѣ. Отъ этого города остался въ его поэтической памяти одинъ только образъ: два скованные разбойника, убѣжавъ изъ екатеринославской тюрьмы, спаслись въ цѣпяхъ вплавь по Днѣпру. Пушкинъ впослѣдствіи повторилъ эту картину въ своей поэмѣ Братья Разбойники:

Рѣка шумѣла въ сторонѣ.
Мы къ ней—и съ береговъ высокихъ
Бухъ!—поплыли въ водахъ глубокихъ,
Цѣпями общими гремимъ,
Бьемъ волны дружными ногами. [19])

---

[18]) См. *Русскій Вѣстникъ*, 1841 г., № 1-й. Рудыковскій говоритъ, что они выѣхали изъ Кіева 19 мая.

[19]) См. соч. *П-на.*, V, 30. Въ Кишиневѣ, кто-то усумнился, чтобы скованные разбойники могли переплыть рѣку.

Съ Раевскимъ ѣхали на Кавказъ, кромѣ сына Николая и военнаго доктора Рудыковскаго, двѣ младшія дочери его, Марья (лѣтъ 14) и дѣвочка Софья, при нихъ англичанка миссъ Мятенъ и компаньонка Анна Ивановна (крестница генерала, родомъ Татарка, удержавшая въ выговорѣ и въ лицѣ свое восточное происхожденіе). Все это общество помѣщалось въ двухъ каретахъ и коляскѣ. Пушкинъ сначала ѣхалъ съ младшимъ Раевскимъ въ коляскѣ, а потомъ генералъ пересадилъ его къ себѣ въ карету, потому что его сильно трясла лихорадка [20]). „На Дону (вѣроятно въ Новочеркаскѣ) — продолжаетъ г. Рудыковскій—мы обѣдали у атамана Денисова. Пушкинъ меня не послушался, покушалъ бланманже, и снова заболѣлъ. „Докторъ, помогите!" — Пушкинъ, слушайтесь! „Буду, буду!" Опять микстура, опять пароксизмы и гримасы. „Не ходите, не ѣздите безъ шинели." — Жарко, мочи нѣтъ.—„Лучше жарко, чѣмъ лихорадка."—Нѣтъ, лучше ужь лихорадка. — Опять сильные пароксизмы. „Докторъ, я боленъ."—Потому что упрямы; слушайтесь.—„Буду, буду!" Пушкинъ выздоровѣлъ.

Путешественниковъ нашихъ вездѣ встрѣчали съ большимъ почетомъ; въ городахъ обыватели съ хлѣбомъ и солью выходили къ славному защитнику отечества. При этомъ старикъ Раевскій шутя говаривалъ Пушкину: „Прочтите-ка имъ свои стихи! Что они въ нихъ поймутъ?" Думая почему-то, что Пушкинъ принадлежитъ къ

Пушкинъ кликнулъ своего слугу Никиту и велѣлъ разсказать, какъ они съ нимъ дѣйствительно видѣли это въ Екатеринославлѣ. (Отъ В. П. Горчакова.)

[20]) Нѣкоторыя подробности путешествія благосклонно переданы мнѣ одною изъ дочерей генерала Раевскаго, кн. М. Н. В—ой.

масонамъ, Раевскій подшучивалъ надъ нимъ, утверждая, что изъ ихъ совѣщаній не выдетъ ничего путнаго. Достойно замѣчанія, что онъ взялъ слово съ обоихъ сыновей ни за что не вступать ни въ какое тайное общество.

Въ первыхъ числахъ іюня мѣсяца (1820), наши путешественники пріѣхали на кавказскія минеральныя воды. Въ Пятигорскѣ ихъ ожидалъ старшій сынъ Раевскаго, отставной полковникъ Александръ Николаевичъ, прибывшій туда заранѣе [21]). Они всѣмъ обществомъ уѣзжали на гору Бештау пить желѣзныя, тогда еще мало-извѣстныя, воды, и жили тамъ въ калмыцкихъ кибиткахъ, за недостаткомъ другаго помѣщенія. Эти оригинальныя поѣздки, эта жизнь вольная, заманчивая и совсѣмъ не похожая на прежнюю, эта новость и нечаянность впечатлѣній, жизнь въ кибиткахъ и палаткахъ, разнообразныя прогулки, ночи подъ открытымъ южнымъ небомъ, и кругомъ причудливыя картины горъ, новые нравы, невиданныя племена, аулы, сакли и верблюды, дикая вольность горскихъ Черкесовъ, а въ нѣсколькихъ часахъ пути упорная, жестокая война, съ громкимъ именемъ Ермолова, — все это должно было чрезвычайно какъ нравиться молодому Пушкину. Мы въ правѣ даже думать, что втайнѣ онъ благословлялъ судьбу, которая такъ неожиданно и противъ воли заставила его промѣнять на Кавказъ Петербургскую, душную и только безплодно - раздражающую жизнь. Къ удовольствіямъ путешествія прибавлялось еще всегда радостное и свѣжительное чувство выздоровленія: Пушкинъ бралъ ванны и оправлялся отъ болѣзни. Всею

---

[21]) Рудыковскій ошибается, говоря, что генералъ Раевскій ѣхалъ на Кавказъ съ *обоими* сыновьями.

душею поддался онъ тогда впечатлѣніямъ кавказской природы:

Предъ нимъ паритъ орелъ державный,
Стоитъ олень, склонивъ рога;
Верблюдъ лежитъ въ тѣни утеса,
Въ лугахъ несется конь Черкеса,
И вкругъ кочующихъ шатровъ
Пасутся овцы Калмыковъ.....
Уже пустыни сторожъ вѣчный,
Стѣсненный холмами вокругъ,
Стоитъ Бешту остроконечный,
И зеленѣющій Машукъ,
— Машукъ, податель струй цѣлебныхъ.
Вокругъ ручьевъ его волшебныхъ
Больныхъ тѣснится блѣдный рой:
Кто жертва чести боевой,
Кто почечуя, кто Киприды...

„Въ Горячеводскъ, — разсказываетъ далѣе г. Рудыковскій, — мы пріѣхали всѣ здоровы и веселы. По прибытіи генерала въ городъ, тамошній комендантъ къ нему явился, и вскорѣ прислалъ книгу, въ которую вписывались имена посѣтителей водъ. Всѣ читали, любопытствовали. Послѣ нужно было книгу возвратить и вмѣстѣ съ тѣмъ послать списокъ свиты генерала. За исполненіе этого взялся Пушкинъ. Я видѣлъ, какъ онъ, сидя на кучѣ бревенъ на дворѣ, съ хохотомъ что-то писалъ... На другой день, во всей формѣ, отправляюсь къ доктору Ц., который былъ при минеральныхъ водахъ. „Вы лейбъ-медикъ, пріѣхали съ генераломъ Р.?“ — „Послѣднее справедливо, но я не лейбъ-медикъ“. — „Вы такъ записаны въ книгѣ коменданта, бѣгите къ нему, изъ этого могутъ выдти дурныя послѣдствія.“ — Спрашиваю книгу, смотрю, тамъ въ свитѣ генерала вписаны: двѣ его дочери, два сына, лейбъ-медикъ Рудыковскій и недоросль Пушкинъ. Насилу я убѣдилъ коменданта все это исправить. Генералъ порядочно пожурилъ Пушкина за эту

шалость. Пушкинъ немного на меня подулся, а вскорѣ мы разстались.“

Черезъ девять лѣтъ, вторично посѣтивъ Кавказъ, Пушкинъ такъ вспоминалъ свое первое путешествіе. „Въ Ставрополѣ,—говоритъ онъ,—увидѣлъ я на краю неба облака, поразившія мнѣ взоры ровно за девять лѣтъ. Они были все тѣ же, все на томъ же мѣстѣ. Это — снѣжныя вершины кавказской цѣпи. Изъ Георгіевска я заѣхалъ на Горячія воды. Здѣсь нашелъ я большую перемѣну. Въ мое время ванны находились въ лачужкахъ, на скоро построенныхъ. Источники, большею частію въ первобытномъ своемъ видѣ, били, дымились и стекали съ горъ по разнымъ направленіямъ, оставляя по себѣ бѣлые и красноватые слѣды. Мы черпали кипучую воду ковшикомъ изъ коры, или дномъ разбитой бутылки... Признаюсь, кавказскія воды представляютъ нынѣ болѣе удобностей; но мнѣ было жаль ихъ прежняго, дикаго состоянія; мнѣ было жаль крутыхъ каменныхъ тропинокъ, кустарниковъ и неогороженныхъ пропастей, надъ которыми бывало я карабкался. Съ грустью оставилъ я воды и отправился обратно въ Георгіевскъ. Скоро настала ночь. Чистое небо усѣялось милліонами звѣздъ. Я ѣхалъ берегомъ Подкумка. Здѣсь бывало сиживалъ со мною А. Р. (Александръ Раевскій), прислушиваясь къ мелодіи водъ. Величавый Бешту чернѣе и чернѣе рисовался въ отдаленіи, окруженный горами, своими вассалами и наконецъ исчезъ во мракѣ...“

„Два мѣсяца жилъ я на Кавказѣ — разсказываетъ Пушкинъ брату своему вскорѣ послѣ возвращенія оттуда, — воды мнѣ были очень нужны и чрезвычайно помогли, особенно сѣрныя горячія, впрочемъ купался въ теплыхъ кислосѣрныхъ, въ желѣзныхъ и въ кислыхъ холод-

ныхъ. Всѣ эти цѣлебные ключи находятся не въ дальнемъ разстояніи другъ отъ друга, въ послѣднихъ отрасляхъ Кавказскихъ горъ. Жалѣю, мой другъ, что ты со мною вмѣстѣ не видалъ великолѣпную цѣпь этихъ горъ, ледяныя ихъ вершины, которыя издали, на ясной зарѣ, кажутся странными облаками, разноцвѣтными и недвижными; жалѣю, что не всходилъ со мною на острый верхъ пятихолмнаго Бешту, Машука, Желѣзной горы, Каменной и Змѣйной. Кавказскій край, знойная граница Азіи, любопытенъ во всѣхъ отношеніяхъ. Ермоловъ наполнилъ его своимъ именемъ и благотворнымъ геніемъ. Дикіе Черкесы напуганы; древняя дерзость ихъ исчезаетъ, дороги становятся часъ отъ часу безопаснѣе, многочисленные конвои излишними. Должно надѣяться, что эта завоеванная страна, до сихъ поръ не приносившая никакой существенной пользы Россіи, скоро сблизитъ насъ съ Персіянами безопасною торговлею, не будетъ намъ преградою въ будущихъ войнахъ, и можетъ быть, сбудется для насъ химерическій планъ Наполеона въ разсужденіи завоеванія Индіи.“

Въ этихъ словахъ такъ и отзываются разговоры въ обществѣ Раевскихъ о Кавказѣ, о тамошней войнѣ и объ ея значеніи для Россіи. Посольство Ермолова въ Персію было еще въ свѣжей памяти. Отъ генерала Раевскаго Пушкинъ, конечно, наслушался разсказовъ о подвигахъ Циціанова, Котляревскаго и Ермолова, тогдашняго главнокомандующаго кавказскихъ войскъ. Послѣдній приходился родственникомъ Раевскому и былъ его товарищемъ по службѣ. Всѣхъ троихъ Пушкинъ помянулъ впослѣдствіи въ Эпилогѣ къ *Кавказскому Плѣннику*.

Поэмой этой, которую Пушкинъ замыслилъ еще во время своего путешествія, онъ дорожилъ потомъ именно какъ картиною Кавказа. И дѣйствительно, описательная часть *Кавказскаго Плѣнника* свидѣтельствуетъ, что молодой Пушкинъ не былъ празднымъ путешественникомъ, пріѣхавшимъ только полечиться да погулять. Нужно было много умнаго вниманія и наблюдательности, чтобы такъ схватить главнѣйшія черты края. Что касается собственно до внѣшней поэтической работы, то, кажется, въ два мѣсяца кавказской жизни, Пушкинъ мало писалъ. И до письма ли тутъ было? Рожденный и воспитанный на равнинахъ, и очутившійся вдругъ среди заоблачныхъ горъ, онъ былъ слишкомъ пораженъ великолѣпіемъ и новизною картины и только набирался впечатлѣній.

Забытый свѣтомъ и молвою,
Далече отъ бреговъ Невы,
Теперь я вижу предъ собою
Кавказа гордыя главы.
Надъ ихъ вершинами крутыми,
На скатѣ каменныхъ стремнинъ,
Питаюсь чувствами нѣмыми
И чудной прелестью картинъ
Природы дикой и угрюмой;
Душа, какъ прежде, каждый часъ
Полна томительною думой,
Но огнь поэзіи погасъ.
Ищу напрасно впечатлѣній,
Она прошла, пора стиховъ *и проч.*

Съ Кавказа, сколько мнѣ извѣстно, Пушкинъ послалъ въ печать только два небольшія дополненія къ Руслану и Людмилѣ и Эпилогъ этой поэмы. Надо замѣтить, что онъ уѣхалъ изъ Петербурга, не успѣвъ выдать въ свѣтъ Руслана и Людмилы. Извѣстный любитель словесности и художествъ, А. Н. Оленинъ, лично знавшій Пушкина, желая на дѣлѣ показать любовь свою къ его таланту, самъ сочинялъ рисунки

къ Руслану и Людмилѣ, а Н. И. Гнѣдичь, съ которымъ Пушкинъ сошелся у Оленина, принялъ на себя хлопоты изданія. Самая рукопись оставлена была у брата, Льва Сергѣевича, который, вмѣстѣ съ товарищемъ своимъ С. А. Соболевскимъ, доканчивалъ печатаніе. Послѣдній разсказываетъ, что много было труда разбирать шестую пѣснь, не перебѣленную сочинителемъ. Поэма появилась въ исходѣ мая или въ началѣ іюня мѣсяца (цензурное дозволеніе И. Тимковскаго дано 15 мая 1820). Посылая свои добавленія къ двумъ мѣстамъ шестой (послѣдней) пѣсни, всего 17 стиховъ, Пушкинъ могъ думать что они вмѣстѣ съ Эпилогомъ еще поспѣютъ въ Петербургъ прежде отпечатанія книжки. Но поэма уже вышла, и новые стихи ея появились въ лучшемъ тогдашнемъ журналѣ, въ *Сынѣ Отечества* (№ 38), который издавался Н. И. Гречемъ. А можетъ быть и то, что Пушкинъ, уже получивъ отъ Гнѣдича [22]) на Кавказѣ печатный экземпляръ Руслана и Людмилы, и будучи недоволенъ текстомъ, послалъ пропущенныя мѣста шестой пѣсни, печатавшейся, какъ выше сказано, съ черновой рукописи. Во всякомъ случаѣ видна заботливость о своемъ произведеніи и осмотрительность при появленіи въ печати, наслѣдованныя Пушкинымъ отъ Карамзина, Батюшкова и Жуковскаго. Что касается до Эпилога къ Руслану и Людмилѣ, то въ немъ Пушкинъ захотѣлъ выразить благодарное чувство свое. Это былъ голосъ съ Кавказа Карамзину, Чадаеву и вообще петербургскимъ друзьямъ. Раевскіе тоже могли относить къ себѣ слѣдующіе стихи:

---

[22]) Въ письмѣ къ барону Дельвигу отъ 23 марта 1821 г. Пушкинъ говоритъ, что Гнѣдичъ доставилъ ему *дѣвственную* Людмилу.

Я погибалъ... Святой хранитель
Первоначальныхъ бурныхъ дней,
О дружба, нѣжный утѣшитель
Болѣзненной души моей!
Ты умолила непогоду,
Ты сердцу возвратила миръ,
Ты сохранила мнѣ свободу,
Кипящей младости кумиръ!

Подъ Эпилогомъ означено: „26 іюня. 1820 Кавказъ.“

Выше замѣчено, что кавказская поѣздка дала Пушкину богатый запасъ поэтическихъ впечатлѣній. „Питаясь чувствами нѣмыми,“ наблюдательный и впечатлительный поэтъ принялъ на душу всю роскошь и разнообразіе новыхъ для него картинъ. Разсказывая намъ впослѣдствіи о судьбахъ своей Музы, онъ говоритъ:

Какъ часто по скаламъ Кавказа,
Она Ленорой при лунѣ
За мной скакала на конѣ.

Или:

Ее плѣнялъ нарядъ суровый
Племенъ, возросшихъ на войнѣ,
И часто въ сей одеждѣ новой
Волшебница являлась мнѣ;
Вокругъ ауловъ опустѣлыхъ
Одна бродила по скаламъ,
И къ пѣснямъ дѣвъ осиротѣлыхъ
Она прислушивалась тамъ.

Быть можетъ, къ воспоминаніямъ объ этой жизни принадлежатъ и стихи 1828 г. *Не пой, красавица при мнѣ*.

Увы! напоминаютъ мнѣ
Твои жестокіе напѣвы
И степь, и ночь, и при лунѣ
Черты далекой, бѣдной дѣвы.

Глубокая задушевность этихъ стиховъ заставляетъ думать, что они связаны съ какимъ-нибудь дѣйствительнымъ случаемъ, и въ нихъ, можетъ быть, заключена какая-нибудь біографическая черта. Но подробностей, разумѣется,

нечего спрашивать. Во всякомъ случаѣ, поэтическій отчетъ о своемъ путешествіи Пушкинъ даетъ въ *Кавказскомъ Плѣнникѣ.*

И видитъ: неприступныхъ горъ
Надъ нимъ воздвигнулась громада —
Гнѣздо разбойничьихъ племенъ,
Черкесской вольности ограда . .

—

Тоску неволи, жаръ мятежный
Въ душѣ глубоко онъ скрывалъ.
Влачася межь угрюмыхъ скалъ,
Въ часъ ранней, утренней прохлады,
Вперялъ онъ неподвижный взоръ
На отдаленныя громады
Сѣдыхъ, румяныхъ, синихъ горъ.
Великолѣпныя картины!
Престолы вѣчные снѣговъ,
Очамъ казались ихъ вершины
Недвижной цѣпью облаковъ!
И въ ихъ кругу колоссъ двуглавый,
Въ вѣнцѣ блистая ледяномъ,
Эльбрусъ огромный, величавый,
Бѣлѣлъ на небѣ голубомъ...

—

Межь тѣмъ, померкнувъ, степь уснула,
Вершины скалъ омрачены.
По бѣлымъ хижинамъ аула
Мелькаетъ блѣдный свѣтъ луны:
Елени дремлютъ надъ водами,
Умолкнулъ поздній крикъ орловъ,
И глухо вторится горами
Далекій топотъ табуновъ.

Тоже самое отчасти повторено въ выше-приведенномъ отрывкѣ изъ письма къ брату. — Къ поэтическимъ замѣткамъ и воспоминаніямъ о Кавказѣ принадлежитъ, наконецъ, четверостишіе въ альбомѣ Онѣгина, — любопытный образчикъ Пушкинской наблюдательности:

Цвѣтокъ полей, листокъ дубравъ
Въ ручьѣ кавказскомъ каменѣетъ;

Въ волненьи жизни такъ мертвѣетъ
И вѣтренный и пылкій нравъ. [23])

Поѣздка на Кавказъ ограничивалась минеральными водами: дальше, въ глубь Кавказа, Пушкинъ не ѣздилъ въ этотъ разъ и не видалъ ни Терека, ни Казбека. Въ первыхъ числахъ августа путешественники наши окончили купанья и отправились на южный берегъ Крыма. Путь ихъ лежалъ по землѣ черноморскихъ козаковъ, вдоль береговъ Кубани, вблизи немирныхъ Черкесскихъ ауловъ. Тутъ опять новыя картины и новыя, небывалыя впечатлѣнія. „Видѣлъ я берега Кубани—продолжаетъ Пушкинъ въ письмѣ, изъ котораго выше приведенъ отрывокъ,—любовался нашими козаками; вѣчно верхомъ, вѣчно готовы драться, въ вѣчной предосторожности! Ѣхалъ въ виду непріязненныхъ полей свободныхъ горскихъ народовъ. Вокругъ насъ ѣхали 60 козаковъ, за нами тащилась заряженная пушка съ зажженнымъ фитилемъ. Хотя Черкесы нынче довольно смирны, но нельзя на нихъ положиться; въ надеждѣ большаго выкупа они готовы напасть на извѣстнаго русскаго генерала, и тамъ гдѣ бѣдный офицеръ безопасно скачетъ на перекладныхъ, тамъ высокопревосходительный легко можетъ попасться на арканъ какого-нибудь Чеченца. Ты понимаешь, какъ эта тѣнь опасности нравится мечтательному воображенію. Когда-нибудь прочту тебѣ мои замѣчанія объ черноморскихъ и донскихъ козакахъ; теперь тебѣ не скажу объ нихъ ни слова.“

---

[23]) Или, въ другомъ мѣстѣ:
Но все пропало!... рѣзвый нравъ...
Душа часъ отъ часу нѣмѣетъ,
Въ ней чувства нѣтъ. Такъ легкій листъ дубравъ
Въ ключахъ кавказскихъ каменѣетъ.

Въ рѣкѣ бѣжитъ гремучій валъ,
Въ горахъ безмолвіе ночное;
Козакъ усталый задремалъ,
Склонясь на копіе стальное.
Не спи, козакъ: во тьмѣ ночной
Чеченецъ ходитъ за рѣкой.

„Съ полуострова Тамана, древняго Тмутораканскаго княжества, открылись мнѣ берега Крыма. Здѣсь увижу я развалины Митридатова гроба, здѣсь увижу я слѣды Пантикапеи, думалъ я. На ближней горѣ, посреди кладбища, увидѣлъ я груду камней, утесовъ грубо высѣченныхъ; замѣтилъ нѣсколько ступеней, дѣло рукъ человѣческихъ. Гробъ-ли это, древнее ли это основаніе башни, не знаю. За нѣсколько верстъ остановились мы на *Золотомъ холмѣ*: ряды камней, ровъ почти сравнявшійся съ землею, вотъ все что осталось отъ города Пантикапеи. Нѣтъ сомнѣнія, что много драгоцѣннаго скрывается подъ землею, насыпанной вѣками. Какой-то Французъ присланъ изъ Петербурга для разысканій, но ему не достаетъ ни денегъ, ни свѣдѣній, какъ у насъ обыкновенно водится. Изъ Керчи пріѣхали мы въ Кефу, остановились у Броневскаго, человѣка почтеннаго по непорочной службѣ и по бѣдности. Теперь онъ подъ судомъ и подобно старику Виргилію разводитъ садъ на берегу моря, недалеко отъ города. Виноградъ и миндаль составляютъ его доходъ. Онъ неумный человѣкъ, но имѣетъ большія свѣдѣнія объ Крымѣ, сторонѣ важной и запущенной [24]). Отъ сюда

---

[24]) Пушкинъ называетъ городъ Ѳеодосію Кефой. Броневскій передъ тѣмъ занималъ должность Ѳеодосійскаго градоначальника. Онъ былъ литераторъ, и въ добавокъ мартинистъ того времени. Въ Жизни Сперанскаго, т. 2, стр. 149, сказано, что Броневскій имѣлъ съ Сперанскимъ религіозно-мистическую переписку. Его не слѣдуетъ смѣшивать съ другимъ Броневскимъ, авторомъ плохой книжки: *Путешествіе изъ Петербурга въ Тріестъ*.

моремъ отправились мы мимо полуденныхъ береговъ Тавриды въ *Юрзуфъ*, гдѣ находилось семейство Раевскаго. Ночью на кораблѣ написалъ я Элегію, которую тебѣ присылаю; отошли ее Гречу безъ подписи [25]). Корабль плылъ передъ горами, покрытыми тополями, виноградомъ, лаврами и кипарисами, вездѣ мелькали татарскія селенія. Онъ остановился въ виду Юрзуфа. Тамъ прожилъ я три недѣли."

Этотъ переѣздъ и трехнедѣльная жизнь въ Юрзуфѣ оставили Пушкину лучшія воспоминанія его жизни. Путешествіе окружено было всѣми удобствами. Изъ Керчи до Юрзуфа они плыли на военномъ бригѣ, отданномъ въ распоряженіе генерала. По словамъ одной изъ спутницъ, въ ночь

---

[25]) Это Элегія—*Погасло дневное свѣтило*. Пушкинъ означилъ ее: «Черное море. 1820. Сентябрь.»

Лети, корабль, неси меня къ предѣламъ дальнымъ,
По грозной прихоти обманчивыхъ морей,
Но только не къ брегамъ печальнымъ
Туманной родины моей.

Н. И. Гречь вскорѣ напечаталъ Элегію въ одной изъ ноябрскихъ книжекъ *Сына Отечества* (N 46). Намеки, можетъ быть, біографическаго значенія, находящіеся въ этой Элегіи, остаются для насъ не понятны, и оттого мы не можемъ себѣ объяснить, почему Пушкинъ не захотѣлъ выставить подъ ней имени, а потомъ въ собраніи стиховъ своихъ, 1826 года, опять для прикрытія, означилъ піесу *Подражаніемъ Байрону*.—Для біографа особенно любопытно и часто весьма бываетъ важно слѣдить, подъ какими произведеніями поэтъ выставлялъ имя, и въ какихъ, напротивъ, скрывалъ свою подпись. Эти послѣднія большею частью содержатъ въ себѣ чисто-личныя ощущенія и задушевную думу Пушкина. Можетъ быть, онъ познакомился съ семьею генерала Раевскаго, съ его дочерьми, еще раньше поѣздки на Кавказъ, еще въ Петербургѣ:

Я вижу берегъ отдаленный,
Земли полуденной волшебные края:
Съ волненьемъ и тоской туда стремлюся я,
Воспоминаньемъ упоенный....
Я вспомнилъ прежнихъ лѣтъ безумную любовь....

передъ Гурзуфомъ Пушкинъ расхаживалъ по палубѣ въ задумчивости и что-то бормоталъ про себя.

Прекрасны вы, брега Тавриды,
Когда васъ видишь съ корабля,
При свѣтѣ утренней Киприды,
Какъ васъ впервой увидѣлъ я.
Вы мнѣ предстали въ блескѣ брачномъ:
На небѣ синемъ и прозрачномъ
Сіяли груды вашихъ горъ;
Долинъ, деревьевъ, селъ узоръ
Разостланъ былъ передо мною.
А тамъ, межъ хижинокъ Татаръ.... [26])
Какой во мнѣ проснулся жаръ,
Какой волшебною тоскою
Стѣснилась пламенная грудь!

Года черезъ три Пушкинъ нѣсколько равнодушнѣе разсказывалъ объ этомъ путешествіи барону Дельвигу, но за то сообщилъ еще нѣсколько любопытныхъ подробностей. „Изъ Азіи— пишетъ онъ,—переѣхали мы въ Европу на кораблѣ. Я тотчасъ отправился на такъ названную *Митридатову* гробницу (развалины какой-то башни); тамъ сорвалъ цвѣтокъ для памяти и на другой день потерялъ безъ всякаго сожалѣнія. Развалины Пантикапеи не сильнѣе подѣйствовали на мое воображеніе. Я видѣлъ слѣды улицъ, полузаросшій ровъ, старые кирпичи и только. Изъ Ѳеодосіи до самаго Юрзуфа ѣхалъ я моремъ. Всю ночь не спалъ; луны не было; звѣзды блистали; передо мною въ туманѣ тянулись полуденныя горы... „Вотъ Чатырдагъ!" сказалъ мнѣ капитанъ. Я не различилъ его, да и не любопытствовалъ. Передъ свѣтомъ я заснулъ. Между тѣмъ корабль остановился въ виду Юрзуфа. Проснувшись, увидѣлъ я картину плѣнительную: разноцвѣтныя горы сіяли, плоскія кро-

---

[26]) Очевидно, говорится о домѣ, въ которомъ жило семейство Раевскаго.

ли хижинъ татарскихъ издали казались ульями, прилѣпленными къ горамъ; тополи, какъ зеленыя колонны, стройно возвышались между ними; справа огромный Аюдагъ..... кругомъ это синее, чистое небо, и свѣтлое море, и блескъ и воздухъ полуденный“ [27]).

Юрзуфъ или Гурзуфъ — очаровательный уголокъ южнаго Крымскаго берега, нынѣ извѣстный богатыми виноградниками. Онъ лежитъ на восточной оконечности южнаго берега, на пути между Яйлою и Ялтою. Горы небольшимъ полукругомъ облегаютъ тамошнее море. Съ сѣвера загораживаетъ Чатырдагъ, съ востока Аюдагъ заслоняетъ отъ палящихъ лучей солнца; оттого въ Гурзуфѣ такой превосходный, умѣренный климатъ и такая роскошь растительности. М. П. Погодинъ обязательно сообщилъ намъ видъ Юрзуфа, снятый со стороны моря. Тутъ вниманіе особенно останавливается на одной скалѣ, которая подымается надъ самымъ домомъ, гдѣ жилъ Пушкинъ, и представляетъ собою удивительную игру природы: въ очертаніяхъ скалы, даже и безъ особенной рѣзвости воображенія, нельзя не признать изображенія человѣческаго лица, и притомъ весьма схожаго съ бюстами императора Александра. Гурзуфъ расположенъ на скатѣ. Лучшая дача, нынѣ владѣніе И. И. Фундуклея, принадлежала тогда бывшему одесскому генералъ-губернатору герцогу Ришелье, который и предложилъ ее на лѣтнее житье сво-

---

[27]) Письмо это писано вѣроятно въ 1824 году, для *Сѣверныхъ цвѣтовъ* Дельвига, гдѣ оно и появилось въ 1826. Оно было вызвано появившеюся въ 1823 г. книгою И. М. Муравьева-Апостола *Путешествіе по Тавридѣ* въ 1820 году, по которой Пушкинъ хотѣлъ провѣрить собственныя впечатлѣнія.

ему товарищу по военной службѣ, генералу Раевскому. Это былъ довольно большой двухъэтажный домъ, съ двумя балконами, одинъ на море, другой въ горы, и съ обширнымъ садомъ. Кругомъ и ближе къ морю разбросана татарская деревушка.

Тутъ семья Раевскаго вся была въ сборѣ, кромѣ его матери, жившей въ Кіевской деревнѣ, и сына Александра, который остался на Кавказѣ. (Это мы должны замѣтить). Нашихъ путешественниковъ ожидали въ Гурзуфѣ супруга Раевскаго, Софья Алексѣевна, урожденная Константинова, внучка Ломоносова, и двѣ отлично образованныя и любезныя дочери, Екатерина Николаевна, (старшая всѣмъ, нынѣ Орлова) и Елена Николаевна, тогда лѣтъ 16-ти, высокая, стройная, съ прекрасными голубыми глазами. Братъ Николай скоро познакомилъ съ ними своего молодаго пріятеля. Въ домѣ нашлась старинная библіотека, въ которой Пушкинъ тотчасъ отыскалъ сочиненія Вольтера и началъ ихъ перечитывать. Кромѣ того Байронъ былъ почти ежедневнымъ его чтеніемъ: Пушкинъ продолжалъ учиться поанглійски, съ помощью Раевскаго-сына. Но большая часть времени, разумѣется, проходила въ прогулкахъ, въ морскомъ купаньи, поѣздкахъ въ горы, въ веселыхъ, оживленныхъ бесѣдахъ, которыя постоянно велись на французскомъ языкѣ. Пушкинъ часто разговаривалъ и спорилъ съ старшею Раевскою о литературѣ. Стыдливая, серьозная и скромная Елена Николаевна [28]), хорошо зная англійскій языкъ, переводила Байрона и

---

[28]) Елена Николаевна Раевская пережила Пушкина; она не выходила за мужъ и скончалась въ Италіи лѣтъ 12 тому назадъ.

Вальтеръ-Скота пофранцузски, но втихомолку уничтожала свои переводы. Братъ сказалъ о томъ Пушкину, который сталъ подбирать подъ окнами клочки изорванныхъ бумагъ и обнаружилъ тайну. Онъ восхищался этими переводами, увѣряя, что они чрезвычайно вѣрны.

„Мой другъ—писалъ Пушкинъ брату— счастливѣйшія минуты жизни моей провелъ я посреди семейства почтеннаго Раевскаго. Я не видѣлъ въ немъ героя, славу Русскаго войска, я въ немъ любилъ человѣка съ яснымъ умомъ, съ простой, прекрасной душою, снисходительнаго, попечительнаго друга, всегда милаго, ласковаго хозяина. Свидѣтель Екатерининскаго вѣка, памятникъ 12 года, человѣкъ безъ предразсудковъ, съ сильнымъ характеромъ и чувствительный, онъ невольно привяжетъ къ себѣ всякаго, кто только достоинъ понимать и цѣнить его высокія качества.“

И Раевскіе не могли не полюбить молодаго поэта, потому что съумѣли открыть въ немъ высокій умъ, нѣжное, привязчивое сердце, благородную гордость души. Не смотря на французское воспитаніе, старикъ Раевскій былъ настоящій русскій человѣкъ, любилъ русскую рѣчь, по собственной охотѣ и, можетъ быть, черезъ Батюшкова, служившаго при немъ адъютантомъ и черезъ своего родственника Д. В. Давыдова, знакомъ былъ съ нашею словесностью, зналъ и цѣнилъ простой народъ, сближаясь съ нимъ въ военномъ быту и въ своихъ помѣстьяхъ, гдѣ между прочимъ любилъ заниматься садоводствомъ и домашнею медициною. Въ этихъ отношеніяхъ онъ далеко не походилъ на своихъ товарищей по оружію, русскихъ знатныхъ сановниковъ, съ которыми послѣ случалось встрѣчаться Пушкину и которымъ очень

трудно было понять, что за существо поэтъ, да еще русскій. Раевскій какъ-то особенно умѣлъ сходиться съ людьми, одаренными свыше. Такъ точно на Кавказѣ же онъ приблизилъ къ себѣ и навсегда привязалъ къ своему семейству извѣстнаго доктора Мейера. По отношенію къ Пушкину генералъ Раевскій важенъ еще для насъ какъ человѣкъ съ разнообразными и славными преданіями, которыми онъ охотно дѣлился въ разговорѣ. Недавно-прошедшая исторія Россіи прошла на глазахъ у него. Онъ былъ родной по матери племянникъ графа Самойлова, генералъ-прокурора при Екатеринѣ; онъ началъ службу при другомъ своемъ родственникѣ, представителѣ вѣка, князѣ Потемкинѣ и пользовался особенною любовью его. Вблизи Гурзуфа находится Артекъ, опустѣлая и нѣкогда великолѣпная дача Потемкина, и уже одно это должно было часто наводить разговоры на Потемкина и его время. Отсюда у Пушкина такое близкое знакомство съ новою Русскою исторіей. Отъ Раевскаго онъ наслушался разсказовъ про Екатерину, XVIII вѣкъ, про наши войны и про 1812-й годъ. Нѣкоторые изъ этихъ разсказовъ были записаны Пушкинымъ и дошли до насъ, какъ важныя историческія черты и въ то же время какъ доказательства высокой любознательности поэта. Достойно замѣчанія, что въ 1829 году, когда умеръ Раевскій, Пушкинъ писалъ письмо къ графу Бенкендорфу, ходатайствуя объ увеличеніи пенсіи его семейству: такъ хотѣлось ему чѣмъ-нибудь заплатить долгъ благодарнаго сердца.

„Старшій сынъ его — продолжаетъ разсказывать своему брату Пушкинъ, увлекаемый признательностью къ пріютившему его семейству— будетъ болѣе нежели извѣстенъ. Всѣ его до-

чери — прелесть, старшая — женщина необыкновенная. Суди, былъ ли я счастливъ: свободная, безпечная жизнь въ кругу милаго семейства; жизнь, которую я такъ люблю и которой никогда не наслаждался: счастливое, полуденное небо, прелестный край, природа, удовлетворяющая воображенію, горы, сады, море; другъ мой, любимая моя надежда увидѣть опять полуденный берегъ и семейство Раевскаго.“ Еще нѣсколько подробностей передаетъ Пушкинъ въ упомянутомъ письмѣ къ барону Дельвигу. „Въ Юрзуфѣ, говоритъ онъ, жилъ я сиднемъ, купался въ морѣ и объѣдался виноградомъ. Я тотчасъ привыкъ къ полуденной природѣ и наслаждался ею со всѣмъ равнодушіемъ и безпечностью Неаполитанскаго Lazzaroni. Я любилъ, проснувшись ночью, слушать шумъ моря и заслушивался цѣлые часы. Въ двухъ шагахъ отъ дома росъ кипарисъ; каждое утро я посѣщалъ его и къ нему привязался чувствомъ, похожимъ на дружество.“

Одну черту этого разсказа Пушкинъ повторилъ потомъ въ Онѣгинѣ, говоря о своей Музѣ:

Какъ часто по брегамъ Тавриды
Она меня во тьмѣ ночной
Водила слушать шумъ морской,
Немолчный шопотъ Нереиды,
Глубокій, вѣчный хоръ валовъ,
Хвалебный гимнъ Творцу міровъ!

А кипарисъ, любимецъ Пушкина, до сихъ поръ цѣлъ; онъ выросъ теперь огромнымъ, статнымъ деревомъ. Путешественники ходятъ къ нему и срываютъ съ него вѣтки на память о Пушкинѣ. Съ нимъ подружился, его любилъ поэтъ, и подъ счастливымъ южнымъ небомъ этого одного достаточно, чтобы съ этимъ кипарисомъ связалось поэтическое сказаніе. Постоянные обитатели Гурзуфа, тамошніе Татары увѣряютъ, что когда поэтъ сиживалъ подъ кипарисомъ,

къ нему прилеталъ соловей и пѣлъ съ нимъ вмѣстѣ; съ тѣхъ поръ каждое лѣто возобновлялись посѣщенія пернатаго пѣвца; но поэтъ умеръ, и соловей больше не прилетаетъ [29]).

Къ воспоминаніямъ о жизни въ Юрзуфѣ несомнѣнно относится тотъ женскій образъ, который безпрестанно является въ стихахъ Пушкина, чуть только онъ вспомнитъ о Тавридѣ, который занималъ его воображеніе три года сряду, преслѣдовалъ его до самой Одессы, и тамъ только смѣнился другимъ. Въ этомъ нельзя не убѣдиться, внимательно слѣдя за его стихами того времени. Но то была святыня души его, которую онъ строго чтилъ и берегъ отъ чужихъ взоровъ, и которая послужила внутреннею основою всѣхъ тогдашнихъ созданій его генія. Мы не можемъ опредѣлительно указать на предметъ его любви, ясно однако, что встрѣтилъ онъ его въ Крыму и что любилъ безъ взаимности.

Я помню море предъ грозою:
Какъ я завидовалъ волнамъ,
Бѣгущимъ бурной чередою
Съ любовью лечь къ ея ногамъ!
Какъ я желалъ тогда съ волнами
Коснуться милыхъ ногъ устами!

—

Среди зеленыхъ волнъ, лобзающихъ Тавриду,
На утренней зарѣ я видѣлъ Нереиду.
Сокрытый межъ оливъ, едва я смѣлъ дохнуть:
Надъ ясной влагою полубогиня грудь,
Младую, бѣлую какъ лебедь, воздымала,
И пѣну изъ власовъ струею выжимала.

—

Въ Элегіи: *Рѣдѣетъ облаковъ летучая гряда* уже явно заключена біографическая подробность, какая именно, мы теперь не знаемъ:

---

[29]) См. «Крымскія письма Евгеніи Туръ» въ *Спб. Вѣдомостяхъ* 1854 года, письмо 5-е.

Я помню твой восходъ, знакомое свѣтило,
Надъ мирною страной, гдѣ все для сердца мило,
Гдѣ стройны тополи въ долинахъ вознеслись,
Гдѣ дремлетъ нѣжный миртъ и темный кипарисъ,
И сладостно шумятъ таврическія 30) волны.
Тамъ нѣкогда въ горахъ, сердечной думы полный,
Надъ моремъ я влачилъ задумчивую лѣнь,
Когда на хижины сходила ночи тѣнь,
И дѣва юная во мглѣ тебя искала
И именемъ своимъ подругамъ называла.

Когда, противъ воли Пушкина, напечатаны были въ 1824 году, въ *Полярной Звѣздѣ*, три послѣдніе приведенные нами стиха, Пушкинъ огорчился такимъ обнародованіемъ его тайны и писалъ издателю А. А. Бестужеву: „Мнѣ случилось когда-то быть влюблену безъ памяти. Я обыкновенно въ такомъ случаѣ пишу элегіи, какъ другой.... Богъ тебя проститъ, но ты осрамилъ меня въ нынѣшней Звѣздѣ, напечатавъ три послѣдніе стиха моей элегіи.... Что жь она подумаетъ?... Обязана ли она знать, что она мною не названа.... что элегія доставлена тебѣ Богъ знаетъ кѣмъ, и что никто не виноватъ. Признаюсь, одной мыслью этой женщины дорожу я болѣе, чѣмъ мнѣніями всѣхъ журналовъ на свѣтѣ“.

Къ Гурзуфу, кажется, относится и стихотвореніе: *О дѣва роза, я въ оковахъ*, въ которомъ Пушкинъ говоритъ о соловьѣ, влюбленномъ въ розу. По всему вѣроятію, онъ писалъ тамъ и свои замѣчанія о донскихъ и черноморскихъ козакахъ, упоминаемыя имъ въ письмѣ къ брату и теперь утраченныя, и тамъ же занялся и набросалъ

---

30) Такъ было въ первоначальномъ текстѣ, Пушкинъ замѣнилъ слово *таврическія* словомъ *полуденныя;* точно также какъ въ предъидущемъ стихотвореніи вмѣсто *оливъ* онъ потомъ поставилъ *деревъ*.

первые отрывки новой поэмы, *Кавказскій Плѣнникъ* [31]).

Пушкинъ прожилъ на южномъ берегу три недѣли, если не ошибаемся до второй половины сентября. Какъ ни хороша была тамошняя жизнь, но срокъ отпуска кончался. Раевскій долженъ былъ возвратиться на службу въ Кіевъ. Вмѣстѣ съ сыномъ и Пушкинымъ онъ поѣхалъ впередъ; семейство его осталось на время въ Гурзуфѣ, и соединилось съ нимъ, кажется, въ Бахчисараѣ. Путь лежалъ по крутымъ скаламъ Кикениса. „По горной лѣстницѣ взобрались мы пѣшкомъ,—пишетъ Пушкинъ къ Дельвигу — держа за хвостъ татарскихъ лошадей нашихъ. Это забавляло меня чрезвычайно, и казалось какимъ-то таинственнымъ восточнымъ обрядомъ. Мы переѣхали горы, и первый предметъ, поразившій меня, была береза, сѣверная береза! Сердце мое сжалось: я началъ ужъ тосковать о миломъ полуднѣ, хотя все еще находился въ Тавридѣ, и еще видѣлъ и тополи и виноградныя лозы. Георгіевскій монастырь и его крутая лѣстница къ морю оставили во мнѣ сильное впечатлѣніе. Тутъ же видѣлъ я баснословныя развалины храма Діаны. Видно, миѳологическія преданія счастливѣе для меня воспоминаній историческихъ: по крайней мѣрѣ тутъ посѣтили меня рифмы.“ Пушкинъ разумѣетъ свое посланіе къ Чадаеву: *Къ чему холодныя сомнѣнья*, подъ которымъ находимъ отмѣтку: „Съ морскаго берега Тавриды,“ и въ двухъ стихахъ котораго данъ отчетъ о тогдашнемъ состояніи души его:

Но въ сердцѣ, бурями смиренномъ,
Теперь и лѣнь и тишина.

[31]) На одномъ изъ первыхъ черновыхъ набросковъ *К. Плѣнника* сохранилась помѣтка: «1820 августа 21.»

„Въ Бахчисарай — продолжаетъ онъ—пріѣхалъ я больной. Я прежде слыхалъ о странномъ памятникѣ влюбленнаго хана. К*** поэтически описывала мнѣ его, называя la fontaine des larmes [32]). Вошедъ во дворецъ, увидѣлъ я испорченный фонтанъ: изъ заржавой желѣзной трубки по камнямъ падала вода. Я обошелъ дворецъ съ большой досадой на небреженіе, въ которомъ онъ истлѣваетъ и на полуевропейскія передѣлки нѣкоторыхъ комнатъ. NN. почти насильно повелъ меня, по ветхой лѣстницѣ, въ развалины гарема и на ханское кладбище.

Но не тѣмъ
Въ то время сердце полно было....

Лихорадка меня мучила."

Пока Пушкинъ странствовалъ, во внѣшнемъ положеніи его устроилась новая перемѣна, какъ и прежде, случайная и также благопріятная. Возвращаться изъ Крыму пришлось ему не въ Екатеринославль, откуда отпустилъ его Инзовъ, а въ Бессарабію, въ городъ Кишиневъ. Тогдашній намѣстникъ Бессарабской области, А. Н. Бахметевъ, испросилъ себѣ продолжительный отпускъ, для излеченія отъ ранъ, а должность его, 15 іюня 1820 года поручена была временно Инзову, который, переѣхавъ въ Кишиневъ, перевелъ туда и попечительный комитетъ о колонистахъ южнаго края [33]). Читатели убѣдятся изъ дальнѣйшаго разсказа нашего, какъ важно было для Пушкина это обстоятельство: вмѣсто однообразной губернской жизни, онъ очутился

---

[32]) Вѣроятно это та самая женщина, про которую Пушкинъ говорилъ, что поэма его *Бахчисарайскій Фонтанъ* есть ничто иное, какъ переложеніе въ стихи ея разсказа. Буква К*. поставлена въ печати, можетъ быть, для прикрытія.

[33]) См. біографію Инзова, въ изданіи: *Александръ I и его сподвижники.*

почти въ пограничномъ городѣ, съ самымъ пестрымъ населеніемъ, представлявшимъ множество предметовъ для его наблюдательности, познакомившимъ его съ разнохарактерными явленіями русской жизни. Кавказъ и Крымъ воспитали и укрѣпили въ Пушкинѣ чувство любви къ природѣ, обогативъ его душу великолѣпными образами внѣшняго міра; Кишиневская жизнь развернула передъ нимъ во всей пестротѣ и разнообразіи міръ людскихъ отношеній и связей: тамъ по преимуществу познакомился онъ съ жизнью, и пріобрѣлъ познаніе человѣческаго сердца, которое бываетъ такъ нужно писателю.

Въ Кишиневъ онъ пріѣхалъ не прямо изъ Крыма. Ему вѣроятно не хотѣлось скоро разстаться съ Раевскими, и онъ проводилъ ихъ еще до Кіевской губерніи, до села Каменки, гдѣ жила мать старика Раевскаго, урожденная графиня Самойлова, во второмъ бракѣ Давыдова [34]). Съ нею жили два ея сына отъ этого брака, Александръ и Василій Львовичи, изъ которыхъ первый былъ женатъ на веселой и любезной француженкѣ, графинѣ Грамонъ. Пушкинъ съ нею очень скоро сошелся; но это первое посѣщеніе Каменки было не продолжительно.

Въ послѣднихъ числахъ сентября Пушкинъ прибылъ на житье въ Кишиневъ, какъ видно по письму его къ брату, въ которомъ онъ описывалъ свое путешествіе: оно писано на первыхъ порахъ кишиневской жизни, 24 сентября 1820 г. „Теперь я одинъ, въ пустынной для меня Молдавіи,“ замѣчаетъ Пушкинъ. Но вскорѣ Кишиневъ пересталъ быть для него пустынею.

Прежде всего слѣдуетъ сказать объ отношеніяхъ его къ Инзову, которыя теперь только и на-

---

[34]) Отъ кн. М. Н. В—ой.

чались, потому что въ краткій срокъ Екатеринославской жизни Пушкинъ едва успѣлъ съ нимъ познакомиться. Иванъ Никитичъ Инзовъ (1768—1845), былъ питомецъ князя Николая Никитича Трубецкаго, памятнаго своею дружескою связью съ типографщикомъ Новиковымъ и съ мартинистами Екатерининскаго вѣка. Инзовъ образовался и служилъ въ молодости адъютантомъ при князѣ Н. В. Репнинѣ, тоже мартинистѣ. Онъ усвоилъ себѣ лучшія качества этихъ людей, вполнѣ опредѣленный образъ мыслей, любовь къ просвѣщенію, мягкость нрава, чрезвычайное доброжелательство и человѣколюбіе. Такъ называемые иностранные поселенцы южнаго края, и особенно отошедшіе отъ насъ не давно Болгаре, до сихъ поръ почитаютъ память этого добраго начальника. Въ Болгарскихъ поселеніяхъ, въ возникшемъ подъ его попечительствомъ Болградѣ (1822) и теперь, во многихъ семействахъ, сберегаются портреты Ивана Никитича. Имя его съ признательностью помянется въ будущей исторіи нашихъ сношеній съ славянскими братьями. Но Инзовъ вѣроятно чуждъ былъ нынѣшнихъ понятій о племенномъ сближеніи; онъ хлопоталъ и пекся о Сербахъ и Болгарахъ по чувству долга и по внушенію прекрасной души своей. Это былъ человѣкъ не хитраго разума, простой въ обращеніи, не умѣвшій говорить красно и громко; но его искренняя привѣтливость, умѣнье уживаться съ людьми и мирить ихъ, неподкупная честность и прямота характера заслужили ему любовь подчиненныхъ и уваженіе людей равныхъ и начальства. Сверхъ того Инзовъ былъ очень образованъ и начитанъ, занимался исторіей, естественными науками, собиралъ рукописи. Онъ тотчасъ оцѣнилъ молодаго Пушкина, чутьемъ сердца понявъ высокое бла-

городство его природы, и вмѣсто того, чтобы быть строгимъ надзирателемъ за его поведеніемъ, сдѣлался снисходительнымъ и попечительнымъ заступникомъ. Выше упомянуто, что Пушкинъ явился къ нему съ письмомъ отъ гр. Каподистріи; что̀ это было за письмо, намъ не извѣстно; но можно догадываться, что чья нибудь дружеская предусмотрительность (Энгельгардта или Карамзина, который могъ встрѣчаться съ Инзовымъ еще въ прошломъ вѣкѣ, у Н. Н. Новикова) указала высшему начальству на Инзова, какъ на человѣка, къ которому всего лучше было послать Пушкина. Поэтъ, столь щекотливый въ сношеніяхъ вообще съ людьми, и особливо съ поставленными выше его, никогда не имѣлъ причины пенять на своего начальника, напротивъ отзывался о немъ съ нѣжнымъ участіемъ, а Инзовъ, въ свою очередь, очень жалѣлъ, когда потомъ Одесса переманила къ себѣ Пушкина, и когда онъ уѣхалъ отъ него къ гр. Воронцову.

Въ Кишиневѣ вся власть соединялась въ рукахъ Инзова: кромѣ должности полномочнаго намѣстника Бессарабской области, онъ, съ іюля мѣсяца 1822 года, правилъ всѣмъ Новороссійскимъ краемъ, такъ какъ тамошній генералъ-губернаторъ графъ Ланжеронъ, тоже отпросился въ долгій отпускъ къ водамъ. Для насъ это обстоятельство важно потому, что, живя при Инзовѣ, Пушкинъ (хотя вѣроятно и не имѣлъ никакихъ служебныхъ обязанностей) находился въ средоточіи управленія обширнымъ и важнымъ краемъ, зналъ изъ первыхъ рукъ все, что̀ дѣлалось въ тѣхъ мѣстахъ, а Бессарабія и вообще Новороссія въ то время представляли много любопытнаго. Пушкинъ впослѣдствіи имѣлъ полное право жалѣть объ истребленіи своихъ тогдашнихъ записокъ. Такъ, на-

примѣръ, греческое возстаніе и мѣры нашего правительства, по отношенію къ этому событію, были во всѣхъ подробностяхъ извѣстны Пушкину, что видно между прочимъ изъ его разсказа *Кирджали*, отчасти слышаннаго имъ отъ правителя канцеляріи Инзова, М. И. Лекса [35]).

Бессарабія всего только восемь лѣтъ, какъ поступила подъ власть Россіи; Инзовъ былъ вторымъ ея намѣстникомъ. Подъ турецкимъ управленіемъ и долго послѣ Кишиневъ оставался большимъ хуторомъ: у тамошнихъ простолюдиновъ онъ до сихъ поръ слыветъ подъ именемъ *Кишла̀*, что̀ по молдавански, говорятъ, значитъ *овчарня*. Онъ былъ выбранъ средоточіемъ власти по указанію знаменитаго экзарха Гавріила Бодони, который и учредилъ въ тамошнемъ монастырѣ свою метрополію. Кишиневъ лежитъ въ серединѣ области, на рубежѣ степной и горной Бессарабіи [36]), почти на границахъ двухъ губерній, Херсонской и Подольской. Во время Пушкина онъ состоялъ почти изъ одного такъ называемаго стараго города, раскинутаго по плоскимъ и грязнымъ берегамъ небольшой рѣки Быка, съ тѣсными, кривыми улицами, грязными базарами, низенькими лавками и небольшими домиками, крытыми черепицей, но за то со множествомъ садовъ изъ пирамидальныхъ тополей и бѣлыхъ акацій. Въ старомъ городѣ все время и жилъ Пушкинъ. Нынѣшній верхній, правильный или новый городъ, построенный на плоской возвышенности, тогда еще только возникалъ:

---

[35]) См. соч. Пушкина, V, 497. «Человѣкъ съ умомъ и сердцемъ, въ то время неизвѣстный молодой чиновникъ, нынѣ занимающій важное мѣсто».

[36]) См. статью Надеждина въ *Одесскомъ Альманахѣ* 1840 г., статью Н. В. Берга въ *Москвитянинѣ* 1855 г., № 4; статью В. П. Горчакова, тамъ же 1850 г., № 2 и пр.

тамъ находилась метрополія, два-три хорошихъ дома, въ томъ числѣ домъ Крупянскаго, гдѣ помѣщались театръ и присутственныя мѣста, и цѣлый особый кварталъ Булгарія, занятый недавними переселенцами-Болгарами.

Населеніе Кишинева, въ то время, было до чрезвычайности пестрое. Главную массу составляли, если не ошибаемся, Молдаване, Жиды и Болгаре; но тутъ же жили Греки, Турки, наши Малороссіяне, Нѣмцы; попадались и Караимы, Арнауты, Французы, и даже Итальянцы, каждый съ своимъ говоромъ, съ своими обычаями, въ своихъ нарядахъ. Настоящихъ Русскихъ переселенцевъ было еще мало. Большую часть русскаго населенія составляли солдаты и чиновники. Военный постой еще болѣе разнообразилъ картину. Бессарабская область занята была корпусами второй арміи.

Кишиневское общество, посреди котораго Пушкинъ проводилъ большую часть времени, слагалось также изъ нѣсколькихъ довольно рѣзкихъ отдѣловъ. Тутъ были прежде всего чиновники мѣстнаго управленія, адъютанты Инзова и его канцелярія. Правителемъ ея былъ *Лексъ*, впослѣдствіи товарищъ министра внутреннихъ дѣлъ. Какъ-то въ разговорѣ при Пушкинѣ назвали Лекса:

Михаилъ Иванычъ Лексъ—
Прекрасный человѣкъ-съ,

быстро подхватилъ Пушкинъ, и это присловье на долго оставалось при имени Лекса. Изъ чиновниковъ, состоявшихъ при Инзовѣ, Пушкинъ особенно былъ друженъ съ недавно умершимъ ***Николаемъ Степановичемъ Алексѣевымъ***, переведеннымъ на службу въ Кишеневъ изъ Москвы и съ нимъ вмѣстѣ часто посѣщалъ чиновника горнаго вѣдомства *Эльфректа*, страстнаго охот-

ника до старинныхъ монетъ. Изъ мѣстныхъ властей слѣдуетъ упомянуть еще о вице-губернаторѣ *Крупянскомъ* и другомъ *Алексѣевѣ*, областномъ почтмейстерѣ.— Второй отдѣлъ Кишиневскаго общества составляли молдаванскіе бояре, одни занимавшіе должностныя мѣста въ городѣ, какъ, напр., изъ знакомыхъ Пушкина, губернаторъ *Катакази*, женатый на сестрѣ кн. А. Ипсиланти, и членъ верховнаго правленія *Егоръ Кириловичъ Варѳоломей;* другіе просто зажиточные помѣщики, жившіе въ Кишиневѣ для удовольствія: *Прункулъ*, *Балшъ* и другіе. — Въ третьемъ, самомъ замѣчательномъ для насъ отдѣлѣ, были люди военные. Въ Кишиневѣ квартировалъ тогда штабъ 16-й пѣхотной дивизіи, принадлежавшій къ 6-му корпусу второй арміи (корпусный командиръ—*Сабанѣевъ* въ Тираснолѣ). Начальникомъ этой дивизіи, слѣдовательно первымъ военнымъ лицомъ въ городѣ, былъ, до половины 1822 г., генералъ-маіоръ *М. Ѳ. Орловъ*, передъ тѣмъ служившій въ Кіевѣ начальникомъ корпуснаго штаба при Н. Н. Раевскомъ. Одною изъ бригадъ дивизіи, состоявшей подъ начальствомъ Орлова, тоже до половины 1822 года, командовалъ *Павелъ Сергѣевичъ Пущинъ* человѣкъ весьма образованный и начитанный, служившій прежде въ гвардейскомъ Семеновскомъ полку и почитавшійся масономъ. Изъ состоявшихъ при Орловѣ штабъ-офицеровъ слѣдуетъ назвать, какъ болѣе или менѣе близкихъ знакомцевъ Пушкина—*Друганова*, *Колокуцкаго*, *Охотникова*, *Липранди*, и дивизіоннаго квартермистра *Владиміра Петровича Горчакова*, воспитанника московской Муравьевской школы колонновожатыхъ. Кромѣ этихъ лицъ, изъ Тульчина, гдѣ жилъ главнокомандующій 2-й арміи, графъ Витгенштейнъ, пріѣзжали въ Кишеневъ

для съемки плановъ новопріобрѣтеннаго края и проживали тамъ офицеры генеральнаго штаба, изъ которыхъ назовемъ двоюродныхъ братьевъ *Полторацкихъ*: *Алексѣя Павловича и Михаила Александровича* (съ первымъ Пушкинъ былъ очень близокъ), *Валерія Тимофѣевича Кека*, и за послѣдніе мѣсяцы кишиневской жизни Пушкина—*Александра Ѳомича Вельтмана*. Надо замѣтить, что Кишиневъ лежитъ на пути военныхъ сообщеній: изъ Бендеръ, Тирасполя, Тульчина, Херсона и другихъ мѣстъ являлись туда генералы и офицеры по дѣламъ службы или проѣздомъ. По близости расположенъ былъ и 7-й корпусъ, входившій въ составъ второй арміи. Такъ напримѣръ, въ апрѣлѣ 1821 г. за чѣмъ-то пріѣзжалъ изъ Тульчина, адъютантъ графа Витгенштейна П. И. П., о которомъ въ бумагахъ Пушкина уцѣлѣла замѣтка: „Утро провелъ съ П. Умный человѣкъ во всемъ смыслѣ этого слова. Mon coeur est materialiste, mais ma raison s'y refuse. Мы имѣли съ нимъ разговоръ метафизической, политической, нравственный и проч. Онъ одинъ изъ самыхъ оригинальныхъ умовъ, которыхъ я знаю [37]).“ Къ кишиневскимъ гостямъ вѣроятно принадлежалъ и нынѣшній посолъ въ Парижѣ П. Д. Киселевъ, тогдашній начальникъ штаба 2-й арміи при гр. Витгенштейнѣ. Познакомившись еще въ Петербургѣ, Пушкинъ въ это время, кажется, сблизился съ нимъ. Наконецъ, въ числѣ постоянныхъ жителей Кишинева, за первое время тамошней жизни Пушкина, должно упомянуть также о семействѣ покойнаго Молдавска-

---

[37]) *Библіографическія Записки*, 1859 года, № 5, столб. 120. Французская фраза вѣроятно была сказана Пушкинымъ въ разговорѣ съ П., про самого себя. Онъ послѣ не разъ выражалъ эту мысль, напримѣръ, въ стихахъ: *Ты сердцу непонятный мракъ.*

го господаря, кн. Ипсиланти, состоявшемъ изъ вдовы княгини, изъ дочери, бывшей за губернаторомъ Катакази, и нѣсколькихъ братьевъ, флигель-адъютанта, безрукаго князя Александра, князей Николая, Георгія и Дмитрія, которые всѣ находились въ русской службѣ. Пушкинъ былъ вхожъ къ нимъ въ домъ [38]).

Со всѣми изъ названныхъ лицъ Пушкинъ былъ въ безпрерывныхъ сношеніяхъ, и болѣе или менѣе въ дружескихъ связяхъ. По своей живой общительной природѣ, онъ никогда не могъ быть одиночкой, всегда любилъ многолюдныя собранія, постоянно являлся на кишиневскихъ вечерахъ и балахъ, и на холостыхъ пирушкахъ военной молодежи:

---

[38]) Въ описаніи Кишиневскихъ знакомствъ и жизни Пушкина мы руководствуемся отчасти изустными разсказами и указаніями добраго пріятеля его *В. П. Горчакова*, за которые обязаны ему великою признательностію. Онъ съ любовью и нѣжнымъ участіемъ къ памяти Александра Сергѣевича передавалъ намъ разныя подробности, которыя были необходимы для пониманія прошедшей обстановки. Кромѣ того я пользовался печатными его статьями, *Выдержками изъ Дневника*, въ *Москвитянинѣ* 1850 г. кн. 2, стр. 146—182; кн. 3-я, стр. 233—264 и кн. 7-я, стр 166—198; и *Воспоминаніемъ о Пушкинѣ* въ 19 номерѣ *Московскихъ Вѣдомостей* 1858 года Нельзя не пожелать продолженія этихъ статей: никакое изслѣдованіе не можетъ замѣнить живыхъ и яркихъ свидѣтельствъ современника-очевидца. — Нѣсколько указаній заимствовано еще изъ статьи покойнаго профессора Одесскаго лицея, *К. Зеленецкаго*: «Свѣдѣнія о пребываніи Пушкина въ Кишиневѣ и въ Одессѣ, и примѣчанія къ описанію Одессы, въ Евгеніи Онѣгинѣ» (Въ *Москвитянинѣ* 1854 г. № 9.) Зеленецкій говоритъ, что онъ ѣздилъ нарочно въ Бессарабію для собиранія свѣдѣній о Пушкинѣ и писалъ со словъ *Д. А. Вороновскаго*, *И. С. Пущина*, покойнаго *Марини*, *В. И. Гординскаго*, *П. С. Леонарда*, *В. З. Писаренка* и студента *Ратко*.

Я съ трепетомъ на лоно дружбы новой,
Уставъ, приникъ ласкающей главой.

Приступая теперь къ разсказу о жизни Пушкина въ Кишиневѣ, я весьма затрудняюсь соблюденіемъ строгой хронологической послѣдовательности, которая по моему мнѣнію составляетъ первѣйшее условіе при передачѣ біографическихъ матеріаловъ. Затрудненіе это происходитъ главнѣйшимъ образомъ отъ скудости и отрывочности имѣющихся свѣдѣній. Да и вообще чрезвычайно трудно схватить главныя черты разсѣянной, тревожной и разнообразной кишиневской жизни Пушкина. Писемъ, этихъ фотографическихъ снимковъ жизни, у насъ очень мало, а какія и дошли до насъ, тѣ большею частью одного литературнаго содержанія.

Сколько извѣстно, Пушкинъ прожилъ въ Кишиневѣ около трехъ лѣтъ, съ послѣднихъ чиселъ сентября 1820 г. до весны 1823-го; но въ этотъ срокъ, какъ видно будетъ ниже, онъ очень часто отлучался, то въ Кіевъ и Каменку, то въ Одессу и степи. Пріѣхавъ въ Кишиневъ, онъ остановился въ одной изъ тамошнихъ глиняныхъ мазанокъ, у русскаго переселенца Ивана Николаева, состоявшаго при квартирной коммиссіи и весьма извѣстнаго въ городѣ, смышленаго мужика. Но Инзовъ скоро позаботился о лучшемъ для него помѣщеніи. Онъ далъ ему квартиру въ одномъ домѣ съ собою. Домъ этотъ, принадлежавшій боярину Доничу и нанимавшійся для намѣстниковъ на городскія деньги, находится въ концѣ стараго Кишинева, на небольшомъ возвышеніи. Въ то время онъ стоялъ одиноко, почти на пустырѣ. Сзади примыкалъ къ нему большой садъ, расположенный на скатѣ, съ виноградникомъ. Кому любопытно, тотъ можетъ найдти видъ его при Одесскомъ Альманахѣ

1840 года. Развалины до сихъ поръ цѣлы [39]) Это было довольно большое двухъ-этажное зданіе; вверху жилъ самъ Инзовъ, внизу двое трое его чиновниковъ. При домѣ въ саду находился птичій дворъ со множествомъ канареекъ и другихъ пѣвчихъ птицъ, до которыхъ намѣстникъ былъ большой охотникъ. Разсказываютъ, что Пушкинъ изъ шалости, и желая подтрунить надъ цѣломудріемъ своего стараго начальника-холостяка, нашелъ средство выучить одну изъ его сорокъ какимъ то нескромнымъ словамъ [40]). Пушкину отведены были двѣ небольшія комнаты внизу, сзади на право отъ входа, въ три окна съ желѣзными рѣшотками, выходившія въ садъ. Видъ изъ нихъ прекрасный, по словамъ путешественниковъ, самый лучшій въ Кишиневѣ. Прямо подъ скатомъ, въ лощинѣ, течетъ рѣчка Быкъ, образуя небольшое озеро. Лѣвѣе—каменоломни Молдаванъ, и еще лѣвѣе новый городъ. Вдали горы съ бѣлѣющимися домиками какого-то села. Столъ у окна, диванъ, нѣсколько стульевъ, разбросанныя бумаги и книги, голубыя стѣны, облѣпленныя восковыми пулями, слѣды упражненій въ стрѣльбѣ изъ пистолета, вотъ комната, которую занималъ Пушкинъ. Другая, или прихожая, служила помѣщеніемъ вѣр-

---

[39]) Домъ этотъ подвергался нѣсколько разъ разрушенію отъ землетрясеній. Дальнѣйшія подробности о помѣщеніи Пушкина взяты изъ статьи Н. В. Берга въ *Москвитянинѣ* 1854 г., № 4. Г. Бергъ говоритъ, что домъ этотъ зовутъ въ Кишиневѣ домомъ Инзова, но что онъ принадлежитъ живущему за границей боярину Доничь. Но на фотографическомъ снимкѣ съ него, присланномъ изъ Кишенева М. П. Погодину, находится надпись, въ которой сказано, что домомъ владѣлъ Инзовъ, и что на немъ до сихъ поръ лежитъ казенное запрещеніе по дѣлу о начетѣ на Инзова, отъ провіантскаго департамента.

[40]) Изъ Записокъ Ф. Ф. Вигеля.

ному и преданному слугѣ его Никитѣ, который между прочимъ остался въ памяти кишиневскихъ его пріятелей по двумъ стихамъ какого-то шуточнаго стихотворенія:

Дай, Никита, мнѣ одѣться:
Въ метрополіи звонятъ.

Это значило, пора идти къ обѣднѣ, въ новый, верхній городъ. Въ этомъ-то домѣ Пушкинъ прожилъ почти все время; онъ оставался тамъ и послѣ землетрясенія 1821 года, отъ котораго треснулъ верхній этажъ, что заставило Инзова на время перемѣститься въ другую квартиру. Воображенію Пушкина могла даже казаться заманчивою жизнь подъ развалинами. Впрочемъ большую часть дня онъ обыкновенно проводилъ гдѣ-нибудь въ обществѣ, возвращаясь къ себѣ ночевать и то не всегда, и проводя дома только утреннее время за книгами и письмомъ. Стола, разумѣется, онъ не держалъ, а обѣдывалъ у Инзова, у Орлова, у гостепріимныхъ кишиневскихъ знакомыхъ своихъ и въ трактирахъ. Такъ, въ первое время, онъ нерѣдко заходилъ въ такъ называемый *Зеленый трактиръ*, въ верхнемъ городѣ, недалеко отъ метрополіи. Тамъ прислуживала молодая молдаванка *Маріонилла*, и одну изъ ея пѣсенъ Пушкинъ переложилъ въ русскіе стихи—это *Черная шаль*[41]).

---

[41]) Изъ Записокъ В. Г Теплякова, см. *Общезанимательный Вѣстникъ* 1857, № 1. Въ печати подъ *Черною шалью* выставлено 14 ноября 1820; но это вѣроятно число отсылки ея въ Петербургъ;—піеса написана нѣсколько раньше, какъ видно будетъ изъ дальнѣйшаго разсказа. Пушкинъ былъ доволенъ ею и послалъ въ Петербургъ. Она появилась въ апрѣльскомъ, 15-мъ номерѣ *Сына Отечества* 1821, но съ ошибками; Пушкинъ разсердился и послалъ вторично въ 5-й номеръ *Благонамѣреннаго* 1821 г., гдѣ въ примѣчаніи и было сказано, что стихи перепечатываются ради ошибокъ, съ которыми ихъ напечатали въ *Сынѣ Отечества*

По пріѣздѣ въ Кишиневъ, Пушкинъ уже засталъ тамъ *Михаила Ѳедоровича Орлова.* Они сошлись вѣроятно еще въ Кіевѣ или въ Петербургѣ, гдѣ Пушкинъ былъ довольно близко знакомъ съ его роднымъ братомъ, недавно умершимъ княземъ Алексѣемъ Ѳедоровичемъ, которому и написалъ въ 1818 году извѣстное посланіе:

О ты, который сочеталъ
Съ душею пылкой, откровенной,
Любезность, разумъ просвѣщенный. и пр.

Раевскіе безъ сомнѣнія поручали Пушкина вниманію Орлова; но онъ и самъ радъ былъ знакомству съ поэтомъ. Орловъ славенъ своимъ горячимъ участіемъ ко всему, что̀ выступаетъ изъ обыкновенной, будничной жизни. Страсть къ просвѣщенію (онъ занимался въ Кіевѣ дѣлами библейскаго общества), страсть къ словесности и наукѣ (онъ участвовалъ въ Арзамасскомъ обществѣ подъ именемъ *Рейна* и писалъ сочиненіе о финансахъ), страсть къ искусствамъ (онъ былъ основателемъ московской школы живописи и ваянія), наконецъ къ высокой политической дѣятельности, всю жизнь волновали эту благородную и пылкую душу. Подъ Аустерлицемъ онъ храбро дрался, и получивъ знакъ отличія въ одно время съ вѣстью о томъ, что сраженіе проиграно, горько заплакалъ. Участникъ 1812 года и заграничныхъ войнъ, онъ былъ близко извѣстенъ государю, первый изъ русскихъ вступилъ въ Парижъ и договаривался о сдачѣ его, которую потомъ описалъ въ особой запискѣ [42]). Около 1820 года была самая живая пора его дѣятельности; его не даромъ называли цвѣтомъ рус-

---

[42]) Записка эта, сочиненная пофранцузски, была напечатана, въ русскомъ переводѣ, но къ сожалѣнію невполнѣ, въ альманахѣ *Утренняя Заря* 1843 г.

скихъ генераловъ. Онъ заботился о распространеніи грамотности между солдатами, старался смягчить грубыя отношенія къ подчиненнымъ, за что̀ вскорѣ и пострадалъ. Въ Кишиневѣ онъ построилъ манежъ и въ новый 1822 годъ далъ въ немъ большой завтракъ, на которомъ сверхъ обыкновенія, были угощены, тутъ же, въ однихъ стѣнахъ съ начальствомъ, всѣ нижніе чины. На первыхъ порахъ знакомства, Пушкинъ писалъ о немъ къ Чадаеву: „Le seul homme que j'aie vu qui est heureux à force de vanité,“ что, къ сожалѣнію, говорятъ, до нѣкоторой степени вѣрно [43]); но этотъ отзывъ не помѣшалъ впослѣдствіи Пушкину цѣнить и любить Орлова. Они тѣснѣе сблизились въ 1821 г., когда Орловъ женился на старшей дочери Раевскаго, Екатеринѣ Николаевнѣ, любезной и высокоуважаемой пріятельницѣ Пушкина по Юрзуфу. Орловъ занималъ въ новомъ Кишиневѣ два большіе дома; у него какъ у начальника, постоянно собирались военные люди, и кромѣ того пріѣзжали и гащивали Раевскіе, Давыдовы и родной братъ его Ѳедоръ Ѳедоровичъ, великанъ ростомъ, георгіевскій кавалеръ, безъ ноги по колѣно, котораго, какъ кажется, Пушкинъ хотѣлъ потомъ изобразить героемъ романа изъ русскихъ нравовъ. Пушкинъ цѣлые дни проводилъ въ умномъ и любезномъ обществѣ, собиравшемся у М. Ѳ. Орлова, и тамъ-то за генеральскими обѣдами слуги обносили его блюдами, на что онъ такъ забавно жалуется. Бесѣда опять таки шла по большей части на французскомъ языкѣ. „Пиши мнѣ по-русски — требуетъ Пушкинъ отъ брата въ письмѣ отъ 27 іюня 1821 г.— потому что, слава Богу, съ моими.... друзьями я

[43]) Слышано отъ П. Я Чадаева.

скоро позабуду русскую азбуку.“ Свобода обращенія, смѣлость, а иногда рѣзкость отвѣтовъ, небрежный нарядъ Пушкина, столь противоположный военной формѣ, которая такъ строго наблюдалась и наблюдается въ полкахъ, все это не разъ смущало нѣкоторыхъ посѣтителей Орлова. Однажды кто-то замѣтилъ генералу, какъ онъ можетъ терпѣть, что у него на диванахъ валяется мальчишка въ шароварахъ. Орловъ только улыбался на такія рѣчи; но одинъ разъ, полушутя, онъ сказалъ Пушкину, пародируя басню Дмитріева (*Башмакъ — мѣрка равенства):*

Твои, мои права одни,
Да мой сапогъ тебѣ не въ пору.

„Эка важность, сапоги! возразилъ Пушкинъ; если мѣряться, такъ у слона больше всѣхъ сапоги.“ Этимъ все и кончилось, и размолвки между ними никогда не было.

—

Въ первыхъ числахъ ноября 1820 года, кочевая труппа нѣмецкихъ актеровъ давала представленіе въ бѣдномъ Кишеневскомъ театрѣ, кое какъ освѣщенномъ сальными свѣчами. Въ числѣ посѣтителей находился молодой офицеръ генеральнаго штаба, В. П. Горчаковъ, недавно пріѣхавшій на службу къ Орлову, и изъ своихъ креселъ наблюдалъ новое для него общество. „Въ числѣ многихъ — разсказываетъ онъ — особенно обратилъ мое вниманіе вошедшій молодой человѣкъ, небольшаго роста, но довольно плечистый и сильный, съ быстрымъ и наблюдательнымъ взоромъ, необыкновенно живой въ своихъ пріемахъ, часто смѣющійся въ избыткѣ непринужденной веселости, и вдругъ неожиданно переходящій къ думѣ, возбуждающей участіе. Очерки лица его были неправильны и некрасивы, но вы-

раженіе думы до того было увлекательно, что невольно хотѣлось бы спросить: что съ тобою? какая грусть мрачитъ твою душу? Одежду незнакомца составляли черный фракъ, застегнутый на всѣ пуговицы, и такого же цвѣта шаровары. Кто бы это, подумалъ я, и тутъ же узналъ отъ Алексѣева, что это Пушкинъ, знаменитый уже пѣвецъ Руслана и Людмилы. Послѣ перваго акта какой-то драмы, весьма дурно игранной, Пушкинъ подошелъ къ намъ; въ разговорѣ съ Алексѣевымъ онъ довѣрчиво обращался ко мнѣ, какъ бы желая познакомиться." Замѣчаніе Горчакова, что игру актеровъ разбирать нечего, что каждый играетъ дурно, а всѣ вмѣстѣ очень дурно, разсмѣшило Пушкина; онъ началъ повторять эти слова и тутъ же вступилъ съ нимъ въ разговоръ, содержаніе которому дали воспоминанія о петербургскихъ артистахъ, о Семеновой, Колосовой и другихъ. Поэтъ невольно задумался. „Въ этомъ расположеніи духа онъ отошелъ отъ насъ—замѣчаетъ В. П. Горчаковъ — и пробираясь между стульевъ со всею ловкостью и изысканною вѣжливостью свѣтскаго человѣка, остановился передъ какою-то дамою.... мрачность его исчезла; ее смѣнилъ звонкій смѣхъ, соединенный съ непрерывною рѣчью.... Пушкинъ безпрерывно краснѣлъ и смѣялся; прекрасные его зубы выказывались во всемъ своемъ блескѣ, улыбка не угасала."

На другой день они опять встрѣтились у Ѳ. Ѳ. Орлова. „Въ это утро — продолжаетъ новый знакомецъ Пушкина — много было говорено о молдаванской пѣснѣ *Черная шаль*, на дняхъ имъ только написанной. Не зная самой пѣсни, я не могъ участвовать въ разговорѣ. Пушкинъ это замѣтилъ, и по просьбѣ моей и Орлова, обѣщалъ мнѣ прочесть ее; но повторивъ въ раз-

рывъ нѣкоторыя строфы, вдругъ схватилъ рапиру и началъ играть ею: припрыгивалъ, становился въ позу.... Въ эту минуту вошелъ Друrановъ. Пушкинъ едва давъ ему поздороваться съ нами, сталъ предлагать ему биться. Друrановъ отказывался, Пушкинъ настоятельно требовалъ, и какъ живой ребенокъ сталъ шутя затрогивать его рапирой. Другановъ отвелъ рапиру рукой, Пушкинъ не унимался; Другановъ начиналъ сердиться. Чтобы предупредить раздоръ новыхъ моихъ знакомцевъ, я снова попросилъ Пушкина прочесть мнѣ молдаванскую пѣсню. Пушкинъ охотно согласился, бросилъ рапиру и началъ читать съ большимъ одушевленіемъ: каждая строфа занимала его, и, казалось, онъ вполнѣ былъ доволенъ своимъ новорожденнымъ твореніемъ.... „Какъ же, замѣтилъ я, вы говорите: *въ глазахъ потемнѣло, я весь изнемогъ*, и потомъ: *вхожу въ отдаленный покой?*" — Такъ что жь—прервалъ Пушкинъ, съ быстротою молніи, вспыхнувъ самъ какъ зарница,—это не значитъ, что я ослѣпъ.—Сознаніе мое, что это замѣчаніе придирчиво, что оно почти шутка, погасило мгновенный взрывъ Пушкина, и мы пожали другъ другу руки. При этомъ Пушкинъ, смѣясь, началъ мнѣ разсказывать, какъ одинъ изъ кишиневскихъ армянъ сердится на него за эту пѣсню." Читатели припомнятъ стихъ:

Невѣрную дѣву лобзалъ армянинъ.

Въ это время М. Ѳ. Орловъ по должности ѣздилъ осматривать пограничную, охранительную линію по Дунаю и Пруту. Онъ возвратился въ Кишиневъ 8 ноября. Офицеры поспѣшили ему представиться, это же былъ день его имянинъ. Вмѣстѣ съ другими пришелъ и Пушкинъ. В. П. Горчаковъ передаетъ эту встрѣчу. Орловъ обнялъ Пушкина, и тотчасъ же сталъ декламиро-

вать: *Когда легковѣренъ и молодъ я былъ.* Въ числѣ кишеневскихъ новостей ему уже переданы были новые стихи. Пушкинъ засмѣялся и покраснѣлъ. — Какъ, вы уже знаете? спросилъ онъ. „Какъ видишь,“ отвѣчалъ тотъ.—То-есть, какъ слышишь, замѣтилъ Пушкинъ смѣясь. Генералъ на это замѣчаніе улыбнулся привѣтливо. „Но шутки въ сторону, продолжалъ онъ, а твоя баллада превосходна, въ каждыхъ двухъ стихахъ полнота неподражаемая,“ заключилъ онъ, и при этихъ словахъ выраженіе его лица приняло глубокомысленность знатока-мецената.“

Въ декабрѣ того же года В. П. Горчаковъ ѣхалъ черезъ Кіевъ: тамъ уже твердили и повторяли наизусть молдаванскую пѣсню.

Въ концѣ 1820 года, въ Кишиневѣ Пушкинъ написалъ еще два небольшія стихотворенія несравненно выше *Черной шали*, это—*Виноградъ* и *Дочери Карагеоргія.* По поводу перваго изъ нихъ можно вспомнить, что любоваться виноградомъ Пушкинъ могъ изъ оконъ своей кишиневской комнаты:

Мнѣ милъ и виноградъ на лозахъ,
Въ кистяхъ созрѣвшій подъ горой,
Краса моей долины злачной,
Отрада осени златой,
Продолговатый и прозрачный,
Какъ персты дѣвы молодой.

Что касается до превосходныхъ стиховъ къ дочери Сербскаго князя, я не знаю навѣрное, былъ ли Пушкинъ знакомъ съ нею, или писалъ только по слухамъ. Понятно, что его поэтическое вниманіе остановилось на грозномъ образѣ пастуха-героя, освободителя своей родины. Черный Георгій, за три года передъ тѣмъ погибшій отъ руки убійцъ, жилъ нѣкоторое время въ Россіи, а его семейство долго потомъ оставалось, если не ошибаюсь, въ городѣ Хотинѣ, не

далеко отъ Кишинева. Подобно Стенькѣ Разину, Пугачеву, Мазепѣ, Кирджали, Донъ-Жуану, этотъ герой съ характеромъ разбойника поразилъ воображеніе нашего Пушкина. Въ посланіи къ его дочери мѣтко схвачена его физіономія.

Гроза луны, свободы воинъ,
Покрытый кровію святой,
Чудесный твой отецъ, преступникъ и герой,
И ужаса людей и славы былъ достоинъ.

Разсказы о Карагеоргіи Пушкинъ могъ слышать отъ русскихъ офицеровъ, въ послѣднюю Турецкую войну сражавшихся вмѣстѣ съ Сербами и въ Сербіи, а особливо отъ своего Кишиневскаго знакомца, отставнаго драгунскаго полковника, Алексѣя Петровича Алексѣева. Этотъ Алексѣевъ, старый служака и георгіевскій кавалеръ, былъ человѣкъ весьма оригинальный и добродушный. Вѣчно въ полной формѣ, онъ нарочно отклонялъ отъ себя повышенія по своей службѣ въ почтовомъ вѣдомствѣ, чтобы не мѣнять своего любимаго и дорогаго мундира. Будучи областнымъ почтмейстеромъ, онъ первый узнавалъ всѣ новости и любилъ дѣлиться ими. Кромѣ того онъ охотно разсказывалъ про свою славную военную службу. Пушкинъ довольно часто бывалъ у него, и впослѣдствіи породнился: братъ жены Алексѣева, Н. И. Павлищевъ, женился на сестрѣ Александра Сергѣевича. Вообще надо замѣтить, что въ Кишиневѣ Пушкинъ встрѣчалъ Болгаръ и Сербовъ, обращалъ на нихъ вниманіе, и оттого можетъ быть съ такимъ умѣніемъ перекладывалъ впослѣдствіи пѣсни западныхъ Славянъ [44]).

---

[44]) Читатели могли замѣтить, какой важный матеріалъ для біографіи Пушкина представляютъ собственныя его сочиненія; иногда одно слово, одно прилагательное служатъ самымъ надежнымъ указаніемъ. Поэтому весьма нужно знать, когда именно что писано. Отчасти онъ самъ помогъ этому, рас-

Новый 1821 годъ онъ встрѣтилъ, кажется, въ Кишиневѣ; но въ февралѣ видимъ его въ Кіевѣ, куда онъ уѣхалъ безъ сомнѣнія, чтобъ повидаться съ Раевскими. Туда еще долго рвалась душа его. Кто-то изъ знакомыхъ, неожиданно встрѣтясь съ нимъ въ Кіевѣ, спросилъ, какъ онъ попалъ туда. „Языкъ до Кіева доведетъ,“ отвѣчалъ Пушкинъ, намекая на причину своего удаленія изъ Петербурга. Въ Кіевѣ, 8 февраля

положивъ по годамъ стихи свои въ тѣхъ пяти книжкахъ, которыя вышли при его жизни, одна въ 1826 и четыре въ 1829—1835 годахъ. Тутъ главное хронологическое указаніе. Потомъ въ рукописяхъ его сохранились нѣкоторыя числовыя отмѣтки, уже не только годовъ, но и дней. Нѣкоторыя изъ нихъ переданы въ изданіи Анненкова и повторены въ изданіи Исакова. Но въ обоихъ этихъ лучшихъ изданіяхъ, стихотворенія Пушкина расположены только по годамъ, въ самыхъ же годахъ перепутаны и слѣдовательно опять таки не могутъ представлять точной поэтической лѣтописи, гдѣ иногда важны мѣсяцы и даже дни созданія піесы. Для будущаго изданія, которое вѣроятно не замедлитъ появиться, предлагаемъ для примѣра расположить стихи 1820 года въ слѣдующемъ порядкѣ.

1. Доридѣ } писаны еще въ Петербургѣ.
2. Дорида }
3. Эпилогъ къ Руслану и Людмилѣ.
4. Погасло дневное свѣтило.
5. Увы, за чѣмъ она блистаетъ.
6. О дѣва роза, я въ оковахъ.
7. Чадаеву съ морскаго берега Тавриды
8. Фонтану Бахчисарайскаго дворца.
9. Нереида.
10. Рѣдѣетъ облаковъ летучая гряда.
11. Виноградъ.
12. Черная шаль.
13. Дочери Карагеоргія.

Въ 7-мъ томѣ изд. Анненкова, къ 1820-му году еще отнесены стихи *Записка къ Пріятелю* (о кухмистерѣ Тардифѣ), *Въ лѣсахъ Гаргаріи счастливой*, а въ изданіи Исакова еще *Платонизмъ*, но не сказано, на какомъ основаніи. Эти стихи могли быть написаны и нѣсколько раньше, и нѣсколько позже; ихъ надо отнести къ неизвѣстнымъ по времени, означивъ годъ предположительно.

1821 г. написалъ онъ свои стихи *Земля и море*, изъ которыхъ видно, что мысль его все еще жила у береговъ Тавриды; 14 февраля написана *Муза* (Въ младенчествѣ моемъ она меня любила). Къ этой же порѣ слѣдуетъ отнести стихотвореніе *Желаніе*, очевидно вызванное свиданіемъ съ Раевскими, и все проникнутое воспоминаніями о Юрзуфѣ:

Скажите мнѣ, кто видѣлъ край прелестный,
Гдѣ я любилъ, изгнанникъ неизвѣстный?..
Приду ли вновь, поклонникъ Музъ и мира,
Забывъ молву и свѣта суеты,
На берегахъ веселаго Салгира
Воспоминать души моей мечты?
Въ моихъ рукахъ Овидіева лира,
Счастливая пѣвица красоты,
Пѣвица нѣгъ, изгнанья и разлуки,
Найдетъ ли вновь свои живые звуки?

Конецъ февраля мѣсяца Пушкинъ провелъ опять въ Каменкѣ у Давыдовыхъ, въ это время сблизился съ женою Александра Львовича, какъ это видно изъ стиховъ къ Аглаѣ, весьма любопытныхъ въ біографическомъ отношеніи:

Я притворился, что влюбленъ,
Вы притворились, что стыдливы... [45])

20 февраля въ Каменкѣ онъ оканчиваетъ *Кавказскаго Плѣнника*, а 22 числа того же мѣсяца пишетъ стихи: *Я пережилъ свои желанья*, при которыхъ въ рукописи помѣтка: „Изъ поэмы Кавказъ."

Кавказскій Плѣнникъ, по нашему мнѣнію, весьма важенъ по отношенію къ внутренней жизни сочинителя. Поэма собственно состоитъ изъ двухъ довольно рѣзко отдѣляющихся частей: съ

---

[45]) Соч. Пушкина, VII, 27.

Оставимъ юный пылъ страстей,
Когда мы клонимся къ закату,
Вы — старшей дочери своей,
Я — своему меньшему брату.

одной стороны описанія Кавказа, которыя суть ничто иное какъ отчетъ недавно совершеннаго путешествія и которыми Пушкинъ былъ впослѣдствіи недоволенъ, называя ихъ голиковской прозой въ сравненіи съ поэзіей Кавказской природы; съ другой характеръ героя. Въ этомъ характерѣ безъ сомнѣнія есть нѣкоторыя, если не черты, то временныя ощущенія поэта. Пушкинъ тогда еще былъ слишкомъ молодъ, чтобы совершенно отвлекаться отъ своей личности и въ изображенія своихъ героевъ не вносить собственныхъ чувствъ. Конечно тутъ участвовало вліяніе Байрона, съ которымъ онъ тогда былъ уже знакомъ; но по свойству молодаго творчества, увлекаясь своимъ созданіемъ, поэтъ невольно поддавался тому настроенію, которое хотѣлъ описать въ главномъ лицѣ поэмы. Тутъ особенно любопытны откинутые въ печати эпиграфы *Кавказскаго Плѣнника* [46]), явно указывающіе на собственное элегическое состояніе, которымъ проникнуты и другія его произведенія 1821 года. Уныніе осталось на душѣ отъ неудовлетворенной любви; ожививъ въ своемъ воображеніи жизнь на Кавказѣ и въ Крыму, онъ жалѣетъ о ней, и стремится туда думою. Наконецъ, посылая *Плѣнника* В. П. Горчакову, онъ прямо говоритъ: „характеръ Плѣнника неудаченъ; это доказываетъ, что *я не гожусь въ герои романтическаго стихотворенія.*“ Пушкинъ недоволенъ былъ этой новою поэмой, самъ лучше всѣхъ указывалъ

[46]) Эпиграфы эти приведены въ Матеріалахъ Анненкова, стр. 95: одинъ изъ Гёте: Gieb meine Jugend mir zurück, и другой изъ итальянскаго, мало у насъ извѣстнаго поэта Пиндемонте· «О счастливъ, кто никогда не переступалъ за границу сладкой земли своего народа; сердце его не привязано къ предметамъ, которыхъ ему нѣтъ надежды увидѣть снова.» Именно это чувство замѣчаемъ въ Пушкинѣ и когда онъ писалъ *Плѣнника* и еще года два послѣ.

на ея недостатки, и все-таки писалъ о *Плѣнникѣ*: „Признаюсь, люблю его, самъ не зная за что; въ немъ есть стихи моего сердца.“ Мы конечно не имѣемъ полной возможности слѣдить за тайнымъ ходомъ душевныхъ настроеній Пушкина; но смѣемъ догадываться, что страсть, столь пламенная въ Гурзуфѣ, теперь за недостаткомъ взаимности, и вслѣдствіе разлуки, ослабѣла и простыла, оставивъ ему какое-то разочарованіе. Онъ однако очень дорожилъ волновавшимъ его чувствомъ и долго таилъ про себя тѣ поэтическія замѣтки, въ которыхъ оно высказалось.

Внѣшнимъ содержаніемъ *Кавказскому Плѣннику* послужилъ разсказъ одного изъ московскихъ его знакомыхъ и дальняго родственника Нѣмцова, человѣка, страстно любившаго выдумывать про себя необыкновенные анекдоты и умѣвшаго передавать ихъ съ правдоподобіемъ и увлекательностью. Онъ однажды разсказывалъ при Пушкинѣ, будто, живя на Кавказѣ, попался въ плѣнъ къ Горцамъ и былъ освобожденъ Черкешенкой, которая въ него влюбилась. О такомъ происхожденіи *Кавказскаго Плѣнника* самъ Пушкинъ передавалъ Жуковскому [47]). Можетъ быть также, образъ петербургской актрисы Истоминой, родомъ Черкешенки, за которой онъ ухаживалъ въ Петербургѣ и которую потомъ такъ блистательно вывелъ въ *Онѣгинѣ*, носился въ его воображеніи, когда онъ писалъ *Кавказскаго Плѣнника*.

Въ первыхъ числахъ марта Пушкинъ уже былъ опять въ Кишиневѣ и жилъ безвыѣздно

---

[47]) Нѣмцовъ былъ пасынокъ извѣстнаго московскаго стихотворца и остряка, Алексѣя Михайловича Пушкина. Его жена, мать Нѣмцова, Елена Григорьевна (урожд. Воейкова) была очень дружна съ Жуковскимъ, который и передавалъ ей это, уже по смерти Александра Сергѣевича. Слышано отъ ея внуки, Марьи Ивановны Посниковой, урожд. Пушкиной.

до мая. Въ эти два мѣсяца онъ много работалъ. Вообще должно замѣтить, что только по наружности жизнь Пушкина могла казаться совершенно праздною и разсѣянною; мы знаемъ, какъ плодотворны бывали для него и самые досуги. Но не одна поэтическая мысль его находилась въ постоянной дѣятельности. Въ тиши св›ей комнаты онъ часто и много читалъ.

Младыхъ бесѣдъ оставя блескъ и шумъ,
Я зналъ и трудъ и вдохновенье,
И сладостно мнѣ было жаркихъ думъ
Уединенное волненье!

Выше упомянуто о библіотекѣ въ Гурзуфѣ; въ Кіевѣ у Раевскихъ и въ Каменкѣ у Давыдовыхъ безъ сомнѣнія тоже было довольно книгъ. Младшій Раевскій прислалъ ему съ В. П. Горчаковымъ нѣсколько книжекъ русскихъ сказокъ. Въ Кишиневѣ онъ бралъ книги у Инзова, у Орлова, Пущина, и всего чаще у Ивана Петровича Липранди, владѣвшаго въ то время отличнымъ собраніемъ разныхъ этнографическихъ и географическихъ книгъ. Въ числѣ разнообразныхъ сочиненій, занимавшихъ Пушкина въ эту пору, прежде всего слѣдуетъ назвать Байрона, съ которымъ онъ началъ знакомство еще въ Петербургѣ, гдѣ учился по-англійски и бралъ для того у Чадаева книжку Газлита: *Разсказы за столомъ* (Hazlite, Table-talk) [48]). Самъ онъ признается, что, живя въ Кишиневѣ, сходилъ съ ума отъ Байрона. Другимъ его любимцемъ былъ тогда Овидій, котораго онъ читалъ вѣроятно во французскомъ переводѣ, потому что, по его же словамъ, по выходѣ изъ Лицея не раскрывалъ латинской книжки и могъ только

Потолковать объ Ювеналѣ,
Въ концѣ письма поставить vale.

---

[48]) Отъ П. Я. Чадаева.

Элегіи Овидія могли особенно нравиться Пушкину между прочимъ и потому, что въ собственной участи своей онъ любилъ находить нѣкоторое сходство съ судьбою римскаго поэта-изгнанника. Самая близость Овидіополя напоминала о немъ Пушкину.

Обыкновенно Пушкинъ почиталъ осеннее время самымъ благопріятнымъ для своихъ литературныхъ работъ; весна, напротивъ, только раздражала его силы и лишала необходимаго для занятій покою. Но 1821-й годъ былъ въ этомъ отношеніи исключеніемъ. Ни въ одну весну, сколько знаемъ, ему не случалось трудиться такъ много, какъ этотъ годъ. Погостивъ у Раевскихъ въ Кіевѣ и у Давыдовыхъ въ Каменкѣ, онъ около трехъ мѣсяцевъ сряду прожилъ безвыѣздно въ Кишиневѣ. Тутъ ему вѣроятно приходилось чаще прежняго оставаться дома: М. Ѳ. Орловъ, въ обществѣ котораго онъ проводилъ обыкновенно цѣлые дни, теперь уѣхалъ жениться въ Кіевъ. Можетъ статься, что собранія у Орлова и памятныя вечернія бесѣды въ Каменкѣ, гдѣ обсуживались разные общественные вопросы, заставляли молодаго Пушкина пристальнѣе глядѣть на самаго себя и въ то же время вообще направляли его мысли къ занятіямъ умственнымъ. Мы знаемъ, что уже въ Лицеѣ онъ начиналъ записывать важнѣйшіе случаи своей жизни [49]), и потомъ, когда одинъ изъ его товарищей (Ѳ. Ѳ. Матюшкинъ) отправлялся въ кругосвѣтное плаваніе, онъ убѣдилъ его вести записки, и подалъ совѣтъ, какъ слѣдуетъ вести ихъ. По его собственнымъ словамъ, онъ нѣсколько разъ принимался за еже-

---

[49]) Отрывки этихъ первоначальныхъ Записокъ Пушкина см. въ Матеріалахъ Анненкова, стр. 20—23 и 26.

дневныя записки, но отступался изъ лѣности (V, 3). Весною 1821 года видимъ его снова за этою работою, какъ показываютъ уцѣлѣвшіе отрывки тогдашняго дневника его, наприм. „3-го (апрѣля). Третьяго дня хоронили мы здѣшняго митрополита; во всей церемоніи болѣе всего понравились мнѣ жиды: они наполняли тѣсныя улицы, взбирались на кровли и составляли тамъ живописныя группы. Равнодушіе изображалось на ихъ лицахъ; совсѣмъ тѣмъ ни одной улыбки, ни одного нескромнаго движенія! Они боятся христіянъ и потому во сто кратъ благочиннѣе всѣхъ.“ (V, 9). Кромѣ того, тогда же въ 1821 году, какъ самъ онъ сказываетъ, начата имъ автобіографія, которою потомъ онъ продолжалъ заниматься нѣсколько лѣтъ сряду. Она, къ несчастію, истреблена; по словамъ самаго Пушкина, въ ней говорилъ онъ „о людяхъ, которые послѣ сдѣлались историческими лицами, съ откровенностью дружбы или короткаго знакомства“ (V, 3).

Къ этому же, вѣроятно времени, слѣдуетъ отнести большой отрывокъ статьи его, писанной не для печати, о Россіи въ XVIII столѣтіи: онъ уцѣлѣлъ въ бумагахъ Кишиневскаго пріятеля его Н. С. Алексѣева. Тутъ Пушкинъ широкимъ взглядомъ обозрѣваетъ исторію нашего внутренняго развитія, и теперь, черезъ сорокъ лѣтъ, нельзя довольно надивиться, съ какою мѣткостью, смѣлостью и трезвостью мысли судилъ 22 лѣтній юноша. Такъ, напр., онъ утверждаетъ, что отнятіемъ имѣній у духовенства и ограниченіемъ монастырскихъ доходовъ нанесенъ сильный ударъ просвѣщенію народному. Вообще отрывокъ этотъ, къ сожалѣнію до сихъ поръ не весь изданный, показываетъ, какъ разнообразно и дѣльно было тогдашнее чтеніе Пушкина.

Читалъ онъ большею частію съ перомъ въ рукахъ, очень часто дѣлая про себя разныя замѣтки и выписки.

Хранили многія страницы
Отмѣтку рѣзкую ногтей.
. . . . душа
Себя невольно выражаетъ
То краткимъ словомъ, то крестомъ,
То вопросительнымъ крючкомъ.

Съ какимъ увлеченіемъ Пушкинъ предавался иногда работѣ, видно изъ его обращенія къ своей чернильницѣ:

Какъ часто, другъ веселья
Съ тобою забывалъ
Условный часъ похмѣлья
И праздничный бокалъ.

Тутъ же онъ передаетъ намъ нѣсколько подробностей о самомъ ходѣ своего творчества:

Завѣтный твой кристалъ
Хранитъ огонь небесный,
И подъ вечеръ, когда
Перо по книжкѣ бродитъ,
Безъ всякаго труда
Оно въ тебѣ находитъ
Концы моихъ стиховъ
И вѣрность выраженья,
То звуковъ или словъ
Нежданное стеченье,
То ѣдкой шутки соль,
То странность рифмы новой,
Неслыханной дотоль.

Это писано 11-го апрѣля 1821 г. и, разумѣется, не для печати. Піеса оканчивается воспоминаніемъ о Чадаевѣ, къ которому въ это самое время Пушкинъ писалъ большое посланіе (начато 6-го, кончено 20 апрѣля), столь замѣчательное не въ одномъ художественномъ смыслѣ, но и какъ душевная исповѣдь. Поэтъ разсказываетъ петербургскому другу о тогдашнемъ своемъ состояніи. Онъ былъ доволенъ этимъ произведеніемъ, и вскорѣ отослалъ его въ Пе-

тербургъ, гдѣ оно появилось въ *Сынѣ Отечества* (№ 35), съ полнымъ именемъ Пушкина:

Врагу стѣснительныхъ условій и оковъ,
Не трудно было мнѣ отвыкнуть отъ пировъ,
Гдѣ праздный умъ блеститъ, тогда какъ сердце
дремлетъ
И правду пылкую приличій хладъ объемлетъ.
Оставя шумный кругъ безумцевъ молодыхъ,
Въ изгнаніи моемъ я не жалѣлъ о нихъ;
Вздохнувъ оставилъ я другія заблужденья,
Враговъ моихъ предалъ проклятію забвенья,
И сѣти разорвавъ, гдѣ бился я въ плѣну,
Для сердца новую вкушаю тишину.
Въ уединеніи мой своенравный геній
Позналъ и тихій трудъ и жажду размышленій.
Владѣю днемъ моимъ; съ порядкомъ друженъ умъ;
Учусь удерживать вниманье долгихъ думъ;
Ищу вознаградить въ объятіяхъ свободы
Мятежной младостью утраченные годы,
И въ просвѣщеніи стать съ вѣкомъ на равнѣ.
Богини мира вновь явились музы мнѣ
И независимымъ досугамъ улыбнулись.
Цѣвницы брошенной уста мои коснулись...

Вообще нельзя не замѣтить, что Пушкинъ какъ-то отрезвѣлъ и успокоился на это время:

Прошла любовь, явилась Муза,
И прояснился темный умъ;
Свободенъ, вновь ищу союза
Волшебныхъ звуковъ, чувствъ и думъ.

Пріѣхавъ снова въ Кишиневъ, онъ хочетъ оправдаться передъ друзьями, которые упрекали его за долгое молчаніе. Въ томъ же стихотвореніи къ *Чернильницѣ*, читаемъ:

Но здѣсь, на лонѣ лѣни
Я слышу нѣжны пѣни
Заботливыхъ друзей....
Оставь, оставь порой
Привычныя затѣи,
И дактиль и хореи
Для прозы почтовой....
Мои надежды, чувства,
Безъ лести, безъ искусства
Бумагѣ передай....

Болтливостью небрежной,
И вѣтреной и нѣжной,
Сердца ихъ утѣшай.

Нельзя при этомъ не обратить вниманія на чрезвычайную силу сознанія, которая проявляется у Пушкина въ самыхъ мелочахъ. Кто читалъ внимательно его письма къ близкимъ людямъ, тотъ вѣрно замѣтитъ, что въ послѣднихъ трехъ стихахъ схваченъ характеръ его дружеской переписки.

Въ это же самое время Пушкинъ посылаетъ Д. В. Давыдову извѣстные стихи

Недавно я, въ часы свободы,
Уставъ Наѣздника читалъ, [50])

возобновляетъ сношенія съ петербургскимъ пріятелемъ своимъ Катенинымъ и 5 апрѣля пишетъ ему письмо со стихами объ актрисѣ Колосовой. Еще раньше, 23 марта, послано большое письмо къ барону Дельвигу, прозой и стихами: „Что до меня, моя радость—пишетъ Пушкинъ между прочимъ—скажу тебѣ, что кончилъ я новую поэму *Кавказскій Плѣнникъ*, которую надѣюсь скоро вамъ прислать, — ты ею не совсѣмъ будешь доволенъ, и будешь правъ. Еще скажу тебѣ, что у меня въ головѣ бродятъ еще поэмы, — но что теперь ничего не пишу, а перевариваю воспоминанія, и надѣюсь набрать вскорѣ новыя; чѣмъ намъ и жить, душа моя, подъ старость нашей молодости, какъ не

---

[50]) *Уставомъ наѣздника* Пушкинъ называетъ только что вышедшую тогда книжку Давыдова: *Опытъ теоріи партизанскаго дѣйствія*. М. 1821 г. Пушкинъ прочиталъ ее и потому, что цѣнилъ талантъ Давыдова, и потому еще, что военное дѣло было не совсѣмъ чуждо ему: онъ безпрестанно проводилъ время съ офицерами.—Въ посланіи къ Давыдову, говорятъ, есть пропускъ. Пушкинъ легко могъ познакомиться съ Давыдовымъ еще въ Царскомъ Селѣ, въ обществѣ лейбъ-гусаровъ, а потомъ встрѣчаться у его родственниковъ въ Кіевѣ и Каменкѣ.

воспоминаніями.“ „Другъ мой, есть у меня до тебя просьба—узнай, напиши мнѣ, чтȯ дѣлается съ братомъ. Ты его любишь, потому что меня любишь. Онъ человѣкъ умный во всемъ смыслѣ слова, и въ немъ прекрасная душа. Боюсь за его молодость; боюсь воспитанія, которое дано будетъ ему обстоятельствами его жизни и имъ самимъ—другаго воспитанія нѣтъ для существа, одареннаго душею. Люби его; я знаю, что будутъ стараться изгладить меня изъ его сердца. Въ этомъ найдутъ выгоду; но я чувствую, что мы будемъ друзьями и братьями не только по африканской нашей крови.“ Пушкинъ вѣроятно подозрѣвалъ, что домашніе его станутъ твердить Льву Сергѣевичу, чтобы онъ не бралъ примѣра съ ссыльнаго брата. Между тѣмъ примѣръ былъ соблазнителенъ: Левъ Сергѣевичъ самъ принялся за стихи. Пушкинъ поспѣшилъ остановить его, вѣроятно замѣтивъ тотчасъ же отсутствіе настоящаго дарованія. Въ этомъ случаѣ дружеское чувство не ослѣпляло его, какъ въ отношеніи къ Дельвигу и къ другимъ. Еще отъ 24 сентября 1820 г. онъ писалъ брату: „Благодарю тебя за стихи; болѣе благодарилъ бы тебя за прозу. Ради Бога, почитай поэзію доброй, умной старушкой, къ которой можно иногда зайти, чтобъ забыть на минуту сплетни, газеты и хлопоты жизни, повеселиться ея милымъ болтаньемъ и сказками, но влюбиться въ нее безразсудно.“—Или въ другомъ письмѣ: „Если ты въ родню, такъ ты литераторъ (сдѣлай милость не поэтъ).“ Надо замѣтить, что именно въ концѣ 1820 года Левъ Сергѣевичъ былъ исключенъ изъ благороднаго пансіона при педагогическомъ институтѣ, за то, что съ товарищами побилъ одного изъ надзирателей [51]). Это

[51]) Слышано отъ одного изъ товарищей его, С. А. С—каго.

обстоятельство конечно только умножило въ Пушкинѣ сердечное, нѣжное участіе къ судьбѣ брата.

Можетъ быть, вскорѣ послѣ того, и какъ намъ кажется, въ 1821 г., возвратясь изъ Каменки, онъ написалъ къ нему то французское письмо, въ которомъ излагаетъ правила жизни, извлеченныя, какъ онъ говоритъ, изъ собственнаго опыта. Письмо это крайне замѣчательно, не потому чтобы Пушкинъ самъ всегда слѣдовалъ высказаннымъ въ немъ правиламъ, а какъ изложеніе тогдашнихъ его понятій о связяхъ общественныхъ. Нѣтъ сомнѣнія, что эти убѣжденія были не тверды, и Пушкину случалось измѣнять имъ, но во всякомъ случаѣ они искренни и необыкновенно важны для оцѣнки его. Прежняя жизнь его заставляетъ думать, что онъ дѣйствительно могъ извлечь ихъ изъ собственнаго опыта. Не даромъ лучшіе друзья предостерегали его отъ сношеній со знатью. Приводимъ письмо вполнѣ, въ нашемъ переводѣ. „Въ твои лѣта—пишетъ Пушкинъ—слѣдуетъ подумать объ избираемомъ пути; я говорилъ тебѣ, почему военная служба, по моему мнѣнію, лучше всѣхъ другихъ. Во всякомъ случаѣ твоимъ поведеніемъ на долго опредѣлится и мнѣніе, которое о тебѣ составятъ, и можетъ быть твое счастіе.“

„Ты будешь имѣть дѣло съ людьми, которыхъ еще не знаешь. Съ самаго начала думай о нихъ какъ только возможно хуже: весьма рѣдко придется тебѣ отставать отъ такого мнѣнія. Не суди о нихъ по своему сердцу, которое я считаю и благороднымъ и добрымъ и которое вдобавокъ еще молодо. Презирай ихъ со всевозможною вѣжливостью; и тебя не будутъ раздражать мелкіе предразсудки и мелкія страсти, на

которыя ты натолкнешься при вступленіи въ свѣтъ.

„Будь со всѣми холоденъ; черезчуръ сближаться всегда вредно; особливо берегись близкихъ сношеній съ людьми, которые выше тебя, какъ бы ни были они предупредительны. Ихъ ласки тотчасъ очутятся у тебя на головѣ, и ты легко потерпишь униженіе, самъ того не ожидая.

„Не будь угодливъ, и гони отъ себя прочь чувство доброжелательства, къ которому ты, можетъ быть, наклоненъ. Люди не понимаютъ его и часто почитаютъ за низость, потому что всегда ради судить о другихъ по себѣ.

„Никогда не принимай благодѣянія. Оно всего чаще выходитъ предательствомъ. Не нужно покровительства, оно порабощаетъ и унижаетъ.

„Мнѣ слѣдовало бы также предостеречь тебя отъ обольщеній дружбы, но я не смѣю черствить твою душу въ пору самыхъ сладкихъ ея мечтаній. Что касается до женщинъ, то мои слова были бы совершенно для тебя безполезны. Замѣчу только, что чѣмъ меньше любишь женщину, тѣмъ больше вѣроятности обладать ею. Но такая потѣха можетъ быть удѣломъ лишь старой обезьяны 18-го вѣка [52]). Относительно жен-

---

[52]) Тоже самое Пушкинъ повторяетъ потомъ въ Онѣгинѣ:

Чѣмъ меньше женщину мы любимъ,
Тѣмъ легче нравимся мы ей,
И тѣмъ вѣрнѣе ее губимъ
Средь обольстительныхъ сѣтей,
. . . .
Но эта важная забава
Достойна старыхъ обезьянъ
Хваленыхъ дѣдовскихъ времянъ.

(Онѣгинъ, гл. IV, строфа 7).

Строфа эта появилась въ печати только въ 1828 году, т. е. около семи лѣтъ послѣ того какъ она первоначально создалась въ головѣ поэта.

щины, которую ты полюбишь, желаю тебѣ отъ всего сердца обладать ею.

„Никогда не забывай умышленной обиды; тутъ не нужно словъ, или очень мало; за оскорбленіе никогда не мсти оскорбленіемъ.

„Коль скоро твое состояніе или обстоятельства не дозволяютъ тебѣ блистать въ свѣтѣ, не думай скрывать своихъ лишеній; лучше держись другой крайности: цинизмомъ въ наготѣ его можно внушить къ себѣ уваженіе и привлечь легкомысленную толпу, тогда какъ мелкія плутни тщеславія дѣлаютъ насъ смѣшными и вызываютъ презрѣніе.

„Никогда не занимай, лучше терпи нужду. Повѣрь, она не такъ страшна, какъ ее изображаютъ; гораздо ужаснѣе то, что, занимая, иногда по неволѣ можно подвергнуть сомнѣнію свою честность.

„Правила, которыя предлагаю тебѣ, добыты мною горькимъ опытомъ. Желаю, чтобы ты принялъ ихъ отъ меня и чтобъ тебѣ не пришлось извлекать ихъ самому. Слѣдуя имъ, ты не испытаешь минутъ страданія и бѣшенства. Когда-нибудь ты услышишь мою исповѣдь; она тяжела будетъ для моего тщеславія, но я не пощажу его, какъ скоро дѣло идетъ о счастіи твоей жизни“ [53]).

---

[53]) Приводимъ отрывки изъ подлинника въ образчикъ того, какъ Пушкинъ владѣлъ тогда французскимъ языкомъ: «Je vous observerai seulement que moins on aime une femme et plus on est sur de l'avoir. Mais cette jouissance est digne d'un vieux sapajou du 18 siecle.... .. Le cynisme dans son apreté en impose à la frivolité de l'opinion, au lieu que les petites friponeries de la vanité nous rendent ridicules et méprisables.

Les principes que je vous propose, je les dois à une douloureuse experience.... Ils peuvent vous sauver des jours d'angoisse et de rage. Un jour vous entendrez ma confession. Elle pourra couter à ma vanité; mais ce n'est pas ce qui

Такъ думалъ или такъ хотѣлъ думать Пушкинъ на 22-мъ году жизни. Столкновенія съ людьми успѣли охолодить отъ природы мягкое и довѣрчивое сердце его. Возвращаясь къ нашему хронологическ му разсказу, повторимъ замѣченное выше, что именно въ то время, о которомъ идетъ у насъ рѣчь, т. е. весною 1821 года, видно, какъ Пушкинъ оглядывается на самаго себя, хочетъ привести въ порядокъ и мысли, и отношенія, и дѣла свои. Самая наружность его нѣсколько измѣнилась противу прежняго. До сихъ поръ онъ ходилъ въ молдаванской шапочкѣ или фесѣ, съ обритою головою — слѣдствіе горячки. Теперь, по замѣчанію одного пріятеля, который съ нимъ встрѣтился послѣ трехмѣсячной отлучки, „фесъ замѣнили густыя, темнорусыя кудри, и выраженіе взора получило болѣе опредѣлительности и силы“ [54]). Такого рода минуты приходили къ нему довольно часто; но молодость и пылкость брали свое, и онъ мигомъ выбивался изъ ровной колеи жизни.

Тогда жилъ нѣкоторое время въ Кишиневѣ поэтъ *В. Г. Тепляковъ*, впослѣдствіи пріобрѣтшій нѣкоторую извѣстность своими Ѳракійскими элегіями и книгою: *Воспоминанія о Болгаріи*. Пушкинъ съ нимъ сблизился. Они вмѣстѣ восхищались Байрономъ. Въ обыкновенной жизни Тепляковъ былъ большой оригиналъ, ходилъ въ какомъ-то странномъ нарядѣ, и вездѣ носилъ съ собою тяжелую дубинку съ надписью: *Memento mori*. Пушкинъ прозвалъ его *Мельмо-*

---

m'arreterait lorsqu'il s'agit de l'interet de votre vie». Письмо напечатано въ *Библіографическихъ Запискахъ* 1859 г. № 1. Тамъ приложенъ и русскій переводъ, но онъ показался намъ не совсѣмъ вѣренъ.

[54]) См. выдержки изъ Дневника В. П. Горчакова.

томъ-скитальцемъ [55]). Тепляковъ также велъ дневникъ и 1 апрѣля 1821 г. записалъ: „Вчера былъ у Александра Сергѣевича. Онъ сидѣлъ на полу и разбиралъ въ огромномъ чемоданѣ какія-то бумаги. — „Здравствуй, Мельмотъ, сказалъ онъ, дружески пожимая мнѣ руку; помоги, дружище, разобрать мой старый хламъ, да чуръ не воровать!" Тутъ были старыя, перемаранныя лицейскія записки Пушкина, разныя неконченныя прозаическія статейки, стихи его и письма Дельвига, Баратынскаго, Языкова и другихъ. Болѣе часа разбирали мы всѣ эти бумаги; но разбору конца не предвидѣлось. Пушкинъ утомился, вскочилъ на ноги и схвативъ всѣ разобранныя и неразобранныя нами бумаги въ кучу, сказалъ: „Ну ихъ къ чорту!", скомкалъ ихъ кое-какъ и втискалъ въ чемоданъ."

Тепляковъ выпросилъ себѣ на память стихи *Старица-пророчица* и небольшую статью въ прозѣ о Байронѣ. „Что тебѣ за охота возиться съ дрянью, замѣтилъ Пушкинъ, статейка о Байронѣ не помню когда написана; а стихи *Старица—лицейскіе грѣхи*, я писалъ ихъ для Дельвига. Пожалуй возьми ихъ, да чуръ нигдѣ не печатать, разсержусь, прокляну на вѣкъ."

Замѣтка о Байронѣ важна въ томъ отношеніи, что Пушкинъ хочетъ оправдать своего любимаго поэта отъ обвиненій въ безвѣріи [56]).

---

[55]) *Мельмотъ* — французскій романъ, сочиненіе Maturin. Пушкинъ очень любилъ этотъ романъ и называлъ его геніальнымъ произведеніемъ. — Выдержку изъ записокъ Теплякова см. въ *Общезанимательномъ Вѣстникѣ* 1857 г, № 6, стр. 221 и слѣд

[56]) «Вѣра внутренняя перевѣшивала въ душѣ Байрона скептицизмъ, высказанный имъ мѣстами въ своихъ твореніяхъ. Можетъ быть даже, что скептицизмъ сей былъ только временнымъ своенравіемъ ума, иногда идущаго вопреки убѣжденію внутреннему, вѣрѣ душевной » VII, 154. Статейка о Байро-

Впослѣдствіи Пушкинъ ее передѣлалъ, и она поянилась въ *Литературной газетѣ* Дельвига (1830, № 53). Любопытно, что Пушкинъ внимательно слѣдилъ за жизнью Байрона и въ одномъ отрывкѣ изъ записокъ своихъ замѣчаетъ: „Байронъ много читалъ и распрашивалъ о Россіи. Онъ, кажется, любилъ ее и хорошо зналъ ея новѣйшую исторію. Въ своихъ поэмахъ онъ часто говоритъ о Россіи, о нашихъ обычаяхъ. Сонъ Сарданапаловъ напоминаетъ извѣстную политическую каррикатуру, изданную въ Варшавѣ во время Суворовскихъ войнъ. Въ лицѣ Нимврода изобразилъ онъ Петра Великаго. Въ 1813 году Байронъ намѣревался черезъ Персію пріѣхать на Кавказъ.“ V, 22.

Весною 1821 г. Пушкинъ былъ свидѣтелемъ событія чрезвычайнаго и имѣвшаго важное историческое значеніе. 11 марта Александръ Ипсиланти, съ толпою сообщниковъ, перешелъ Прутъ, вступилъ въ Молдавію и поднялъ знамя возстанія противъ Турокъ. Можно себѣ представить, какъ много было толковъ въ Кишиневѣ, когда этотъ флигель-адъютантъ русской службы, пріятель М. Ѳ. Орлова, пошелъ воевать съ цѣлою Турецкою имперіею. Многіе не могли повѣрить, чтобъ изъ этого что-нибудь вышло. Пушкинъ одинъ изъ первыхъ понялъ и оцѣнилъ всю важность начальнаго греческаго движенія. „2 апрѣля, вечеръ провелъ у Н. Д. Прелестная Гречанка—отмѣчаетъ онъ въ своемъ дневникѣ. —Говорили объ А. Ипсиланти; между пятью Греками я одинъ говорилъ какъ Грекъ. Всѣ отчаявались въ успѣхѣ предпріятія этеріи; я твердо увѣренъ, что Греція восторжествуетъ и что

нѣ можетъ послужить обращикомъ тѣхъ замѣчаній и отмѣтокъ, которыми Пушкинъ часто сопровождалъ свое чтеніе.

2,500,000 Турокъ[57]) оставятъ цвѣтущую страну Эллады законнымъ наслѣдникамъ Гомера и Ѳемистокла. Съ крайнимъ сожалѣніемъ узналъ я, что Владиміреско не имѣетъ другаго достоинства кромѣ храбрости необыкновенной; храбрости достанетъ и у Ипсиланти.“ V, 9. Въ Кишиневѣ съ напряженнымъ вниманіемъ ждали, чѣмъ кончится дѣло. Русскіе батальоны, подъ начальствомъ Болховскаго, разставлены были на самомъ Прутѣ, на другомъ берегу котораго происходила знаменитая схватка подъ Скулянами, и все это въ нѣсколькихъ часахъ пути отъ Кишинева. Война съ Турціей казалась неизбѣжною; отношенія къ ней держались на волоскѣ. Г. Анненковъ, имѣвшій доступъ къ бумагамъ Пушкина, говоритъ (Матеріалы, стр. 95), что онъ велъ журналъ греческаго возрожденія, но что вскорѣ бросилъ его. Если это было дѣйствительно такъ, то можетъ быть этотъ журналъ впослѣдствіи пригодился Пушкину для его статьи объ одномъ изъ участниковъ молдавскаго движенія, Кирджали. Въ ней находятся любопытнѣйшія подробности, собранныя и записанныя очевидно изъ первыхъ рукъ. Ипсиланти изображенъ именно такъ, какъ его послѣ обличила исторія. Набросанное Пушкинымъ описаніе дѣла подъ Скулянами имѣетъ всѣ достоинства подлинной исторической записки [58]). Разсказывая про арнаутовъ, бѣжавшихъ въ Рос-

---

[57]) Во всѣхъ изданіяхъ сочиненій Пушкина напечатано 25,000,000; странно, что не замѣтили этой опечатки: Пушкинъ не могъ не знать, что въ Европейской Турціи нѣтъ такого числа Турокъ.

[58]) Нѣкоторыя черты этого разсказа были переданы Пушкину В. П. Горчаковымъ, который по распоряженію начальства ѣздилъ подъ Скуляны для собранія свѣдѣній о происходившемъ сраженіи.

сію послѣ молдавскаго разгрома, Пушкинъ прибавляетъ: „Ихъ можно всегда было видѣть въ кофейняхъ полутурецкой Бессарабіи, съ длинными чубуками во рту, прихлебывающихъ кофейную гущу изъ маленькихъ чашечекъ.“ V, 495.

Греки были разбиты, Молдавія успокоилась, и Русскія войска не двинулись въ походъ, какъ можно было ожидать. Наступило затишье, и Пушкинъ опять соскучился въ Кишиневѣ. Его живому нраву необходима была частая смѣна впечатлѣній. Еще въ мартѣ 1821 г. онъ пишетъ Дельвигу: „Скоро оставляю благословенную Бессарабію; есть страны благословеннѣе.... разнообразіе спасительно для души.“

Въ половинѣ мая видимъ его въ Одессѣ. Просто ли захотѣлось ему воспользоваться близостью и взглянуть на новый, веселый городъ, или ѣздилъ онъ туда для морскаго купанья, до котораго былъ великой охотникъ, только Инзовъ далъ ему новый отпускъ, и 15 мая, какъ показываютъ его тетради, онъ пишетъ въ Одессѣ эпилогъ къ *Кавказскому Плѣннику* и посвященіе поэмы Н. Н. Раевскому-сыну. (Матеріалы Анненкова, стр. 80). Поэма дѣйствительно принадлежала Раевскимъ, хотя Пушкинъ и замѣчаетъ: „Н. и А. Раевскіе и я мы вдоволь надъ нимъ посмѣялись.“ V, 29. Посвященіе *Кавказскаго Плѣнника,* кажется намъ, по стиху довольно небрежно и слабо въ сравненіи съ самою поэмою.

Когда мнѣ бѣдствія грозили,
Я при тебѣ еще спокойство находилъ,
Я сердцемъ отдыхалъ: другъ друга мы любили,
И бури надо мной свирѣпость утомили;
Я въ мирной пристани боговъ благословилъ.

Намъ ничего не извѣстно объ этой первой

поѣздкѣ Пушкина въ Одессу; вѣроятно она была не продолжительна [59]).

Въ іюлѣ мѣсяцѣ, именно 18-го числа, 1821 года, въ Кишиневъ пришло извѣстіе о смерти Наполеона (23 апрѣля ст. стиля). Намъ теперь трудно составить понятіе, какъ поразительна была эта вѣсть для тогдашнихъ людей. Цѣлая эпоха, цѣлый міръ событій и воспоминаній сосредоточивались и олицетворялись въ одномъ этомъ человѣкѣ, который и въ далекой ссылкѣ, съ своего острова, продолжалъ занимать современниковъ своими отзывами и мнѣніями. Люди все еще прислушивались къ голосу великаго властелина. При немъ все необыкновенное казалось возможнымъ. Чудесный примѣръ его возбуждалъ отвагу въ молодыхъ людяхъ; ибо никакое начинаніе не было дерзкимъ въ сравненіи съ его поприщемъ. Роковое значеніе Наполеона въ судьбахъ нашего отечества еще сильнѣе приковывало къ нему вниманіе лучшихъ русскихъ людей. Пушкинъ привыкъ съ дѣтства останавливать свои думы на немъ, и въ Лицеѣ писалъ стихи по случаю возвращенія его съ острова Эльбы. Съ нашествіемъ Французовъ лично для Пушкина связывались яркія воспоминанія его лицейской жизни. Теперь, когда не стало этого *властителя его думъ*, онъ соединилъ въ одномъ произведеніи все, что накопилось въ теченіи лѣтъ отъ размышленій о немъ и отъ разнообразнаго чтенія о Наполеонѣ. Стихи *Чудесный жребій совершился* по внѣшнимъ пріемамъ вышли чѣмъ-то въ родѣ оды. Что касается внутрен-

[59] Вѣроятно, онъ тогда же заѣзжалъ въ Акерманъ и Овидіополь. Въ *Полярной Звѣздѣ*, 1823 года, въ Обозрѣніи русской словесности, (стр. 25), Бестужевъ своимъ кудрявымъ слогомъ выражается про *Кавказскаго Плѣнника*, что онъ писанъ «въ виду сѣдовласаго Кавказа и на могилѣ Овидіевой.»

няго содержанія, то можно смѣло утверждать, что нигдѣ въ Европѣ ни тогда, ни долго послѣ, не было сказано о Наполеонѣ ничего лучшаго и благороднѣйшаго. Надо припомнить, что Пушкину въ этомъ случаѣ предстояла особенная трудность. Кто не писалъ о Наполеонѣ, кто не клялъ его памяти? Можно собрать цѣлыя томы русскихъ стихотвореній о немъ, и Пушкину пришлось писать на эту по видимому избитую тему [60]). Надо было или вовсе не приниматься, или создать что-нибудь особенное. Высоко нравственная мысль оды уже одна дѣлаетъ величайшую честь поэту. Въ послѣдней строфѣ онъ захотѣлъ придать кончинѣ Наполеона современный политическій смыслъ. Впрочемъ эту послѣднюю идею, о невозможности послѣ Наполеона всемірнаго владычества, Пушкинъ думалъ развить въ особомъ стихотвореніи, которое не кончено имъ, но по справедливому замѣчанію Анненкова, принадлежитъ несомнѣнно къ тому же времени и вызвано извѣстіемъ о смерти великаго человѣка. Этотъ превосходный отрывокъ стихотворенія, въ которомъ Наполеонъ сопоставленъ съ императоромъ Александромъ, и какъ можно навѣрное догадываться, долженъ былъ передать ему завѣщаніе о свободѣ міра, особенно любопытенъ для насъ тѣми строфами, въ

---

[60]) См. *Сынъ Отечества* 1814, № 41.

Одомаратели всѣ сдѣлались судьями,
И каждый произнесъ свой строгій приговоръ,
Какъ нынѣ водится, Наполеону.
«Сорвемъ съ него корону!»
— Повѣсимъ! — Нѣтъ сожжемъ!
Нѣтъ, это жестоко! Въ Каенну отвеземъ!...
.... Нѣтъ, сказалъ насмѣшливый Филонъ,
Вы съ большей лютостью дни изверга скончайте,
На Эльбѣ виршами до смерти зачитайте;
Ручаюсь, съ двухъ стиховъ у васъ зачахнетъ онъ!

которыхъ описана физіономія Наполеона. Онѣ показываютъ, какъ Пушкинъ прилежно вглядывался въ его портреты и какъ глубоко его образъ запечатлѣлся въ душѣ нашего поэта:

Ни тучной праздности лѣнивыя морщины,
Ни поступь тяжкая, ни раннія сѣдины,
Ни пламень гаснущій нахмуренныхъ очей,
Не обличали въ немъ изгнаннаго героя,
 Мученіемъ покоя
Въ моряхъ казненнаго—по манію царей.
Нѣтъ, чудный взоръ его, живой, неуловимый,
То вдаль затерянный, то вдругъ неотразимый,
Какъ боевой перунъ, какъ молнія сверкалъ;
Во цвѣтѣ здравія и мужества и мощи
 Владыкѣ полунощи
Владыка Запада грозящій предстоялъ.

Неизданныя доселѣ первыя, прекраснѣйшія строфы отрывка свидѣтельствуютъ, что Пушкинъ слѣдилъ внимательно за современными событіями. Самую мысль подалъ ему отчасти Жуковскій въ своихъ стихахъ, написанныхъ въ 1816 году для праздника англійскаго посла лорда Каткарта, который торжествовалъ тогда годовщину отреченія Наполеона:

И все, что рушилъ онъ, природа
Своей красою облекла,
И по слѣдамъ его свобода
Съ дарами жизни протекла [61]).

Пѣвецъ мира и любви, Жуковскій какъ будто совѣстился обращаться съ упреками къ великому, и еще живому человѣку и не захотѣлъ потомъ перепечатать этой піесы въ собраніяхъ

[61]) Г. Анненковъ напечаталъ эти превосходные стихи въ 7-мъ томѣ сочиненій Пушкина, и при томъ въ искаженномъ видѣ: вѣроятно онъ такъ нашелъ ихъ въ рукописяхъ Пушкина. Весьма правдоподобно предположеніе, высказанное въ *Библіографическихъ Запискахъ,* что когда Пушкинъ сочинялъ своего Наполеона, ему пришли въ голову стихи Жуковскаго, и онъ написалъ ихъ для себя, довѣряя единственно памяти; оттого и вышли ошибки.—Стихи эти вошли уже въ посмертное изданіе сочиненій Жуковскаго.

своихъ сочиненій. Стоитъ замѣтить, что тѣнь Наполеона преслѣдовала лучшихъ русскихъ поэтовъ: кромѣ Пушкина, который нѣсколько разъ обращался къ нему, Наполеонъ внушилъ лучшія произведенія Лермонтову, Тютчеву и Хомякову. Оно и понятно: русскимъ людямъ легче другихъ оцѣнить великое явленіе западнаго міра. Имъ въ этомъ случаѣ принадлежитъ честь безпристрастія: въ стихахъ названныхъ поэтовъ о Наполеонѣ нѣтъ и слѣдовъ народной ненависти и господствуетъ полное примиреніе съ прошедшимъ. Возвращаясь къ Пушкину, надо сказать, что онъ долго не хотѣлъ напечатать своего стихотворенія, сокращалъ и исправлялъ его, и выпустилъ въ свѣтъ только въ 1826 г., въ первомъ собраніи стиховъ своихъ.

Мы не имѣемъ положительныхъ свѣдѣній, гдѣ былъ и какъ проводилъ время Пушкинъ въ теченіи остальнаго лѣта и въ началѣ осени 1821 года. Всего вѣроятнѣе, онъ продолжалъ жить въ Кишиневѣ, куда тогда возвратился М. Ѳ. Орловъ съ молодою супругою, и гдѣ кажется были сборы и смотры войскъ. Пушкинъ куда-то собирался въ дорогу, какъ видно по выраженію въ его письмѣ къ брату отъ 27 іюня 1821 г.: „Пиши ко мнѣ покамѣсть я еще въ Кишиневѣ.“ „Пиши же мнѣ объ новостяхъ нашей словесности—продолжаетъ Пушкинъ: — Что такое *Сотвореніе міра* Милонова? Что дѣлаетъ Катенинъ? Онъ ли задавалъ вопросы Воейкову въ *С. О.* прошлаго года [62])? Кто на ны? Черная шаль тебѣ нравится, ты правъ; но ее чортъ знаетъ какъ напечатали. Кто ее такъ напечаталъ? Пахнетъ

---

[62]) Въ этихъ вопросахъ изложена была критика на Руслана и Людмилу. *Сынъ Отечества* 1820, ч. 44. Они написаны Д. П. Зыковымъ, см. у Анненкова, Матеріалы, стр 67.

Глинкой. Еслиты его увидишь, обними его братски, скажи ему, что онъ славная душа, и что я люблю его какъ должно." Надо напомнить читателямъ, что изо всѣхъ тогдашнихъ литераторовъ только одинъ Ѳ. Н. Глинка печатно выразилъ свое сочувствіе ссыльному поэту, въ особомъ посланіи къ нему, появившемся въ *Сынѣ Отечества* 1820 г. (№ 38).

Кто-то другая сдѣлалась предметомъ любви Пушкина, и онъ снова въ грустномъ расположеніи: 23 августа этого года написана элегія:

Умолкну скоро я, но если въ день печали
Задумчивой игрой мнѣ пѣсни отвѣчали;
Но если юноши, внимая молча мнѣ,
Дивились долгому любви моей мученью....

и потомъ, въ ночь съ 24 на 25 августа, тоже элегическіе стихи:

Мой другъ, забыты мной слѣды минувшихъ лѣтъ,
И юности моей мятежное теченье....
Не требуй отъ меня опасныхъ откровеній,
Сегодня я люблю, сегодня счастливъ я....

Мы остановились на осени 1821 года. Пушкинъ въ это время обжился въ Кишиневѣ. Хотя мысли его постоянно рвались въ Петербургъ, и онъ безпрестанно ждалъ оттуда благопріятныхъ для себя вѣстей, но эта надежда получить свободу не оправдывалась; до поры до времени онъ повидимому мирился съ своимъ положеніемъ, и часто всею душею отдавался мѣстнымъ интересамъ. Понятіе о тогдашнемъ Кишиневѣ можно отчасти составить вообще по нашимъ губернскимъ городамъ: таже жажда новостей съ сѣвера, тоже усердіе слѣдовать во всемъ послѣдней модѣ, тѣ же мелочи и иногда сплетни во взаимныхъ отношеніяхъ. Но городъ, какъ мы уже замѣтили, былъ довольно оживленъ, благодаря пестротѣ полуевропейскаго народонаселенія, благодаря своему положенію почти на гра-

ницѣ имперія, и военному постою. Тамъ былъ и театръ, и музыканты, и безпрестанно устроивались вечеринки и балы. Пушкинъ въ первый разъ въ жизни очутился въ такого рода средѣ, и съ любопытствомъ сталъ наблюдать эту губернскую жизнь. Гдѣ только собиралось большое общество, онъ былъ тутъ. Въ отношеніи къ Молдаванамъ-боярамъ, первымъ лицамъ мѣстнаго населенія, Пушкинъ не умѣлъ иногда скрывать чувствъ своего превосходства и не въ силахъ бывалъ также удерживаться отъ врожденной ему, русской насмѣшливости; но все же онъ посѣщалъ ихъ за неимѣніемъ другаго общества въ этомъ родѣ, а нѣкоторыхъ, напримѣръ семейство Варѳоломея, даже и любилъ за простую привѣтливость и радушное гостепріимство. Разсказываютъ также, что онъ былъ принятъ какъ нельзя лучше въ семействѣ какого-то кишиневскаго негоціанта *В. А. К—ва*, и въ альбомѣ дочери его, Нины Вонифатьевны, вышедшей потомъ за г. *Попандопуло*, сохранились хвалебные (но плохіе) стихи его, писанные 30 октября 1820 года [63]). Не рѣдко хаживалъ онъ также обѣдать къ вице-губернатору Крупянскому, жена котораго, Екатерина Христофоровна, жила и кормила по-русски, что̀ не могло не нравиться Пушкину, потому что ему надоѣдали плацинды и каймаки другихъ кишиневскихъ хлѣбосоловъ. Эта Крупянская, изъ царскаго рода Комненовъ, воспитывалась въ Смольномъ монастырѣ, и въ полутурецкомъ Кишиневѣ сохраняла привычки любезной Пушкину Петербургской жизни. Пушкинъ

---

[63]) См. статью г. Грена въ *Общезаним. Вѣстникѣ*. 1857 г. № 1, стр. 25. Тамъ приведено и большое стихотвореніе это, не попавшее въ собранія сочиненій Пушкина; впрочемъ стихи такъ слабы, что не вѣрится, какъ могъ ихъ написать Пушкинъ.

между прочимъ забавлялся сходствомъ своего лица съ ея восточною физіономіею. Бывало, разсказываетъ В. П. Горчаковъ, нарисуетъ Крупянскую—похожа; разчертитъ ей вокругъ лица волоса,—выдетъ самъ онъ; на ту же голову накинетъ карандашемъ чепчикъ — опять Крупянская.

Одна изъ родственницъ Крупянскаго (урожденная Мило), была за чиновникомъ горнаго вѣдомства, статскимъ совѣтникомъ Эльфректомъ, и слыла красавицей. Пушкинъ хаживалъ къ нимъ и нѣкоторое время былъ очень любезенъ съ молоденькою женою нумизмата, въ которую влюбился и его пріятель Н. С. Алексѣевъ и которая, окружая себя разными родственниками Молдаванами и Греками, желала казаться равнодушною къ русской молодежи. Эти отношенія послужили поводомъ посланію Пушкина къ Алексѣеву:

Мой милый, какъ несправедливы
Твои ревнивыя мечты!
Я позабылъ любви призывы
И плѣнъ опасной красоты.

У молодой Эльфректъ была племянница Зоя, дѣвушка не очень привлекательной наружности. Пушкинъ, обращаясь въ Эльфректъ, писалъ:

Ни блескъ ума, ни стройность платья,
Не могутъ васъ обворожить:
Одни двоюродные братья
Узнали тайну васъ плѣнить.
Лишили вы меня покоя,
Но вы не любите меня;
Одна моя надежда Зоя —
Женюсь и буду вамъ родня.

Дальше слѣдовали такія подробности, что уже нельзя было отдать стиховъ той, кому они назначались [64]).

---

[64]) См. Выдержки изъ Дневника В. П. Горчакова.

Кромѣ того, временными предметами вниманія, а иногда и минутной любви Пушкина въ Кишиневѣ была молодая молдаванка *Россети*, которой ножки, какъ всѣ увѣрены тамъ, будто воспѣты въ первой главѣ Онѣгина, потомъ *Пульхерія Егоровна Варѳоломей*, вышедшая за греческаго консула въ Одессѣ г. Мано; дѣвица *Прункулъ* и другія.

Случаи къ любезностямъ и болтовнѣ съ женщинами, до которой Пушкинъ всегда былъ большой охотникъ, всего чаще представлялись въ танцахъ. Пушкинъ охотно и много танцовалъ. Ему нравились эти пестрыя собранія, гдѣ турецкая чалма и венгерка появлялись рядомъ съ самыми изысканными, выписанными изъ Вѣны, нарядами. Въ Кишиневѣ тогда славились и приглашались на всѣ вечера домашніе музыканты боярина Варѳоломея, изъ цыганъ. „Въ промежуткахъ между танцами — разсказываетъ В. П. Горчаковъ — они пѣли, акомпанируя себѣ на скрипкахъ, *кобзахъ* и *тростянкахъ*, которыя Пушкинъ по справедливости называлъ цѣвницами. И дѣйствительно, устройство этихъ тростянокъ походило на цѣвницы, какія мы привыкли встрѣчать въ живописи и ваяніи... Пушкина занимала извѣстная молдаванская пѣсня *тю юбески питимасура*, и еще съ бо̀льшимъ вниманіемъ прислушивался онъ къ другой пѣсни *арде-ма*, *фриде-ма*, съ которою породнилъ насъ своимъ дивнымъ подражаніемъ въ поэмѣ Цыганы: *Жги меня, рѣжь меня.* Его занимала и *мититика* пляска съ пѣніемъ, но въ особенности такъ называемый *сербешти*" (сербская пляска) [65]). Пушкинъ попросилъ кого-то положить на ноты упомянутую

[65]) См. Воспоминанія В. П. Горчакова въ *Москов. Вѣдомостяхъ*. 1858 г. № 19.

цыганскую пѣсню, и впослѣдствіи напечаталъ эти ноты [66]).

Кстати о балахъ и танцахъ. Въ Кишиневѣ до сихъ поръ Пушкину приписываютъ разные стишки, и въ томъ числѣ слѣдующіе, которые мы приводимъ, потому что, хотя они вѣроятно и не его, но отчасти изображаютъ тамошнее общество:

Музыка Варѳоломея
Становись скорѣй въ кружокъ,
Инструменты строй живѣе,
И играй на славу *джокъ*.
Наблюдая нѣжны связи,
Съ дамой всякъ ступай любой,
Въ первой парѣ Катакази
Съ скромной Стамовой женой [67]).

Катакази—губернаторъ; *Стамо*, урожденная Симфераки — супруга одного дипломатическаго чиновника.

Вотъ еще стихи, уже въ самомъ дѣлѣ Пушкинскіе. Они принадлежатъ собственно къ январю 1823 года, но этого рода отношенія оставались одни и тѣже. Прошелъ слухъ, что въ одинъ изъ понедѣльниковъ, Варѳоломей намѣренъ дать большой балъ и пригласить славныхъ музыкантовъ Якутскаго полка (стоявшаго передъ тѣмъ съ Воронцовымъ въ Мобежѣ). Пушкина, какъ и всѣхъ, занималъ этотъ балъ, и желая разузнать о немъ, онъ писалъ В. П. Горчакову записку:

Зима мнѣ рыхлою стѣною
Къ воротамъ заградила путь;
Пока тропинки предъ собою
Не протопчу я какъ-нибудь,

---

[66]) Въ *Москов. Телеграфѣ* 1825 г., № 21, гдѣ была помѣщена пѣсня Земфиры. *Телеграфъ* замѣтилъ при этомъ: «Прилагаемъ ноты дикаго напѣва сей пѣсни, слышаннаго самимъ поэтомъ въ Бессарабіи».

[67]) См. статью Зеленецкаго, въ Москвит. 1854 г., № 9. Молдаванскій танецъ называется *джокъ*, а не *дрокъ*, какъ тамъ напечатано.

Сижу я дома какъ бездѣльникъ;
Но ты, душа души моей,
Узнай, что будетъ въ понедѣльникъ,
Что скажетъ нашъ Варѳоломей [68]).

Выше замѣчено, что оживленію Кишинева много способствовали стоявшія въ немъ войска. Пушкинъ по цѣлымъ днямъ проводилъ съ офицерами генеральнаго штаба и 16-ой дивизіи, и близко познакомился съ военнымъ бытомъ. „Жизнь армейскаго офицера извѣстна, разсказываетъ онъ въ повѣсти *Выстрѣлъ* (черты которой очевидно принадлежатъ Кишиневу). Утромъ ученье, манежъ, обѣдъ у полковаго командира или въ жидовскомъ трактирѣ; вечеромъ — пуншъ и карты.“ Но осенью 1821 года, эта жизнь, хотя и шумная, но довольно однообразная, вдругъ получила новое движеніе и заволновалась. Пронесся слухъ, что войска двинутся въ походъ, и что объявлена будетъ война съ Турціей. Этой войны тогда нѣсколько разъ ожидали. И за границей, и у насъ, всѣ были увѣрены, что наши напряженныя отношенія съ Турціей должны неминуемо повести къ взрыву, и что императоръ Александръ открытымъ образомъ вступится за Грековъ, которые тогда начали борьбу уже въ самой Греціи и на островахъ Архипелага. На недавнемъ конгрессѣ въ Люблянахъ (Лайбахѣ) Меттернихъ едва-едва успѣлъ отвести глаза императору Александру отъ Греціи. Слухи о войнѣ взволновали Кишиневъ и Пушкина. 29 ноября пишетъ онъ стихи *Война*, изъ которыхъ можно заключать, что, по крайней мѣрѣ на ту минуту, вспыхнуло въ немъ давнишнее желаніе поступить въ военную службу:

---

[68]) См. Воспоминанія В. П Горчакова. Надо припомнить, что домъ, въ которомъ жилъ Пушкинъ, стоялъ почти на пустырѣ, и къ воротамъ надо было проходить довольно далеко.

Родишься ль ты во мнѣ слѣпая славы страсть,
Ты, жажда гибели, свирѣпый жаръ героевъ!
Вѣнокъ ли мнѣ двойной достанется на часть,
Кончину ль темную судилъ мнѣ жребій боевъ,
И все умретъ со мной: надежды юныхъ дней,
Священный сердца жаръ, къ высокому стремленье,
Воспоминаніе и брата и друзей,
И мыслей творческихъ напрасное волненье,
И ты, и ты любовь?... Ужель ни бранный шумъ,
Ни ратные труды, ни ропотъ гордой славы,
Ничто не заглушитъ моихъ привычныхъ думъ?
Я таю, жертва злой отравы:
Покой бѣжитъ меня, нѣтъ власти надъ собой,
И тягостная лѣнь душою завладѣла...
Что жь медлитъ ужасъ боевой?
Что жь битва первая еще не закипѣла?...

Стихи эти появились въ печати, черезъ полтора года, безъ подписи.

Войны сверхъ чаянія опять не было. Русскіе полки, собранные у границъ имперіи и уже давно находившіеся въ полномъ составѣ и на такъ называемомъ военномъ положеніи, остались на своихъ мѣстахъ. Кишиневская, для Пушкина довольно скучная, жизнь вошла въ прежнюю ровную колею.

Значительную долю времени Пушкинъ отдавалъ картамъ. Тогда игра была въ большомъ ходу, и особливо въ полкахъ. Пушкинъ не хотѣлъ отстать отъ другихъ: всякая быстрая перемѣна, всякая отвага были ему по душѣ; онъ пристрастился къ азартнымъ играмъ и во всю жизнь потомъ не могъ отстать отъ этой страсти. Она разжигалась въ немъ надеждою и вѣроятностью внезапнаго большаго выигрыша, а денежныя дѣла его были, особенно тогда, очень плохи. За стихи онъ еще ничего не выручалъ, и приходилось жить жалованьемъ и скудными присылками изъ родительскаго дому. Играть Пушкинъ началъ, кажется еще въ лицеѣ; но скуч-

ная, порою, жизнь въ Кишиневѣ сама подводила его къ зеленому столу.

Страсть къ банку! Ни любовь свободы,
Ни фебъ, ни дружба, ни пиры,
Не отвлекли бъ въ минувши годы
Меня отъ карточной игры.
Задумчивый, всю ночь до свѣта,
Бывалъ готовъ я въ эти лѣта,
Допрашивать судьбы завѣтъ,
На лѣво ль выпадетъ валетъ.
Уже раздался звонъ обѣденъ,
Среди разбросанныхъ колодъ
Дремалъ усталый банкометъ,
А я все тотъ же бодръ и блѣденъ,
Надежды полнъ, закрывъ глаза,
Гнулъ уголъ третьяго туза.

Играли обыкновенно въ штосъ, въ экарте, но всего чаще въ банкъ. Однажды Пушкину случилось играть съ однимъ изъ братьевъ З., офицеромъ генеральнаго штаба. Онъ замѣтилъ, что З. играетъ навѣрное, и проигравъ ему, по окончаніи игры, очень равнодушно и со смѣхомъ сталъ говорить другимъ участникамъ игры, что вѣдь нельзя же платить такого рода проигрыши. Слова эти конечно разнеслись, вышло объясненіе, и З. вызвалъ Пушкина драться. Это былъ второй поединокъ въ жизни поэта [69]). Против-

[69]) Первый,—по выходѣ изъ Лицея, около 1818 года, съ лицейскимъ товарищемъ Кюхельбекеромъ, котораго Пушкинъ очень любилъ, но надъ которымъ часто подшучивалъ. Кюхельбекеръ, какъ и многіе тогдашніе молодые стихотворцы, хаживалъ къ Жуковскому, и отчасти надоѣдалъ ему своими стихами. Однажды Жуковскій куда-то былъ званъ на вечеръ и не явился. Когда его послѣ спросили, отчего онъ не былъ, Жуковскій отвѣчалъ: «Я еще наканунѣ разстроилъ себѣ желудокъ; къ тому же пришелъ Кюхельбекеръ, и я остался дома». Это разсмѣшило Пушкина, и онъ сталъ преслѣдовать неотвязчиваго поэта стихами:

За ужиномъ объѣлся я,
Да Яковъ заперъ дверь оплошно —
Такъ было мнѣ, мои друзья,
И Кюхельбекерно и тошно.

ники отправились на такъ называемую *малину*, виноградникъ за Кишиневымъ. Пушкина не легко было испугать; онъ былъ храбръ отъ природы и старался воспитывать въ себѣ это чувство. Не даромъ онъ записалъ для себя одно изъ наставленій кн. Потемкина Н. Н. Раевскому: „Старайся испытать, не трусъ ли ты; если нѣтъ, то укрѣпляй врожденную смѣлость частымъ обхожденіемъ съ непріятелемъ.“ Еще въ лицеѣ учился онъ стрѣльбѣ въ цѣль, и въ стѣнахъ кишиневской комнаты своей насаживалъ пулю на пулю.—Подробности этого поединка, сколько извѣстно, втораго въ жизни Пушкина, намъ неизвѣстны; но нѣкоторыя обстоятельства его онъ самъ передалъ въ повѣсти *Выстрѣлъ*, вложивъ разсказъ въ уста Сильвіо и приписавъ собственныя дѣйствія молодому талантливому графу. „Это было на разсвѣтѣ—разсказываетъ Сильвіо—я стоялъ на назначенномъ мѣстѣ съ моими тремя секундантами. Съ неизъяснимымъ нетерпѣніемъ ожидалъ я моего противника.... Я увидѣлъ его издали. Онъ шелъ пѣшкомъ, съ мундиромъ на саблѣ, сопровождаемый однимъ секундантомъ. Мы пошли къ нему на встрѣчу. Онъ приблизился, держа фурашку, наполненную черешнями. Секунданты отмѣряли намъ двѣнадцать шаговъ.... Онъ стоялъ подъ пистолетомъ, выбирая изъ фуражки спѣлыя черешни и

Выраженіе *мнѣ Кюхельбекерно* сдѣлалось поговоркою во всемъ кружкѣ. Кюхельбекеръ взбѣсился и требовалъ дуели. Никакъ нельзя было уговорить его. Дѣло было зимою. Кюхельбекеръ стрѣлялъ первый и далъ промахъ. Пушкинъ кинулъ пистолетъ и хотѣлъ обнять своего товарища; но тотъ неистово кричалъ: стрѣляй, стрѣляй! Пушкинъ насилу его убѣдилъ, что невозможно стрѣлять, потому что снѣгъ набился въ стволъ. Поединокъ былъ отложенъ, и потомъ они помирились. (Изъ Записки о дуеляхъ Пушкина, написанной В. И. Далемъ вскорѣ послѣ кончины Пушкина). Яковъ—слуга Жуковскаго.

выплевывая косточки, которыя долетали до меня." И дѣйствительно, по свидѣтельству многихъ и въ томъ числѣ В. П. Горчакова, бывшаго тогда въ Кишиневѣ, на поединокъ съ З. Пушкинъ явился съ черешнями и завтракалъ ими, пока тотъ стрѣлялъ. Но З. поступилъ не такъ, какъ герой Пушкинской повѣсти Сильвіо. Онъ стрѣлялъ первый и не попалъ. „Довольны вы?", спросилъ его Пушкинъ, которому пришелъ чередъ стрѣлять. Вмѣсто того, чтобы требовать выстрѣла, З. бросился съ объятіями. „Это лишнее," замѣтилъ ему Пушкинъ, и нестрѣляя удалился [70]). Эту послѣднюю подробность (не называя противника) приводитъ и В. И. Даль въ своей замѣткѣ о кончинѣ Пушкина [71]).

Поединокъ съ З. разумѣется тотчасъ сдѣлался предметомъ общаго говора, и поведеніе Пушкина чрезвычайно подняло его въ общемъ мнѣніи. Но Инзовъ, по должности, не имѣлъ права оставить этотъ случай безъ вниманія, и можетъ быть въ видѣ наказанія, и желая на время удалить Пушкина изъ Кишинева, отправилъ его, вѣроятно съ какимъ-нибудь служебнымъ порученіемъ, въ Акерманскія степи. Впрочемъ навѣрное мы этого не знаемъ, а только заключаемъ такъ по ходу дѣлъ. Несомнѣнно одно, что Пушкинъ, въ исходѣ 1821 г., видѣлъ устья Днѣстра, былъ въ Акерманѣ и противолежащемъ Овидіополѣ. Старинная Акерманская крѣпость, расположена на мысу, который выдается въ Днѣстровскій лиманъ, и съ двухъ сторонъ омываема волнами, отражающими ея высокія башни. Видъ на лиманъ необыкновенно хорошъ. Н. И. Надеждинъ, посѣтившій

---

[70]) Со словъ В. П. Горчакова.

[71]) *Москов. Медицин. Газета* 1860 г., № 49

эти мѣста лѣтъ черезъ двадцать, говоритъ, что одинъ учитель Акерманскаго уѣзднаго училища показывалъ ему прибрежную башню, на которой Пушкинъ провелъ цѣлую ночь, и что башня съ тѣхъ поръ называется Овидіевой. „Не потому ли, прибавляетъ онъ, что поэтъ здѣсь, можетъ быть велъ свою вдохновенную бесѣду съ тѣнію Овидія? Въ самомъ дѣлѣ, воспоминаніе о Римскомъ изгнанникѣ такъ легко и естественно могло возбудиться городомъ, украшеннымъ его именемъ, который отсюда виднѣется на краю горизонта, сливающагося съ лиманомъ, во всей своей пустынной красѣ“ [72]).

Но мы знаемъ, что Овидій уже давно занималъ Пушкина. Еще въ посланіи къ Чадаеву, въ апрѣлѣ 1821 г. онъ уже поминаетъ его. Сочиненія Овидія вѣроятно были съ нимъ въ Акерманѣ. Какъ внимательно читалъ онъ ихъ, видно между прочимъ изъ примѣчанія къ первой главѣ Онѣгина и изъ критической статьи его въ *Современникѣ* о стихотвореніяхъ Теплякова, который также обращался къ тѣни Овидіевой. Изъ сочиненій Овидія послѣ Превращеній онъ отдаетъ особенное предпочтеніе Понтійскимъ элегіямъ. „Сколько яркости въ описаніи чуждаго климата и чуждой земли! Сколько живости въ подробностяхъ! И какая грусть о Римѣ, какія трогательныя жалобы!... Овидій добродушно признается, что онъ и съ молоду не былъ охотникомъ до войны, что тяжело ему подъ старость покрывать сѣдину свою шлемомъ и трепетной рукой хвататься за мечь при первой вѣсти о набѣгѣ (см. Trist. Lib. IV, El. I.)“. При стихотвореніи Пушкинъ дѣлаетъ замѣтку о томъ, сколько лѣтъ Овидій прожилъ въ изгнаніи. Стихо-

---

72) *Одесскій Альманахъ* 1840 г., стр. 330.

твореніе вышло плодомъ изученія; оттого-то онъ такъ любилъ его и предпочиталъ даже Наполеону. Въ немъ дѣйствительно много задушевности. „Каковы стихи къ Овидію? — пишетъ Пушкинъ брату по выходѣ ихъ въ свѣтъ — душа моя, и *Русланъ* и *Плѣнникъ* и *Noel*, и все дрянь въ сравненіи съ ними". Въ нѣкоторыхъ стихахъ, обращенныхъ къ Овидію слышится намекъ на собственную участь сочинителя, отчего можетъ быть, въ печати Пушкинъ не выставилъ подъ ними своего имени (въ *Полярной Звѣздѣ* 1823 г.).

Напрасно граціи стихи твои вѣнчали,
Напрасно юноши ихъ помнятъ наизусть;
Ни слава, ни лѣта, ни жалобы, ни грусть,
Ни пѣсни робкія Октавія не тронутъ...
О други, Августу мольбы мои несите,
Карающую длань слезами отклоните!»

Около этого времени Пушкинъ дѣйствительно хлопоталъ о помилованіи и писалъ въ Петербургъ, чтобы ему выпросили позволеніе возвратиться въ столицу.

Подъ стихами къ Овидію выставлено 1821. Декабря 26 г. Что они писаны на предполагаемомъ мѣстѣ Овидіевой ссылки, видно изъ самаго стихотворенія.

Изгнанникъ самовольный,
И свѣтомъ, и собой, и жизнью недовольный,
Съ душой задумчивой, я нынѣ посѣтилъ
Страну, гдѣ грустный вѣкъ ты нѣкогда влачилъ.
Здѣсь, ожививъ тобой мечты воображенья,
Я повторялъ твои, Овидій, пѣснопѣнья,
И ихъ печальныя картины повѣрялъ;
Но взоръ обманутымъ мечтаньямъ измѣнялъ:
Ужь пасмурный декабрь на Русскіе луга
Слоями разстилалъ пушистые снѣга;
Зима дышала тамъ, а съ вешней теплотою
Здѣсь солнце яркое катилось надо мною.

Поѣздка въ Акерманъ была непродолжительна, и къ новому году Пушкинъ возвратился въ Ки-

шиневъ: его видѣли въ толпѣ офицеровъ, чиновниковъ и солдатъ, 1-го января 1822 года, на достопамятномъ праздникѣ, о которомъ мы говорили выше, и которымъ М. Ѳ. Орловъ открывалъ устроенный имъ манежъ своей дивизіи [73]). На святкахъ Кишиневъ особенно оживился, и Пушкинъ не пропускалъ случая потанцовать и повеселиться. Но вскорѣ по возвращеніи ему опять пришлось драться. На этотъ разъ противникомъ его былъ человѣкъ достойный и всѣми уважаемый. Это былъ полковникъ и командиръ егерскаго полка *Семенъ Никитичь Старовъ*, извѣстный въ арміи своею храбростью въ отечественную войну и въ заграничныхъ битвахъ. Старовъ вступился за своего офицера, котораго по его мнѣнію оскорбилъ Пушкинъ. Дѣло было такъ. На вечерѣ въ Кишиневскомъ *казино*, которое служило мѣстомъ общественныхъ собраній, одинъ молодой егерскій офицеръ приказалъ музыкантамъ играть русскую кадриль; но Пушкинъ еще раньше условился съ А. П. Полторацкимъ начинать мазурку, захлопалъ въ ладоши и закричалъ, чтобъ играли ее. Офицеръ-новичокъ повторилъ было свое приказаніе; но музыканты послушались Пушкина, котораго они давно знали, даромъ что онъ былъ не военный, и мазурка началась. Полковникъ Старовъ все это замѣтилъ, и подозвавъ офицера, совѣтовалъ ему требовать, чтобъ Пушкинъ по крайней мѣрѣ извинился передъ нимъ. Застѣнчивый молодой человѣкъ началъ мяться, и отговаривался тѣмъ, что онъ вовсе не знакомъ съ Пушкинымъ. „Ну такъ я за васъ поговорю,“ возразилъ полковникъ, и послѣ танцовъ подошелъ къ Пушкину съ вопросами, вслѣд-

[73]) Отъ В. П. Горчакова.

ствіе которыхъ на другой день положено быть поединку.

Они стрѣлялись верстахъ въ двухъ за Кишиневымъ, утромъ въ девять часовъ. Секундатомъ Пушкина былъ Н. С. Алексѣевъ, а однимъ изъ совѣтниковъ и распорядителей И. П. Липранди, мнѣніемъ котораго поэтъ дорожилъ въ подобныхъ случаяхъ (вспомнимъ опять, что повѣсть *Выстрѣлъ* слышана отъ Липранди). Но погода помѣшала дѣлу; противники два раза принимались стрѣлять, и стало быть вышло четыре промаха: мятель съ сильнымъ вѣтромъ не давала возможности прицѣлиться какъ должно. Положили отсрочить поединокъ, и тутъ-то Пушкинъ, по дорогѣ, заѣхавъ къ А. П. Полторацкому и не заставъ его дома, написалъ экспромптъ, сдѣлавшійся извѣстнымъ по всей Россіи и повторяемый съ разными измѣненіями:

Я живъ,
Старовъ
Здоровъ,
Дуель не конченъ [74]).

Незнавшіе подробностей дѣла, говорили, будто Пушкинъ не захотѣлъ воспользоваться своимъ выстрѣломъ и, разрядивъ пистолетъ на воздухъ, воскликнулъ:

Полковникъ Старовъ
Слава Богу здоровъ.

---

[74]) Изъ Воспоминаній В. П. Горчакова и вышеупомянутой записки В. И. Даля, который впрочемъ разсказываетъ нѣсколько иначе (онъ записывалъ съ чужихъ словъ): «На балѣ, гдѣ обращеніе гораздо вольнѣе нашего, полуевропейская образованность, барыни въ модныхъ вѣнскихъ нарядахъ, мущины въ чалмахъ и огромныхъ шапкахъ,—Пушкинъ разшалился. Онъ взялъ даму на вальсъ, и захлопавъ кричалъ музыкантамъ: вальсъ, вальсъ! Офицеръ подошелъ съ замѣчаніемъ, что будутъ танцовать не вальсъ, а мазурку Пушкинъ отвѣчалъ: «Ну, я вальсъ, а вы мазурку»; музыка заиграла, и Пушкинъ провальсировалъ».

Къ счастію поединокъ не возобновлялся. Полторацкому съ Алексѣевымъ удалось свести противниковъ въ ресторацiи Николетти. „Я всегда васъ уважалъ, полковникъ, и потому принялъ вашъ вызовъ,“ сказалъ Пушкинъ. „И хорошо сдѣлали, Александръ Сергѣевичъ, сказалъ въ свою очередь Старовъ; я долженъ сказать по правдѣ, что вы также хорошо стоите подъ пулями, какъ хорошо пишете.“ Такой отзывъ храбраго человѣка, участника 1812 года, не только обезоружилъ Пушкина, но привелъ его въ восторгъ. Онъ кинулся обнимать Старова, и съ этихъ поръ считалъ долгомъ отзываться о немъ съ великимъ уваженіемъ. Такъ, напримѣръ, черезъ нѣсколько дней, въ той же ресторацiи, молодые молдаване, играя на биліардѣ и толкуя о недавней дуели, позволили себѣ обвинять Старова въ трусости. Пушкинъ, игравшій тутъ же, тотчасъ имъ замѣтилъ, что онъ не потерпитъ такихъ отзывовъ, и что впередъ будетъ считать ихъ для себя личною обидою [75]). Но въ городѣ не всѣ знали о примиреніи Старова съ Пушкинымъ; о каждомъ изъ противниковъ разнеслись двусмысленные слухи, изъ которыхъ для Пушкина выросла новая и крайне непріятная исторія.

Между кишиневскими помѣщиками-Молдаванами, съ которыми велъ знакомство Пушкинъ, былъ нѣкто Балшъ. Жена его, еще довольно молодая женщина, вездѣ вывозила съ собою, не смотря на ранній возрастъ, дѣвочку-дочь, лѣтъ 13. Пушкинъ за нею ухаживалъ. Досадно ли это было матери, или можетъ быть, она сама желала слышать любезности Пушкина, только она за что-то разсердилась и стала къ нему при-

[75]) Тамъ же.

драться. Тогда въ обществѣ много говорили о какой-то ссорѣ двухъ Молдаванъ: имъ слѣдовало драться, но они не дрались. „Чего отъ нихъ требовать! замѣтилъ какъ-то Липранди, у нихъ въ обычаѣ нанять нѣсколько человѣкъ, да ихъ руками отдубасить противника.“ Пушкина очень забавлялъ такой легкій способъ отмщенія. Вскорѣ, у кого то на вечерѣ, въ разговорѣ съ женою Балша, онъ сказалъ: „Экая тоска! хоть бы кто нанялъ подраться за себя!“ Молдаванка вспыхнула. „Да вы деритесь лучше за себя,“ возразила она.—Да съ кѣмъ же? — „Вотъ хоть съ Старовымъ; вы съ нимъ, кажется, не очень хорошо кончили.“ На это Пушкинъ отвѣчалъ, что если бы на ея мѣстѣ былъ ея мужъ, то онъ съумѣлъ бы поговорить съ нимъ; потому ничего не остается больше дѣлать, какъ узнать, такъ ли и онъ думаетъ. Прямо отъ нея Пушкинъ идетъ къ карточному столу, за которымъ сидѣлъ Балшъ, вызываетъ его и объясняетъ въ чемъ дѣло. Балшъ пошелъ распросить жену, но та ему отвѣчала, что Пушкинъ наговорилъ ей дерзостей. „Какъ же вы требуете отъ меня удовлетворенія, а сами позволяте себѣ оскорблять мою жену,“ сказалъ возвратившійся Балшъ. Слова эти были произнесены съ такимъ высокомѣріемъ, что Пушкинъ не вытерпѣлъ, тутъ же схватилъ подсвѣчникъ и замахнулся имъ на Балша [76]). Подоспѣвшій Н. С. Алексѣевъ удержалъ его. Разумѣется, суматоха вышла страшная, и противниковъ кое-какъ развели. На другой день, по настоянію Крупянскаго и П. С. Пущина (который командо-

---

[76]) См. въ повѣсти *Выстрѣлъ* (стр. 171): «Офицеръ почелъ себя жестоко обиженнымъ, и въ бѣшенствѣ, схвативъ со стола мѣдный шандалъ, пустилъ его въ Сильвіо, которой едва успѣлъ отклониться отъ удара».

валъ тогда дивизіей за отъѣздомъ Орлова), Балшъ согласился извиниться передъ Пушкинымъ, который нарочно для того пришелъ къ Крупянскому. Но каково же ему было, когда къ нему явился, въ длинныхъ одеждахъ своихъ, тяжелый Молдаванинъ, и вмѣсто извиненія началъ: „Меня упросили извиниться передъ вами. Какого извиненія вамъ нужно?“ Не говоря ни слова, Пушкинъ далъ ему пощечину, и вслѣдъ за тѣмъ вынулъ пистолетъ. Прямо отъ Крупянскаго Пушкинъ пошелъ на квартиру къ Пущину, гдѣ его видѣлъ В. П. Горчаковъ, блѣднаго какъ полотно и улыбающагося. Инзовъ посадилъ его подъ арестъ на двѣ недѣли; чѣмъ дѣло кончилось, не знаемъ. Дуели не было, но еще долго послѣ этого Пушкинъ говорилъ, что не рѣшается ходить безъ оружія, на улицахъ вынималъ пистолетъ и съ хохотомъ показывалъ его встрѣчнымъ знакомымъ [77]).

Возмутительную исторію Пушкина съ Балшемъ мы относимъ къ февралю мѣсяцу 1822 г. Она произошла, какъ можно соображать по разсказамъ о ней, около масляницы. Итакъ, въ продолженіе какихъ-нибудь трехъ-четырехъ мѣсяцевъ, три исторіи, три вспышки необузданнаго, африканскаго нрава: въ исходѣ 1821 года поединокъ съ З. изъ-за картъ, въ генварѣ 1822-го съ Старовымъ изъ за свѣтскихъ отношеній. Можно себѣ представить, сколько въ Кишиневѣ пошло толковъ, какъ возмущались всѣ степенные люди поведеніемъ молодаго человѣка, каково было кишиневскимъ Молдаванамъ послѣ оскор-

---

[77]) Подробности отъ В. П. Горчакова. Сущность этой исторіи передана Львомъ Сергѣевичемъ Пушкинымъ въ его статьѣ о братѣ въ *Москвит.* 1854, № 10, стр. 50—58, гдѣ названо и полное имя Балша.

бленія, нанесеннаго имъ въ лицѣ Балша. Пушкина стали бояться въ городѣ. Но за него былъ его добрый начальникъ, приставлявшій часовыхъ къ его комнатѣ, присылавшій ему книгъ для успокоенія и развлеченія. Инзовъ и еще нѣсколько человѣкъ въ Кишиневѣ хорошо знали, что Пушкину было можно и было за что прощать его увлеченія. За безпорядочною жизнью, за необузданностью нрава, за дерзкими рѣчами не скрывалось отъ нихъ существо, необычайно умное и свыше одаренное. Дѣло въ томъ, что уже въ это время въ Пушкинѣ замѣтно обозначилось противорѣчіе между его вседневною жизнью и художественнымъ служеніемъ. Уже тогда въ немъ было два Пушкина, одинъ—Пушкинъ человѣкъ, и другой — Пушкинъ поэтъ. Это раздвоеніе онъ хорошо сознавалъ въ себѣ; порою, оно должно было мучить его, и отсюда-то, можетъ быть, меланхолическій характеръ его пѣсенъ, та глубокая симпатическая грусть, которая примѣшивается почти ко всему, что̀ ни писалъ онъ, и которая невольно вызываетъ участіе въ читателѣ. Онъ былъ неизмѣримо выше и несравненно лучше того, чѣмъ казался, и чѣмъ даже выражалъ себя въ своихъ произведеніяхъ. Справедливо отзывались близкіе друзья его, что его задушевныя бесѣды сто̀или многихъ его печатныхъ сочиненій, и что нельзя было не полюбить его, покороче узнавши. Но, по замѣчательному, и въ психологическомъ смыслѣ чрезвычайно важному побужденію, которое для поверхностныхъ наблюдателей могло казаться простымъ капризомъ, Пушкинъ какъ будто вовсе не заботился о томъ, чтобы устранять названное противорѣчіе; напротивъ прикидывался буяномъ, развратникомъ, какимъ-то яростнымъ вольнодумцемъ. Это состояніе души можно бы наз-

вать юродствомъ поэта. Оно замѣчается въ Пушкинѣ до самой его женитьбы, и можетъ быть еще позднѣе. Началось оно очень рано,но становится ярко замѣтнымъ въ описываемую нами пору. „Какъ судить о свойствахъ и образѣ мыслей человѣка по наружнымъ его дѣйствіямъ? —пишетъ онъ по поводу обвиненій Байрона въ безбожіи.—Онъ можетъ по произволу надѣвать на себя притворную личину порочности, какъ и добродѣтели. Часто, по какому-либо своенравному убѣжденію ума своего, онъ можетъ выставлять на позоръ толпѣ не самую лучшую сторону своего нравственнаго бытія; часто можетъ бросать пыль въ глаза черни однѣми своими странностями.“ (VII, 151).

Въ одно время съ дуелями шла сильная внутренняя и художественная работа. По удаленіи изъ Петербурга, въ 1820 году, написано имъ, кромѣ Эпилога къ Руслану и Людмилѣ, какъ мы видѣли, *десять* стихотвореній. Въ 1821 году онъ написалъ *Кавказскаго Плѣнника* и кромѣ утраченной автобіографіи, дневника, записокъ о греческомъ возстаніи и мелкихъ прозаическихъ отрывковъ — *тридцать одно* стихотвореніе. Мы предлагаемъ расположить ихъ будущимъ издателямъ его сочиненій въ слѣдующемъ, по времени, порядкѣ. Жизнь Пушкина лучше всего выражается въ его сочиненіяхъ.

1. Земля и море. *Кіевъ, 8 февраля.*

2. Желаніе.

3. Муза. *14 февраля—5 апрѣля.*

4. Я пережилъ свои желанья. *Каменка, 22 февраля.*

5. Дельвигу. (Другъ Дельвигъ, мой парнасскій братъ). *Кишиневъ. 23 марта.*

6. Катенину. (Кто мнѣ пришлетъ ея портретъ). *5 апрѣля.*

7. Наперсница волшебной старины. (Муза).
8. Сѣтованіе. (Д. В. Давыдову).
9. Чадаеву. *Кишиневъ. 6—20 апрѣля.*
10. П-лю.
11. Къ Чернилицѣ. *11 апрѣля.*
12. Еврейкѣ. (Христосъ воскресъ, моя Ревекка). *12 апрѣля, Кишиневъ.*
13. Кинжалъ.
14. Недвижный стражъ дремалъ.
15. Наполеонъ. *Іюнь.*
16. Десятая заповѣдь.
17. Умолкну скоро я. *23 августа.*
18. Мой другъ, забыты мной слѣды минувшихъ лѣтъ. *24—25 августа.*
19. Гробъ юноши.
20. Къ Аглаѣ (И вы повѣрить мнѣ могли).
21. Иной имѣлъ мою Аглаю.
22. Война или Мечта война. *29 ноября.*
23. Овидію. *26 декабря.*
24. Алексѣеву. (Мой милый, какъ несправедливы).
25. Къ портрету кн. Вяземскаго.
26. Примѣты.
27. Дѣва.
28. Подруга милая, я знаю отчего.
29. Діонея.
30. Красавицѣ передъ зеркаломъ.
31. Эпиграмма на Каченовскаго. (Клеветникъ безъ дарованья) [78])

---

[78]) Послѣднія 8 стихотвореній принадлежатъ къ 1821 г., но къ какимъ мѣсяцамъ, мы пока опредѣлить не можемъ. Въ изданіи Анненкова (II, 288) къ 1821 году отнесено еще стихотвореніе Къ *** (*За чѣмъ безвременную скуку*), и въ примѣчаніяхъ сказано, что, по свидѣтельству рукописей, оно написано къ *Пле—ееву;* но въ VII-мъ дополнительномъ томѣ того же изданія, въ росписи стиховъ (стр. 165) при немъ означено *К—керу.* Слова эти можно читать *Плещееву* или

Послѣ удаленія изъ Петербурга, въ полтора съ небольшимъ года, слишкомъ сорокъ однихъ мелкихъ стихотвореній, да поэма, да сочиненія въ прозѣ. Но молодой Пушкинъ подавалъ собою примѣръ удивительной художественной воздержности. Безпорядочный, безпечный, порою легкомысленный въ жизни, онъ уже тогда былъ необыкновенно строгъ, осмотрителенъ и совѣстливъ какъ писатель. Изъ всѣхъ названныхъ трудовъ, онъ напечаталъ всего четыре стихотворенія, именно въ 1820 году элегію *Погасло дневное свѣтило*, и то безъ имени, а въ 1821-мъ появились въ апрѣлѣ *Черная шаль*, въ іюнѣ *Муза*, въ сентябрѣ *Посланіе къ Чадаеву*, всѣ въ *Сынѣ Отечества*, съ полнымъ именемъ, съ обозначеніемъ мѣста и времени[79]). Это были пер-

---

Кюхельбекеру, какъ и прочелъ Г. Н. Генвади, въ послѣднемъ Исаковскомъ изданіи. У насъ въ рукахъ собственноручный списокъ стихотворенія, доставленный г. Калошинымъ. Подъ нимъ Пушкинъ означилъ: *1 ноября 1826. Москва.* Въ текстѣ измѣненій нѣтъ противъ печатнаго, только во 2-мъ стихѣ вмѣсто *думою* Пушкинъ поставилъ было *грустію* и потомъ зачеркнулъ.—Ожидая поясненій, думаемъ, что можетъ быть стихи и дѣйствительно написаны въ 1821 году, а въ 1826 Пушкинъ написалъ ихъ просто кому-нибудь въ знакъ памяти: его тогда часто просили писать въ альбомы, и чтобы отдѣлаться, онъ иногда писалъ свои старые стихи. Напечатаны они въ первый разъ въ 1827 г. въ *Московскомъ Вѣстникѣ*, № 2.

[79]) Кромѣ того, безъ его вѣдома, напечатаны были въ *Сынѣ Отечества* 1821 года въ № 11 (мартъ) шутливая записка къ В. Л. Пушкину въ прозѣ и стихахъ, написанная въ 1816 г., да въ № 52 (декабрь) посланіе къ Жуковскому по прочтеніи его книжекъ *для немногихъ*, 1819 года. *Сынъ Отечества* въ 1821 году издавался А. Ѳ. Воейковымъ и Н. И. Гречемъ. Первый, какъ извѣстно, не слишкомъ уважалъ права литературной собственности и напечаталъ названные стихи, взявъ ихъ у В. Л. Пушкина и у Жуковскаго и не спросясь сочинителя. Да еще во 2-мъ номерѣ журнала *Соревнователь просвѣщенія и благотворенія* 1821 года появилась эпиграмма его: *Исторія стихотворца*.

вые стихи Пушкина изъ ссылки. Если не ошибаемся, въ Петербургѣ ждали отъ Пушкина, чтобы онъ показалъ раскаяніе, посвятивъ талантъ свой, по примѣру предшественниковъ, восхваленію отечества, славѣ Россіи, описанію воинскихъ подвиговъ и т. п. Такое ожиданіе по временамъ высказывалось и въ печати. Такъ въ *Сынѣ Отечества* 1822 года въ № X (мартъ), въ посланіи какого-то *А. М. Къ сочинителю поэмы Русланъ и Людмила*, читаемъ между прочимъ:

Почто же восторги священныхъ часовъ
Ты тратишь для пѣсней любви и забавы?...
Оставь сладострастье коварнымъ женамъ!
Сбрось чувственной нѣги позорное бремя!
Пусть бьются другіе въ волшебныхъ сѣтяхъ
Ревнивыхъ прелестницъ, пусть ищутъ другіе
Награды съ отравой въ ихъ хитрыхъ очахъ!
Храни для героевъ восторги прямые!

Въ *Литературныхъ Листкахъ* Булгарина (1824, № I, стр. 25) прямо сказано: „Геній Пушкина обѣщаетъ много для Россіи; мы бы желали, чтобъ онъ своими гармоническими стихами прославилъ какой-нибудь отечественный подвигъ. Это дань, которую должны платить дарованія общей матери, отечеству. Нѣкоторые отрывки въ *Кавказскомъ Плѣнникѣ* показываютъ, что Пушкинъ столь же искусно умѣетъ изображать славу какъ и грацій.“

Но Пушкинъ не хотѣлъ насиловать своего таланта, онъ повиновался со всею искренностію единственно внушеніямъ внутреннимъ, и можетъ быть, въ отвѣтъ на подобнаго рода вызовы, слышанные имъ безъ сомнѣнія и въ Кишиневѣ, сказалъ про себя:

Но не унизилъ ввѣкъ измѣной беззаконной
Ни гордой совѣсти, ни лиры непреклонной. [80])

[80]) Эти стихи первоначально находились въ концѣ стихотворенія къ Овидію. Въ печати Пушкинъ долженъ былъ ис-

Кромѣ художественной добросовѣстности, и желанія исправить и усовершить свои созданія, были еще и другія причины и соображенія, вслѣдствіе которыхъ, въ описываемую нами пору, стихи Пушкина такъ рѣдко появлялись въ свѣтъ. Во-первыхъ не всѣ они могли быть напечатаны, а во-вторыхъ у него бродила мысль издать ихъ отдѣльною книжкою. Еще въ Петербургѣ, въ концѣ 1819 или въ началѣ 1820 года, вѣроятно нуждаясь въ деньгахъ, онъ согласился на предложеніе пріятелей напечатать собраніе своихъ стиховъ. Считая съ лицейскими, ихъ и тогда уже было довольно много. Рѣшили открыть подписку на изданіе, и друзья Пушкина успѣли уже роздать отъ 30 до 40 билетовъ, какъ вдругъ Пушкину велѣно было ѣхать въ Екатеринославль. Въ торопяхъ и на безденежьи онъ взялъ у пріятеля своего, тогдашняго богача Н. В. Всеволожскаго, тысячу рублей, и за нее отдалъ ему рукопись свою. Весьма вѣроятно, что Всеволожскій и не имѣлъ настоящаго намѣренія издавать книгу, а изъ благороднаго побужденія воспользовался случаемъ, чтобы выручить поэта, не затрогивая его самолюбія. Какъ бы то ни было, но Пушкинъ въ ссылкѣ своей ожидалъ выхода своей книжки, или *анѳологіи*, какъ онъ называетъ ее въ одномъ письмѣ (вѣроятно потому, что стихи все были въ греческомъ духѣ, воспѣвалась любовь и наслажденія жизнію). Изъ Кишинева, отъ 27 іюня 1821 года, Пушкинъ пишетъ брату: „Постарайся свидѣться съ Всеволожскимъ и возьми у него на мой щетъ число экземпляровъ моихъ сочиненій (буде они напечатаны), розданное моими друзья-

---

ключить ихъ; но ими не могло заключаться стихотвореніе, какъ сказано въ *Библіографическихъ Запискахъ* 1858, № XI, столб. 342.

ми, — экземпляровъ 30.“ Между тѣмъ время шло, а книжка не выходила. Въ 1822 году князь Александръ Лобановъ-Ростовскій вздумалъ купить у Всеволожскаго право изданія [81]). Пушкина это встревожило; онъ уже сталъ тогда, какъ мы видѣли, гораздо строже смотрѣть на свою литературную дѣятельность, хотѣлъ исправить прежніе стихи, прибавить новые и вообще явиться передъ публикою съ произведеніями отборными. Всего проще было бы возвратить Всеволожскому его тысячу рублей и вытребовать назадъ тетрадь свою. Но гдѣ было взять денегъ? Лучше терпѣть нужду чѣмъ занимать, говорилъ онъ тогда, ибо занимая и не имѣя потомъ возможности отдать, по неволѣ подвергаешь сомнѣнію свою честность. Кн. Лобановъ далъ знать Пушкину о своемъ намѣреніи черезъ общаго ихъ знакомца Я. Н. Толстаго, и дѣлалъ ему какія-то новыя предложенія, т. е. вѣроятно обѣщалъ денегъ. Это могло быть около августа 1822 года. Пушкинъ пишетъ брату изъ Кишинева, отъ 4 сентября 1822 г.: „Явись отъ меня къ Никитѣ Всеволожскому, и скажи ему, чтобъ онъ ради Христа погодилъ продавать мои стихотворенья до будущаго года. Если же они проданы, явись съ той же просьбой къ покупщику. Вѣтренность моя и вѣтренность моихъ товарищей надѣлала мнѣ бѣды. Около 40 билетовъ розданы, само по себѣ разумѣется, что за нихъ я буду долженъ заплатить“; а Я. Н. Толстому онъ отвѣчалъ (отъ 26 сентября): „Предложеніе кн. Лобанова льститъ моему само-

---

[81]) Не тотъ ли это кн. Лобановъ, который напечаталъ въ 1821 году въ Парижѣ *Молитвы при божественной литургіи*?—Я. Н. Толстой, съ которымъ Пушкинъ сходился у Всеволожскаго на вечерахъ *Зеленой Лампы*, самъ печаталъ статьи въ тогдашнихъ журналахъ.

любію, но требуетъ съ моей стороны нѣкоторыхъ объясненій. Я сперва хотѣлъ печатать мелкія свои сочиненія по подпискѣ, и было роздано уже 30 билетовъ; обстоятельства принудили меня продать свою рукопись Никитѣ Всеволожскому и самому отступиться отъ изданія. Разумѣется, что за розданные билеты я долженъ заплатить, и это первое условіе. Вовторыхъ, признаюсь тебѣ, что въ числѣ моихъ стихотвореній иныя должны быть выключены, многія переправлены, для всѣхъ долженъ быть сдѣланъ новый порядокъ, и потому мнѣ необходимо нужно пересмотрѣть свою рукопись. Третье: въ послѣдніе три года я написалъ много новаго. Благодарность требуетъ, чтобъ я все переслалъ князю Александру, но.... милый другъ! Подождемъ еще два-три мѣсяца. Какъ знать? Можетъ быть къ новому году мы свидимся, и тогда дѣло пойдетъ на ладъ и пр." [82]).

Такимъ образомъ изданіе было пріостановлено. Мы увидимъ ниже, что за него брались А. А. Бестужевъ и Н. И. Гнѣдичь; надѣясь самъ побывать въ Петербургѣ, Пушкинъ отклонялъ предложенія, и книжка вышла въ свѣтъ уже только въ 1826 г. Но конечно она много выиграла оттого въ содержаніи.

Когда шла вышеизложенная переписка, въ печати уже появилась новая поэма Пушкина *Кавказскій Плѣнникъ*. Она обновила имя ссыльнаго поэта вь памяти публики и друзей его. Можетъ быть, успѣхомъ ея отчасти и возобновлена

---

[82]) См. у Анненк. въ Матеріалахъ, стр. 186 — 187. Тамъ сказано, что письмо писано въ 1823 году; но въ VII томѣ, въ перечнѣ сочиненій Пушкина, при немъ поставлено *Кишиневъ, 26 сентября 1822*. Время, впрочемъ, опредѣляется выраженіемъ въ концѣ письма: «*два года и шесть мѣсяцевъ* никто ни строки, ни слова.»

мысль объ изданіи мелкихъ стихотвореній. Своего *Плѣнника* еще въ исходѣ 1821 года, Пушкинъ послалъ въ Петербургъ Н. И. Гречу, съ предложеніемъ напечатать. Гречь издавалъ безспорно лучшій тогдашній журналъ, *Сынъ Отечества*, и Пушкинъ уже былъ съ нимъ въ сношеніяхъ, помѣстивъ у него стихи свои. Но издатель первой поэмы, *Руслана и Людмилы*, Н. И. Гнѣдичъ, выразилъ неудовольствіе, отчего Пушкинъ опять не обратился къ нему. „Ты говоришь, что Гнѣдичъ на меня сердитъ — пишетъ Пушкинъ брату (изъ Кишинева, 24 января 1822)—онъ правъ: я бы долженъ былъ къ нему прибѣгнуть съ моей новой поэмой; но у меня шла голова кругомъ; отъ него не получалъ я давно никакого извѣстія; Гречу должно было писать, и при сей вѣрной оказіи предложилъ я ему *Плѣнника*. Къ тому же ни Гнѣдичъ со мною, ни я съ Гнѣдичемъ не будемъ торговаться и слишкомъ наблюдать каждый свою выгоду, а съ Гречемъ я сталъ бы безсовѣстно торговаться какъ со всякимъ брадатымъ цѣнителемъ книжнаго ума.“ Пушкинъ ошибался. Н. И. Гречъ самъ отклонилъ его предложеніе пріобрѣсти право на изданіе поэмы [83]). Тогда Пушкинъ поручилъ изданіе уже Гнѣдичу и при этомъ передалъ ему собственный, чрезвычайно мѣткій судъ надъ поэмой, говоря, что долго не могъ рѣшиться ее напечатать,—такъ явны ея недостатки, но что передѣлывать не въ силахъ [84]).

---

[83]) За разъясненіемъ этихъ сношеній я обращался къ Н. И. Гречу. Въ отвѣтномъ письмѣ, которымъ онъ почтилъ меня (Спб. 16 іюля 1861), сказано: «Гнѣдичъ предлагалъ мнѣ, убѣждалъ меня пріобрѣсти рукопись *Кавказскаго Плѣнника* для изданія ея на мой счетъ; но я не могъ принять этого предложенія.»

[84]) У Анненкова, въ матеріалахъ, стр. 96 и 97, помѣщено это письмо къ Гнѣдичу, съ черноваго оригинала, оставшагося въ бумагахъ Пушкина.

Кавказскій Плѣнникъ появился въ Петербургѣ изъ типографіи Греча, въ послѣднихъ числахъ августа 1822 года, тетрадкою въ 16 долю листа, на 53 стр. (цензурное дозволеніе А. Бирюкова, 12 іюня 1822 г.) [85]. Къ нему приложенъ былъ портретъ автора, гравированный Е. Гейтманомъ. Пушкинъ изображенъ лѣтъ 15, лицеистомъ, въ рубашкѣ, какъ рисовали тогда Байрона, подперши голову рукою, и въ задумчивости. Тутъ явственнѣе, чѣмъ на всѣхъ другихъ портретахъ, арабскія черты его физіономіи.

Издатель прислалъ Пушкину въ Кишеневъ одинъ экземпляръ поэмы, съ письмомъ, и съ приложеніемъ 500 р. за право изданія. Плата показалась Пушкину мала, но на безденежьи онъ и тому былъ радъ [86]; потому что хотя пе-

---

[85]) Въ 35 № *Сына Отечества* (отъ 2 сентября), въ первомъ извѣщеніи о выходѣ *К. Плѣнника,* сказано: «Цѣна на веленевой бумагѣ 7 р., на любской 5 руб. Продается у издателя, Кол. Сов. Ник Ив. Гнѣдича, въ домѣ, принадлежащемъ Имп. Публ. Библ., на Невскомъ проспектѣ.» Гнѣдичъ тогда же издалъ и *Шильонскаго узника* Жуковскаго. Про портретъ сказано: «*Издатели* (?) сей повѣсти говорятъ: «Думаемъ, что пріятно сохранить юныя черты поэта, котораго первыя произведенія ознаменованы даромъ необыкновеннымъ!» Портретъ этотъ перерисованъ въ *Русскомъ Художественномъ Листкѣ* въ 32-мъ номерѣ нынѣшняго года; но еще прежде онъ былъ повторенъ вскорѣ по смерти Пушкина, въ *Художественной Газетѣ* 1837 г, № 9 и 10. Тамъ сказано, что портретъ этотъ нарисованъ былъ съ памяти, безъ натуры, художникомъ *К. Б.*, «въ нѣжной молодости уже обратившимъ на себя вниманіе.» Не означаютъ ли буквы *К. Б.* Карла Брюлова? Въ такомъ случаѣ съ этимъ портретомъ связываются двѣ дорогія памяти русской жизни.—Когда Пушкинъ былъ въ Лицеѣ, тамошній учитель рисованія и надзиратель лицеистовъ Чириковъ снялъ съ него портретъ, но гдѣ онъ теперь, не извѣстно.

[86]) Въ 1851 г. В. П. Горчаковъ передалъ намъ письмо къ нему Пушкина съ замѣчаніями на *Кавк. Плѣнника.* Г. Анненковъ списалъ его у насъ и помѣстилъ въ своихъ матеріалахъ, стр. 97—98; но приложенныя къ письму поправки пе-

редъ тѣмъ книгопродавецъ Сленинъ купилъ остальные экземпляры *Руслана и Людмилы*, но деньги, вырученныя за это, не доходили до Пушкина (письмо къ брату отъ 21 іюля 1822 года). „Скажи мнѣ, милый мой, шумитъ ли мой *Плѣнникъ? A-t-il produit du scandale*, пишетъ мнѣ Orlof, *voilà l'essentiel*. Надѣюсь, что критики не оставятъ въ покоѣ характеръ *Плѣнника*, онъ для нихъ созданъ; душа моя, я журналовъ не получаю, такъ потрудись, напиши мнѣ ихъ толки, не ради исправленія моего, но ради смиренія кичливости моей.“ Передъ тѣмъ (отъ 4 сентября 1822 г.) онъ поручаетъ брату: „Скажи Сленину, чтобъ онъ мнѣ прислалъ.... *Сына Отечества* 2-ю половину года. Можетъ вычесть что стоитъ изъ своего долга.“

Явившись въ печати съ новою поэмою, Пушкинъ естественно любопытствовалъ узнать мнѣнія о ней. Успѣхъ былъ полный, Россія съ жадностью читала *Кавказскаго Плѣнника*. Можно навѣрное сказать, что если первая поэма Пушкина имѣла успѣхъ благодаря лишь легкости стиха и содержанія, всѣмъ равно понятнаго и доступнаго, то *Кавказскій Плѣнникъ* былъ встрѣченъ уже съ любовью и съ участіемъ къ молодому сочинителю: во-первыхъ всѣ знали, что это произведеніе ссыльнаго, во-вторыхъ въ поэмѣ уже много теплыхъ, задушевныхъ стиховъ.

чатнаго текста, сдѣланныя Пушкинымъ въ посвященіи поэмы, переданы у Анненкова не вполнѣ. Пушкинъ очевидно хотѣлъ возстановить текстъ, искаженный вслѣдствіе особенныхъ соображеній. Въ третьемъ стихѣ посвященія вм. *пустынной лиры* первоначально было *изгнанной* лиры; въ 4-мъ отъ конца стихѣ вмѣсто нынѣшняго: *Но сердце укрѣпивъ терпѣньемъ* стояло: *Но сердце укрѣпивъ свободой и терпѣньемъ*. Надпись письма: «Горчакову въ Гурогулбинѣ» (мѣстечко въ 40 верстахъ отъ Кишинева, куда Горчаковъ ѣздилъ по службѣ).

Еще весною прошлаго года, кончивъ *Плѣнника*, Пушкинъ писалъ Дельвигу, что у него въ головѣ уже бродятъ новыя поэмы. Онъ начиналъ ихъ, но былъ самъ недоволенъ ими, и либо вовсе бросалъ, либо уничтожалъ написанное. Только одна изъ этихъ поэмъ, именно *Бахчисарайскій Фонтанъ*, дошла до насъ вполнѣ; *Вадимъ* остался неконченнымъ, а *Разбойниковъ* онъ самъ сжегъ, и теперешній текстъ ихъ есть только отрывокъ, случайно уцѣлѣвшій у Н. Н. Раевскаго (сына). Кромѣ того есть извѣстіе, что Пушкинъ началъ было писать, вѣроятно тогда же, сатирическую поэму, дѣйствіе которой должно было происходить въ аду, при дворѣ сатаны; сохранилось лишь нѣсколько стиховъ о карточной игрѣ. (VII, 88). Къ 1822-му же году слѣдуетъ отнести и ту рукописную поэму, въ сочиненіи которой Пушкинъ потомъ такъ горько раскаявался, и которая впослѣдствіи возбудила противъ него справедливое негодованіе людей благомыслящихъ и навлекла непріятности со стороны духовнаго начальства. Пушкинъ всячески истреблялъ ея списки, выпрашивалъ, отнималъ ихъ, и сердился, когда ему напоминали о ней. Увѣряютъ, что онъ позволилъ себѣ сочинить ее, просто изъ молодаго литературнаго щегольства. Ему захотѣлось показать своимъ пріятелямъ, что онъ можетъ въ этомъ родѣ написать что нибудь лучше стиховъ Вольтера и Парни [87]).

Лѣтомъ 1822 года покинули Кишиневъ двое близкихъ знакомыхъ Пушкина: П. С. Пущинъ и М. Ѳ. Орловъ; первый былъ уволенъ вовсе отъ службы, второй отъ должности дивизіоннаго на-

---

[87]) Отъ П. В. Нащокина, В. П. Горчакова, С. Д. Полторацкаго и другихъ.

чальника, съ причисленіемъ къ арміи, оба, по непріятностямъ съ своимъ корпуснымъ генераломъ Сабанѣевымъ. Дивизіею въ Кишиневѣ сталъ командовать Нилусъ. Орловъ съ женою уѣхалъ въ Крымъ, куда такъ хотѣлось Пушкину, который писалъ тогда свой *Бахчисарайскій Фантанъ*.

Приду на склонъ приморскихъ горъ,
Воспоминаній тайныхъ полный,
И вновь Таврическія волны
Обрадуютъ мой жадный взоръ.

Но ему пришлось сдѣлать совсѣмъ другаго рода путешествіе, и при этомъ обогатиться новыми впечатлѣніями, плодомъ которыхъ впослѣдствіи была четвертая поэма *Цыганы*. Во второй половинѣ 1822 года съ нимъ случилась опять исторія. Подробности намъ неизвѣстны, но есть положительное свидѣтельство, что въ это время Пушкинъ опять за картами повздоривши съ кѣмъ-то изъ кишиневской молодежи, снялъ сапогъ и подошвой ударилъ его въ лице. Инзовъ разослалъ ихъ: Пушкина въ Измаилъ, а противника его въ Новоселицу [88]). Г. Анненковъ (матеріалы, стр. 90) говоритъ, что на этотъ разъ Пушкинъ доходилъ до самыхъ границъ имперіи, и въ доказательство приводитъ отрывокъ стихотворенія, въ которомъ между прочимъ сказано:

Объемлю грозный мраморъ твой,
Кагула памятникъ надменный.

Между тѣмъ изъ этого еще нельзя заключать, чтобы стихи были вызваны посѣщеніемъ мѣста Кагульской битвы: памятника тамъ, сколько мы знаемъ, нѣтъ никакого, и стихи вѣрнѣе будетъ

---

[88]) Зеленецкій, въ *Москвит.* 1854, № 9, стр. 6, передавая этотъ случай со словъ одного изъ чиновниковъ Намѣстничьей Канцеляріи, В. З. Писаренко, прибавляетъ, что П. С. Пущина тогда уже не было въ Кишиневѣ, и что Инзовъ послѣ помирилъ противниковъ.

отнести къ 1827 г., къ извѣстной колоннѣ Румянцева въ Царскомъ селѣ.

Гораздо опредѣлительнѣе указываетъ на тогдашнюю поѣздку Пушкина небольшое стихотвореніе 1822 года *Баратынскому изъ Бессарабіи*:

Еще до нынѣ тѣнь Назона
Дунайскихъ ищетъ береговъ....
И съ нею часто при лунѣ
Брожу вдоль берега *крутаго*.

Берегъ Дуная въ Измаилѣ дѣйствительно крутъ, а выраженіе про тамошнюю сторону: *она Державинымъ воспѣта* прямо относится къ извѣстной одѣ на взятіе Измаила.

Во всякомъ случаѣ поѣздка въ Измаилъ, по Буджацкой пустынѣ, надолго осталась памятна Пушкину. Онъ наскучилъ кишиневскою жизнью; ему надоѣли городскіе толки, возбужденные его горячностью, и вообще городская жизнь. Въ степяхъ онъ почувствовалъ себя на волѣ и захотѣлъ пожить беззаботною кочевою жизнью, снизойти на первую ступень человѣческаго общежитія. Встрѣтивъ на дорогѣ цыганскій таборъ, Пушкинъ присталъ къ нему и нѣсколько времени кочевалъ вмѣстѣ съ нимъ. Что это было дѣйствительно такъ, что воспитанникъ богатаго царскосельскаго лицея, проводилъ ночи на голой землѣ, у костровъ и подъ шатрами, свидѣтельствуетъ братъ его, сообщившій одно выпущенное прежде мѣсто изъ поэмы *Цыганы*:

За ихъ лѣнивыми толпами
Въ пустыняхъ праздный я бродилъ,
Простую пищу ихъ дѣлилъ,
И засыпалъ предъ ихъ огнями.

То же самое говоритъ Пушкинъ, разсказывая о своей музѣ:

И позабывъ столицы дальной
И блескъ и шумные пиры,
Въ глуши Молдавіи печальной
Она смиренные шатры

Племенъ бродящихъ посѣщала,
И между ними одичала
И позабыла рѣчь боговъ
Для скудныхъ, странныхъ языковъ
Для пѣсенъ степи, ей любезной....

Любопытно, что въ бумагахъ его нашлась замѣтка о происхожденіи и нравахъ Цыганъ [89]). Опять виденъ умный и зоркій наблюдатель, умѣвшій собирать съ жизни двойную дань поэзіи и знанія. Казалось бы, что чудныя южныя ночи у цыганскихъ костровъ, съ такою роскошью описанныя имъ, вполнѣ принадлежатъ міру поэзіи; но поэтическое упоеніе въ этой крѣпкой природѣ не исключало хладнокровной наблюдательности. Въ этомъ-то и сила Пушкина. Мѣстами (напримѣръ въ *Цыганахъ*) поэзія его, какъ самые роскошные душистые цвѣты, почти что отуманиваетъ голову, и рядомъ тутъ же читатель отрезвляется стройными образами самаго яснаго, разумнаго міросозерцанія.

Поэма *Цыганы*, написанная позже, и внѣшнимъ и внутреннимъ содержаніемъ своимъ вполнѣ принадлежитъ этому степному странствованію. Весьма вѣроятно, что у Цыганъ Пушкинъ и назывался именемъ *Алеко* (Александръ). Можно догадываться, что тутъ не обошлось также безъ

---

[89]) «Долго не знали въ Европѣ происхожденія *Цыгановъ* и считали ихъ выходцами изъ Египта. Донынѣ въ нѣкоторыхъ земляхъ и называютъ ихъ Египтянами. Англійскіе путешественники разрѣшили, кажется, всѣ недоумѣнія. Доказано, что *Цыганы* принадлежатъ къ отверженной кастѣ индѣйцевъ, называемыхъ *Паріа*. Языкъ ихъ и то, что можно назвать ихъ вѣрою, даже черты лица и образъ жизни—вѣрныя тому свидѣтельства. Ихъ привязанность къ дикой вольности, обезпеченной бѣдностью—вездѣ утомила мѣры, принятыя для преобразованія праздной жизни сихъ бродягъ. Они кочуютъ въ Россіи, какъ и въ Англіи; мужчины занимаются ремеслами, необходимыми для первыхъ потребностей, торгуютъ лошадьми, водятъ медвѣдей, обманываютъ и крадутъ; женщины промышляютъ ворожбой, пѣснями и плясками »

любви. Отъ того такая искренность, такая жизненность поэмы. Въ жилахъ поэта текла тоже восточная кровь. Покинувъ душный городъ, гдѣ ему было столько непріятностей, Пушкинъ радовался широкою волею степной жизни:

Подъ сѣнью мирнаго забвенья,
Пускай цыгана бѣдный внукъ
Не знаетъ нѣгъ и пресыщенья
И гордой суеты наукъ. ..
Нѣтъ, не преклонишь ты колѣнъ
Предъ идоломъ безумной чести,
Не будешь жертвой злыхъ измѣнъ,
Трепеща тайной жаждой мести.
О Боже! еслибъ мать моя
Меня родила въ чащѣ лѣса,
Иль подъ юртой Остяка
Въ глухой разсѣлинѣ утеса! (VII, 69)

Дорогою въ Измаилъ, или можетъ быть на обратномъ пути, Пушкинъ заѣзжалъ въ Тульчинъ, гдѣ находилась, какъ мы сказали, главная квартира корпуса и жили нѣкоторые знакомые его: при одномъ анакреонтическомъ стихотвореніи: *Мальчикъ, солнце встрѣтить должно*, означено имъ: *Тульчинъ, 1822.*

Кажется, что къ ноябрю мѣсяцу этого же года слѣдуетъ отнести новую и послѣднюю поѣздку его въ Чигиринскій повѣтъ кіевской губерніи, въ село Каменку, къ Давыдовымъ. Тамъ встрѣтился съ нимъ одинъ его петербургскій знакомый, изъ записокъ котораго извлекаемъ слѣдующее мѣсто: „Пріѣхавъ въ Каменку,—разсказываетъ онъ—я былъ пріятно удивленъ, когда случившійся здѣсь А. С. Пушкинъ выбѣжалъ ко мнѣ съ распростертыми объятіями.... Съ генераломъ былъ сынъ его, полковникъ Александръ Раевскій. Черезъ полчаса я былъ тутъ какъ дома. Орловъ, Охотниковъ и я, мы пробыли у Давыдовыхъ цѣлую недѣлю. Пушкинъ и полковникъ Раевскій прогостили тутъ столько же. Мы всякій день

обѣдали внизу у старушки матери. Послѣ обѣда собирались въ огромной гостиной, гдѣ всякій могъ съ кѣмъ и о чемъ хотѣлъ бесѣдовать. Жена А. Л. Давыдова, впослѣдствіи вышедшая въ Парижѣ за генерала Себастіани, была со всѣми очень любезна. У нея была премиленькая дочь, дѣвочка лѣтъ 12. Пушкинъ вообразилъ себѣ, что онъ въ нее влюбленъ, безпрестанно на нее заглядывался, и подходя къ ней, шутилъ съ ней очень неловко. Однажды за обѣдомъ онъ сидѣлъ возлѣ меня и, раскраснѣвшись, смотрѣлъ такъ ужасно на хорошенькую дѣвочку, что она бѣдная не знала что дѣлать и готова была заплакать. Мнѣ стало ея жалко, и я сказалъ Пушкину вполголоса: посмотрите, что вы дѣлаете! Вашими нескромными взглядами вы совершенно смутили бѣдное дитя. „Я хочу наказать кокетку, отвѣчалъ онъ; прежде она со мной любезничала, а теперь прикидывается жестокой и не хочетъ взглянуть на меня.“ Съ большимъ трудомъ удалось мнѣ обратить все это въ шутку и заставить его улыбнуться. Въ общежитіи Пушкинъ былъ до чрезвычайности не ловокъ и при своей раздражительности легко обижался какимъ-нибудь словомъ, въ которомъ рѣшительно не было ничего обиднаго. Иногда онъ корчилъ лихача, вѣроятно вспоминая Каверина и другихъ своихъ пріятелей-гусаровъ въ Царскомъ селѣ. При этомъ онъ разсказывалъ про себя самые отчаянные анекдоты, и все вмѣстѣ выходило какъ-то пошло. За то, когда заходилъ разговоръ о чемъ-нибудь дѣльномъ, Пушкинъ тотчасъ просвѣтлялся. О произведеніяхъ словесности онъ судилъ вѣрно и съ особеннымъ какимъ-то достоинствомъ. Не говоря почти никогда о собственныхъ своихъ сочиненіяхъ, онъ любилъ разбирать произведенія современныхъ

поэтовъ, и не только отдавалъ каждому изъ нихъ справедливость, но въ каждомъ изъ нихъ умѣлъ отыскать красоты, какихъ другіе не замѣтили. Я ему прочелъ одно изъ его неизданныхъ стихотвореній, и онъ очень удивился какъ я его знаю.... Въ то время не было сколько-нибудь грамотнаго прапорщика въ арміи, который бы не зналъ наизусть его запрещенныхъ стиховъ [90]).

Съ 1822 года положеніе Пушкина въ Кишиневѣ становится все тяжелѣе и для его горячаго нрава невыносимѣе. Разсказанныя нами исторіи должны же были оставить свои слѣды на немъ. Сонъ передъ поединкомъ Пушкинъ впослѣдствіи сравнивалъ съ ожиданіемъ замѣшкавшейся карты въ азартной игрѣ (VII, 139), и мы уже знаемъ, что онъ дѣйствительно не слишкомъ дорожилъ жизнью и любилъ отважно идти на всякую опасность; но все же эти встрѣчи со смертью необходимо потрясали все его нравственное существованіе и не могли проходить даромъ. Конечно, глядя теперь со стороны, можно съ увѣренностію утверждать, что кишиневская жизнь была полезна Пушкину, какъ поэту, что эти страсти разработывали его душу и вызывали намъ изъ нея новые живые звуки, которыми теперь мы такъ наслаждаемся; но каково было самому поэту въ болѣзненныя минуты поэтическаго развитія? Вотъ вопросъ. Нашлись ли люди, возлѣ которыхъ онъ могъ отдохнуть, которыхъ участіе было бы не оскорбительно, кому бы онъ могъ вполнѣ открыться и довѣриться? Онъ отвѣчаетъ отрицательно. У него были въ

[90]) Въ запискахъ Я—на эта встрѣча съ Пушкинымъ отнесена къ ноябрю мѣсяцу 1820 г.; но, по соображенію обстоятельствъ, это указаніе кажется намъ не точнымъ. Пушкинъ могъ быть въ Каменкѣ въ ноябрѣ мѣсяцѣ либо 1821-го, либо 1822 года.

Кишиневѣ добрые пріятели, Алексѣевъ, Горчаковъ, Полторацкій и другіе; но не было настоящаго друга въ родѣ Дельвига, Малиновскаго, Пущина (И. И.), или какимъ былъ позднѣе П. В. Нащокинъ; не было и такихъ людей, какъ Карамзинъ и Жуковскій, къ которымъ бы онъ могъ придти, разсказать все, требовать совѣта и не оскорбляясь выслушать упреки и наставленія. Въ добавокъ, на ту пору, разбрелся и кружокъ М. Ѳ. Орлова. Правда, ихъ горячія, иногда только заносчивыя рѣчи и требованія, въ виду практической неисполнимости, которая не могла укрываться отъ наблюдательнаго и зоркаго поэта, должны были порою тревожить его и наводить грусть; но онъ искренно дорожилъ этими людьми, и отсутствіе ихъ, безъ сомнѣнія было ему чувствительно.

Кого жь любить? Кому же вѣрить?
Кто не измѣнитъ намъ одинъ?
Кто всѣ дѣла, всѣ рѣчи мѣритъ
Услужливо на нашъ аршинъ?
Кто клеветы про насъ не сѣетъ?
Кому порокъ нашъ не бѣда?
Кто не наскучитъ никогда? (IV, 87).

Такого человѣка, конечно, не было. Между тѣмъ изъ Петербурга приходили неутѣшительныя вѣсти, надежда на возвращеніе изъ ссылки оставалась по прежнему только надеждою, положеніе при Инзовѣ, безъ опредѣленной дѣятельности, было какое-то праздное и двусмысленное, и въ довершеніе всего недостатокъ денежный. Впослѣдствіи Пушкинъ могъ говорить про себя, вспоминая прошедшее:

Я вижу въ праздности, въ неистовыхъ пирахъ,
Въ безумствѣ вѣтренной свободы,
Въ неволѣ, въ бѣдности, въ чужихъ степяхъ
Мои утраченные годы.... (I, 197).

Само собою разумѣется, что большинство людей, съ которыми онъ встрѣчался въ Кишиневѣ,

не могли дорожить высокими достоинствами поэта, и всего чаще лишены были способности открывать и замѣчать ихъ. Къ тому же имъ досадно бывало видѣть, какъ этотъ, едва вышедшій изъ дѣтства, баловень природы, безъ видимаго занятія, безъ всякихъ наглядныхъ заслугъ, пользуется уваженіемъ людей высоко поставленныхъ, водится съ первыми лицами города, не хочетъ знать привычныхъ условій и внѣшнихъ формъ подчиненности, ни передъ чѣмъ не останавливается, и все ему проходитъ. Степенное кишиневское чиновничество не въ силахъ было простить ему напр. небрежнаго наряда. Каково имъ было смотрѣть, какъ онъ разгуливаетъ съ генералами, въ своемъ архалукѣ, въ бархатныхъ шароварахъ, неприбранный и нечесанный, и размахиваетъ желѣзною дубинкою. Въ добавокъ, не попадайся ему, оборветъ какъ разъ. Молодой Пушкинъ не сдерживалъ въ себѣ порывовъ негодованія и насмѣшливости, а въ кишиневскомъ обществѣ было, какъ и вездѣ, не мало такихъ сторонъ, надъ которыми изощрялся умъ его. Находчивостью, рѣзкостью возраженій и отвѣтовъ, онъ выводилъ изъ терпѣнья своихъ противниковъ. Языкъ мой—врагъ мой, пословица, ему хорошо знакомая. Сюда относится большая часть анекдотовъ, которые ходятъ про него по Россіи. Такъ, напр., на одномъ обѣдѣ въ Кишиневѣ, какой-то солидный господинъ, охотникъ до крѣпкихъ напитковъ, вздумалъ увѣрять, что водка лучшее лекарство на свѣтѣ, и что ею можно вылечиться даже отъ горячки. „Позвольте усумниться,“ замѣтилъ Пушкинъ. Господинъ обидѣлся, и назвалъ его *молокососомъ*.—„Ну, ужь если я молокососъ, сказалъ Пушкинъ, то вы конечно *виносось*.“—И вотъ уже врагъ, готовый радоваться всякой ошибкѣ и распускать вся-

кую клевету! Какая-то дама, гордая своими прелестями и многочисленностью поклонниковъ, принудила Пушкина написать ей стихи въ альбомъ. Стихи были написаны, и въ нихъ до небесъ восхвалялась красота ея, но внизу, сверхъ чаянія, къ полнѣйшей досадѣ и разочарованію, оказалась помѣтка: *1 Апрѣля* [91]). Подобныхъ случаевъ, безъ сомнѣнія, было не мало. Кто-то выразился про Пушкина, играя словомъ *бессарабскій* съ намекомъ на его физіономію: *бѣсъ-арабскій*. Иногда поэту приходилось тяжело въ обществѣ, враждебно противъ него настроенномъ. Въ альбомѣ Онѣгина есть строфа, въ которой выражены эти отношенія:

Меня не любятъ и клевещутъ;
Въ кругу мущинъ несносенъ я,
Дѣвчонки предо мной трепещутъ,
Косятся дамы на меня.
За что? За то, что разговоры
Принять мы рады за дѣла,
Что важнымъ людямъ важны вздоры,
Что глупость вѣтрена и зла;
Что пылкихъ душъ неосторожность
Самолюбивую ничтожность
Иль оскорбляетъ, иль смѣшитъ,
Что умъ, любя просторъ, тѣснитъ.

Такъ онъ писалъ про себя, сознавая хорошо свое положеніе. Но пенять на судьбу, жаловаться на то, что его не понимаютъ, выставлять себя на показъ, было вовсе не въ его нравѣ. „Кюхельбекерно мнѣ на чужой сторонѣ,"—только этимъ и выражались его пени, даже и въ письмахъ къ ближайшимъ людямъ. Озлобленія въ немъ незамѣтно. Съ гордымъ равнодушіемъ, онъ продолжалъ являться всюду, и по прежнему посѣщалъ разнообразное кишиневское общество. На ту пору оно сдѣлалось еще пестрѣе. Вслѣдствіе греческаго возстанія, которое въ 1822

[91]) В. П. Горчакова: *Выдержки изъ Дневника.*

году охватило уже всю Турцію, многія семейства изъ княжествъ и изъ самой Турціи, спасались бѣгствомъ въ Россію, и находили убѣжище между прочимъ въ Кишиневѣ. Такъ, напр., въ одномъ отрывкѣ изъ записокъ своихъ Пушкинъ мимоходомъ упоминаетъ, что въ 1822 году, какая-то „старая молдаванская княгиня, набѣленная и нарумяненная,“ умерла въ его присутствіи отъ холерныхъ припадковъ (I, 281). Къ тому же 1822 году относится временное сближеніе его съ однимъ греческимъ семействомъ, какъ показываютъ тогдашніе стихи къ *Гречанкѣ (Ты рождена воспламенять воображеніе поэтовъ)*. Это была извѣстная въ Кишиневѣ Калипсо, пріѣхавшая изъ Константинополя вмѣстѣ съ матерью своею Полихроніей и съ другими Греками. Калипсо была красавица, но ее нѣсколько безобразилъ длинный носъ. Она прекрасно пѣла съ гитарой турецкія пѣсни: Пушкинъ тогда восхищался Байрономъ, а про Калипсо ходили слухи, будто она когда-то встрѣтилась съ знаменитымъ лордомъ и впервые познала любовь въ его объятіяхъ:

Быть можетъ, лирою счастливой
Тебя волшебникъ искушалъ; —
Невольный трепетъ возникалъ
Въ твоей груди самолюбивой,
И ты склонясь къ его плечу....
Нѣтъ, нѣтъ, мой другъ, мечты ревнивой
Питать я пламя не хочу:
Мнѣ долго счастье чуждо было,
Мнѣ ново наслаждаться имъ....

Сближеніе съ Байрономъ безъ сомнѣнія придавало Калипсѣ особенную заманчивость въ глазахъ Пушкина; но любовь къ ней была минутнымъ увлеченіемъ. Стихи свои (великолѣпные, но сравнительно-холодные) Пушкинъ скоро отдалъ въ печать (съ полнымъ своимъ именемъ), и уже одно это обстоятельство достаточно показываетъ, что настоящей любви тутъ не могло

быть. Черезъ годъ Пушкинъ знакомилъ съ Калипсо и ея матерью одного пріѣзжаго [92]), и по словамъ его, въ немъ уже не оставалось и слѣдовъ любовнаго жара.

Другое стихотвореніе, біографическаго содержанія, принадлежащее къ 1822 году, это *къ Друзьямъ*. Оно написано послѣ прощальной пирушки, которая устроилась у братьевъ Полторацкихъ по случаю отъѣзда изъ Кишинева общаго пріятеля ихъ свитскаго офицера *Валерія Тимофеевича Кека*. Пушкинъ говоритъ, что друзья отличили его особой почетной чашею:

..... жажду скиѳскую поя,
Бутылка полная вливалась
Въ ея широкія края.

Пили изъ складныхъ походныхъ стакановъ, которые вставляются одинъ въ другой; Пушкину дали самый большой, наружный:

Я пилъ, и думою сердечной
Во дни минувшіе леталъ,
И горе жизни скоротечной
И сны любви воспоминалъ.

Превосходный, художественный разборъ этой піесы, которая такъ живо изображаетъ положеніе ссыльнаго поэта въ Кишиневѣ, посреди военной молодежи, находимъ у Бѣлинскаго (Сочиненія, т. VIII, стр. 330). „Пушкинъ—говоритъ онъ — никогда не расплывается въ грустномъ чувствѣ; оно всегда звѣнитъ у него, но не заглушая гармоніи другихъ звуковъ души, и не допуская его до монотонности. Иногда, задумавшись, онъ какъ будто вдругъ встряхиваетъ головою, какъ левъ гривою, чтобъ отогнать отъ себя облако унынія, и мощное чувство бод-

---

[92]) Ф. Ф. Вигеля, пріѣхавшаго тогда на службу въ Кишиневъ. Покойный Вигель, въ 1853 году, позволилъ намъ сдѣлать отмѣтки изъ его Записокъ и выписать мѣста, въ которыхъ говорится о Пушкинѣ.

рости, не изглаживая совершенно грусти, даетъ ей какой-то особенный освѣжительный и укрѣпляющій душу характеръ.“

Меня смѣшила ихъ измѣна:
И скорбь исчезла предо мной,
Какъ изчезаетъ въ чашахъ пѣна
Подъ зашипѣвшею струей.

Поэтъ самъ былъ доволенъ этими стихами, и отослалъ ихъ въ Петербургъ, гдѣ они потомъ прочитаны были въ публичномъ засѣданіи Вольнаго Общества Любителей Россійской Словесности, въ домѣ Д. А. Державиной, и въ печати появились съ полнымъ его именемъ [93]).

Совсѣмъ другаго содержанія, но также въ біографическомъ отношеніи чрезвычайно любопытны и важны стихи 1822 года: *Люблю вашъ сумракъ неизвѣстный*, набросанные, неконченные Пушкинымъ, и сохранившіеся въ двоякомъ видѣ, черновомъ и болѣе отдѣланномъ (II, 323—325):

Ты сердцу непонятный мракъ,
Пріютъ отчаянья слѣпаго,
Ничтожество, пустой призракъ,
Не жажду твоего покрова!
Мечтанье жизни разлюбя,
Счастливыхъ дней не знавъ отъ вѣка,
Я все не вѣрую въ тебя:
Ты чуждо мысли человѣка.
Тебя страшится гордый умъ!...
Но, улетѣвъ въ міры иные,
Ужели съ ризой гробовой
Всѣ чувства брошу я земныя
И чуждъ мнѣ станетъ міръ земной?

[93]) Въ XXII-й части Трудовъ Вол. Общества Люб. Р. Словесности (1823 года) въ Лѣтописяхъ общества, въ описаніи этого публичнаго засѣданія, (22 мая), на стр. 296 и 297 сказано, что одинъ изъ членовъ общества, «цензоръ библіографіи» А. А. Бестужевъ прочелъ *Прощаніе*, сочиненіе А. С. Пушкина (въ стихахъ). Такого стихотворенія за то время мы не знаемъ у Пушкина, и думаемъ, что *Прощаніемъ* названы здѣсь стихи къ *Друзьямъ*.

Эти мысли о смерти, о загробной жизни, о безсмертіи души, находятся очевидно въ связи съ тогдашними его обстоятельствами. Можетъ быть, стихи эти и написаны наканунѣ одного изъ поединковъ.

Наконецъ есть еще стихотвореніе 1822 года, въ которомъ отразилась его Кишиневская жизнь, это *Уединеніе*. Послѣ сообщенныхъ выше подробностей, тутъ каждое слово становится понятно и получаетъ смыслъ автобіографическій:

Блаженъ, кто въ отдаленной сѣни,
Вдали *взыскательныхъ* невѣждъ,
Дни дѣлитъ межъ трудовъ и лѣни,
Воспоминаній и надеждъ;
Кому судьба друзей послала,
Кто скрытъ, по милости Творца,
Отъ усыпителя глупца,
Отъ пробудителя нахала.

Такъ и видится Пушкинъ въ его уединенной комнатѣ, подъ развалинами, на отдаленномъ концѣ Кишинева; онъ на время мирится съ судьбою и работаетъ, полный памятью о прежнихъ веселыхъ дняхъ и оживляемый надеждою на болѣе свѣтлое будущее.

Эти воспоминанія и надежды относились къ Петербургу. Почти все время Кишиневской жизни Пушкинъ разсчитывалъ, что ссылка его скоро кончится, и что ему позволятъ возвратиться въ столицу. Еще въ 1821 году, въ письмѣ къ брату (27 іюля) онъ говоритъ: „Пиши ко мнѣ, покамѣсть я еще въ Кишеневѣ.“ Въ письмахъ 1822 года безпрестанно выражается надежда на скорое свиданіе. Къ брату онъ пишетъ, отъ 24 января: „Постараюсь самъ быть у васъ на нѣсколько дней, тогда дѣла пойдутъ иначе“; 21 іюля: „Радость моя, хочется мнѣ съ вами увидѣться, мнѣ въ Петербургѣ дѣла есть; не знаю, буду ли къ вамъ, а постараюсь“; 6 октября:

„Я карабкаюсь, и можетъ быть явлюсь у васъ, но не прежде будущаго года.“ Тоже самое въ письмѣ къ Катенину, отъ 19 іюля, говоря о постановкѣ на сцену Корнелевой трагедіи Сида, переведенной Катенинымъ: „Какъ бы то ни было, надѣюсь увидѣть эту трагедію зимою, по крайней мѣрѣ постараюсь“; или къ Я. Н. Толстому, отъ 26 сентября: „Можетъ быть къ новому году мы свидимся, и тогда дѣло пойдетъ на ладъ.“

Такъ какъ оффиціальной ссылки не было, то Пушкинъ вѣроятно надѣялся, что его переведутъ по службѣ обратно въ Петербургъ, или хоть уволятъ въ отпускъ. Черезъ кого шли эти сношенія, у кого именно просилъ онъ ходатайства, опредѣлительно мы не можемъ сказать, по крайней мѣрѣ по имѣющимся у насъ матеріаламъ. Знаемъ только, что онъ писалъ письмо къ гр. Нессельроду, который тогда завѣдывалъ министерствомъ иностранныхъ дѣлъ [94]). Весьма вѣроятно, что заступниками и ходатаями были тѣ же лица, что и прежде, Карамзинъ, Жуковскій и братья Тургеневы. Но испросить помилованіе было довольно трудно. Обстоятельства не только не улучшились сравнительно съ 1820-мъ годомъ, когда Пушкинъ оставилъ Петербургъ, напротивъ сдѣлались еще тяжелѣе. Въ самый годъ удаленія Пушкина, произошла Семеновская исторія; въ министерствѣ просвѣщенія и духовныхъ дѣлъ, къ которому принадлежалъ Пушкинъ по роду своей дѣятельности, наступили времена крутыя; профессора Куницынъ и Арсеньевъ потерпѣли по службѣ; имѣлъ большое вліяніе знаменитый ревизоръ Магницкій, торжествовало его

---

[94]) Въ письмѣ къ брату отъ 6 октября 1822 г.: «Министру я писалъ, онъ и въ усъ не дуетъ.»

направленіе, и въ 1822 году даже самый Царскосельскій Лицей переданъ въ вѣдомство военно-учебныхъ заведеній. Къ тому же, удаленный по Высочайшему (хотя и не гласному) повелѣнію, Пушкинъ не иначе могъ быть и возвращенъ. Отлучки императора Александра, его безпрестанныя поѣздки то во внутреннія губерніи, то за границу, на Люблянскій и Веронскій конгрессы, тоже могли быть помѣхою. Къ императору естественно посылались только дѣла первой важности, и отнюдь не могла быть послана бумага о перемѣщеніи изъ одного мѣста въ другое какого-нибудь коллежскаго секретаря Пушкина. Отъ того Пушкина такъ занимаетъ вопросъ, когда возвратится государь. (Письмо къ брату отъ 30 января 1823 года). Неувѣренность въ своемъ положеніи, надежда, что можетъ быть завтра выдетъ разрѣшеніе ускакать изъ Кишинева, должны были усиливать душевную тревогу Пушкина. Онъ жилъ изо дня въ день, какъ-будто не на мѣстѣ, и безпрестанно собираясь въ дорогу.

За невозможностью свиданія, сношенія съ петербургскими друзьями ограничивались перепискою, и то довольно рѣдкою, отрывочною. Переписка эта далеко не вся обнародована, и можетъ быть значительная часть ея утратилась: время и быстрая смѣна обстоятельствъ истребляютъ слѣды прошедшаго, и къ тому же не въ нашихъ нравахъ было дорожить письмами и беречь ихъ. Впрочемъ, просимъ читателей помнить, что мы не пишемъ полной и связной біографіи Пушкина, а только собираемъ и приводимъ въ порядокъ матеріалы для нея. Доступа къ бумагамъ Пушкина и его ближайшихъ друзей мы не имѣли; можетъ быть, многое изъ тогдашней переписки его еще сберегается и совреме-

немъ будетъ сообщено во всеобщее свѣдѣніе. Сколько можно судить по тому, что у насъ есть, Пушкинъ хотя и переписывался со многими лицами, но довольно рѣдко. Онъ былъ слишкомъ молодъ и безпеченъ и слишкомъ надѣялся на скорое свиданіе, чтобы вести правильную и постоянную переписку за полторы тысячи верстъ. —Съ Карамзинымъ, какъ кажется, онъ вовсе не переписывался: лѣта и положенія были слишкомъ разны. Не знаемъ, уцѣлѣли ли письма его къ А. И. Тургеневу; но онъ навѣрное писалъ къ нему. Самъ Тургеневъ говоритъ въ одномъ изъ отрывковъ своей *Хроники Русскаго изъ Парижа*, что перебирая бумаги, попалъ на письмо къ нему Пушкина изъ Кишинева, отъ 21 августа 1821 года. „Письмо коротко, замѣчаетъ Тургеневъ, но ноготокъ востеръ" [95]). Въ 1822 году онъ ему послалъ свою *Пѣснь о вѣщемъ Олегѣ*, такъ какъ Тургеневъ былъ большой охотникъ до русской старины. Черезъ Жуковскаго шли, кажется, переговоры о возвращеніи изъ ссылки; но Пушкинъ жалуется брату, что рѣдко получаетъ письма отъ Жуковскаго, проситъ, чтобъ онъ по крайней мѣрѣ продиктовалъ своему человѣку Якову нѣсколько строчекъ къ нему. Дѣло въ томъ, что Жуковскій въ 1820 и 1821 г. ѣздилъ за границу съ великой княгиней Александрой Ѳеодоровной и потомъ былъ обремененъ своею должностью при дворѣ. Тогдашнія письма къ Чадаеву, какъ мы видѣли, утратились; но Пушкинъ не забывалъ своего друга, что показываютъ два стихотворныя посланія, одно изъ Крыма, другое изъ Бессарабіи. Писемъ къ Баратынскому, тоже, какъ мы слышали, не сохранилось, хотя они навѣрное были, какъ вид-

---

95) См. *Современникъ* 1841 года, томъ XXV, стр. 5.

но по двумъ обращеніямъ къ нему въ стихахъ (1822), находящимся въ печати. Безъ сомнѣнія также шла переписка съ Н. Раевскимъ-сыномъ, съ М. Ѳ. Орловымъ послѣ его отъѣзда изъ Кишинева, съ Д. В. Давыдовымъ и др. Изъ тогдашнихъ писемъ къ П. А. Катенину напечатано въ изданіи Анненкова (I, 58) только одно письмо отъ 19 іюля 1822 года, и тамъ же изложены бывшія между ними недоумѣнія. Въ письмѣ этомъ особенно видно для біографіи Пушкина слѣдующее, для насъ пока не совсѣмъ понятное, мѣсто: „Развѣ ты не знаешь несчастныхъ сплетней, коихъ былъ я жертвою, и не твоей ли дружбѣ (по крайней мѣрѣ такъ понималъ я тебя) обязанъ я первымъ извѣстіемъ объ нихъ?“ *Минутные друзья минутной молодости*, общество гусарское и Зеленой Лампы, Всеволожскій, Каверинъ, Юрьевъ, Мансуровъ, Молоствовъ, Василій Олсуфьевъ и другіе забыли Пушкина въ его далекой ссылкѣ. „Два года и шесть мѣсяцевъ никто ни строки, ни слова“, пеняетъ Пушкинъ въ вышеупомянутомъ письмѣ къ одному изъ нихъ, Я. Н. Толстому (I, 187). Не знаемъ, была ли переписка съ Малиновскимъ и И. И. Пущинымъ; но къ третьему лицейскому другу своему, барону Дельвигу, Пушкинъ написалъ изъ ссылки въ первый разъ только въ мартѣ 1821 года (см. выше) извѣстное письмо прозою и стихами. Все-таки, если бы можно было собрать и издать эти письма вмѣстѣ съ отвѣтами, такая книга вышла бы наилучшимъ поясненіемъ жизни нашего поэта, и въ то же время была бы живою картиною тогдашняго умственнаго и литературнаго движенія въ Россіи.

Переписка, болѣе или менѣе непрерывная, поддерживалась, кажется, только съ братомъ. Къ сожалѣнію и она дошла, по крайней мѣрѣ

до насъ, не вполнѣ; вопервыхъ мы не имѣемъ отвѣтныхъ писемъ брата, вовторыхъ самыя письма Александра Сергѣевича очевидно не всѣ уцѣлѣли [96]). Левъ Сергѣевичъ, не кончивъ курса въ пансіонѣ при педагогическомъ институтѣ, проживалъ въ Петербургѣ въ домѣ родителей, не имѣя опредѣленныхъ занятій и не торопясь поступать на службу. Въ 1822 году, о которомъ у насъ теперь идетъ рѣчь, ему было всего 16 лѣтъ. Онъ былъ очень похожъ на брата и лицемъ, и отчасти нравомъ. Пріятели Пушкина любили его, онъ имъ живо напоминалъ ссыльнаго поэта. Къ тому же онъ имѣлъ родовую наклонность къ занятіямъ словесностью. Такимъ образомъ Левъ Сергѣевичъ прямо съ ученической скамейки вступилъ въ кружокъ друзей своего брата. Пушкинъ покинулъ его въ Петербургѣ еще совсѣмъ мальчикомъ, и долгое время потомъ сохранялъ въ отношеніи къ нему нѣжное и въ тоже время покровительственное чувство старшаго брата. Въ воспоминаніяхъ о Петербургѣ онъ занималъ у него первое мѣсто, и мы видѣли, какъ онъ заботливо поручаетъ его Дельвигу. Переписываться съ нимъ, знать о немъ было для него потребностью сердца. Выше приведено письмо его къ брату съ разсказомъ о

---

[96]) Левъ Сергѣевичъ скончался въ Одессѣ въ 1854 году. Тогда же я обратился съ просьбою къ опекуну дѣтей его, С. А. Соболевскому, поискать въ его бумагахъ писемъ Пушкина. Изъ нижегородской деревни прислана была пачка писемъ, всего 34. С. А. Соболевскій позволилъ намъ снять съ нихъ копіи, которыми мы теперь и пользуемся. Потомъ письма эти были напечатаны въ *Библіогр. Запискахъ* 1858 г. (№ 1 2 и 4), но не вполнѣ, и не въ строгомъ порядкѣ.— Писемъ было конечно больше, нежели сколько теперь у насъ въ рукахъ. Недавно найдено еще одно чрезвычайно любопытное письмо (1825 года) г. Титовымъ въ бумагахъ П. М. Л—вой и напечатано въ *Библіогр. Запискахъ* 1861, № 13.

путешествіи, и другое, французское, съ наставленіями, какъ вести себя въ свѣтѣ. Отъ 1821 года уцѣлѣло только одно письмо (27 іюля) изъ котораго два отрывка, съ вопросами о новостяхъ словесности, и съ порученіемъ къ Всеволожскому, также приведены выше. „Здравствуй, Левъ,—пишетъ онъ ему — не благодарю тебя за письмо твое, потому что ты мнѣ дѣльнаго ничего не говоришь; я называю дѣльнымъ все что касается до тебя. Пиши ко мнѣ покамѣсть (sic) я еще въ Кишиневѣ. Я тебѣ буду отвѣчать со всевозможной болтливостью.... Скажи ему (Всеволожскому), что я люблю его, что онъ забылъ меня, что я помню вечера его, любезность его, V. C. P. его, L. D. его, Овошникову его, лампу его и все елико друга моего [97]). Поцѣлуй, если увидишь, Юрьева и Мансурова, пожелай здравія Калмыку и напиши мнѣ обо всемъ.“ Эти порученія ввели Льва Сергѣевича въ общество Зеленой Лампы и познакомили совсѣми его шалостями. „Пришли мнѣ Тавриду Боброва,“ заключаетъ Пушкинъ. *Таврида или мой лѣтній день въ Таврическомъ Херсонесѣ* — старинная поэма, сочиненіе Семена Боброва (Николаевъ, 1798). Пушкину захотѣлось взглянуть на нее: онъ тогда занятъ былъ своимъ *Бахчисарайскимъ Фонтаномъ*.

---

[97]) V. C. P.—значитъ Veuve Cliquot Pontchadrain—клеймо на пробкахъ шампанскаго. Что такое L. D., не знаемъ. Авдотья Ивановна Овошникова—петербургская танцовщица. Калмыкъ-мальчикъ, слуга у Всеволожскаго. См. о немъ замѣтку г. Журавлева въ *Москов. Вѣдом.* 1855 г., № 143. —Для характеристики этого общества молодыхъ повѣсъ можно прибавить, что у нихъ напр. разыгрывалось Изгнаніе Адама и Евы изъ рая, а одинъ изъ нихъ назывался *содомскимъ гражданиномъ.* Кто такіе были Юрьевъ и Мансуровъ—не знаемъ.

Отъ 1822 года сохранилось четыре письма къ брату. „Сперва хочу съ тобою побраниться — пишетъ Пушкинъ 24 генваря — какъ тебѣ не стыдно, мой милый, писать полурусское, полуфранцузское письмо, ты не московская кузина; во-вторыхъ, письма твои слишкомъ коротки: ты или не хочешь или не можешь мнѣ говорить открыто обо всемъ. Жалѣю: болтливость братской дружбы была бы мнѣ большимъ утѣшеніемъ. Представь себѣ, что до моей пустынѣ (sic) не доходитъ ни одинъ дружескій голосъ, что друзья мои какъ нарочно рѣшились оправдать мою элегическую мизантропію, — и это состояніе несносно. Письмо, гдѣ говорилъ я тебѣ о Тавридѣ, не дошло до тебя, это меня бѣситъ. Я давалъ тебѣ нѣсколько препорученій самыхъ важныхъ въ отношеніи ко мнѣ, чортъ *съ ними*; постараюсь самъ быть у васъ на нѣсколько дней, тогда дѣла пойдутъ иначе.“ Далѣе говорится о посылкѣ *Кавказскаго Плѣнника* Гречу, что̀ приведено у насъ выше. „Спроси Дельвига, здоровъ ли онъ—продолжаетъ Пушкинъ — все ли, слава Богу, пьетъ и кушаетъ; каково нашелъ мои стихи къ нему и пр. О прочихъ дошли до меня темныя извѣстія. Посылаю тебѣ мои стихи, напечатай ихъ въ *Сынѣ* (безъ подписи и безъ ошибокъ) [98]). Если хочешь, вотъ тебѣ еще эпиграмма, которую ради Христа не распускай, въ ней каждый стихъ правда.“ Слѣдуютъ двѣ эпиграммы: *Иной имѣлъ мою Аглаю*, и другая на Каченовскаго. „Покушай, пожалуста — кончаетъ онъ—Прощай, Фока, обнимаю тебя. Твой другъ Демьянъ.“ И стихи, и особенно эпиграммы, разумѣется, разнеслись по Петербургу. Левъ Сергѣевичъ становился вездѣ пріятнымъ гостемъ:

[98]) Какіе именно эти стихи, мы не могли доискаться.

отъ него можно было узнать новые стихи и остроты ссыльнаго брата.

Отъ 21 іюля: „Ты на меня дуешься, милый; не хорошо. Пиши мнѣ пожалуйста и какъ тебѣ угодно; хоть на шести языкахъ, ни слова тебѣ не скажу. Мнѣ безъ тебя скучно. Что ты дѣлаешь? Въ службѣ ли ты? Пора, ей Богу пора. Ты меня въ примѣръ не бери; если упустишь время, послѣ будешь тужить. Въ русской службѣ должно непремѣнно быть въ 26 лѣтъ полковникомъ, если хочешь быть чѣмъ-нибудь когда-нибудь, слѣдственно разочти. Тебѣ скажутъ: учись, служба не пропадетъ; а я тебѣ говорю: служи, ученіе не пропадетъ. Конечно я не хочу, чтобъ ты былъ такой же невѣжда какъ В. И. Козловъ, да ты и самъ не захочешь. Чтеніе—вотъ лучшее ученіе. Знаю, что теперь не то у тебя на умѣ, но все къ лучшему. Скажи мнѣ, выросъ ли ты? Я оставилъ тебя ребенкомъ, найду молодымъ человѣкомъ. Скажи, съ кѣмъ изъ моихъ пріятелей ты знакомъ болѣе? Что ты дѣлаешь, что ты пишешь? Если увидишь Катенина, увѣрь его ради Христа, что въ посланіи моемъ къ Чадаеву нѣтъ ни одного слова объ немъ; вообрази, что онъ принялъ на себя стихъ *И сплетней разбирать игривую затѣю;* я получилъ отъ него полукислое письмо, онъ жалуется, что писемъ отъ меня не получилъ. Не моя вина. Пиши мнѣ новости литературныя. Что мой *Русланъ?* Не продается? Не запретила ли его цензура? Дай знать. Если же Сленинъ купилъ его, то гдѣ же деньги? А мнѣ въ нихъ нужда. Каково идетъ изданіе Бестужева? Читалъ ли ты мои стихи ему посланные? Что *Плѣнникъ?* Радость моя, хочется мнѣ съ вами увидѣться; мнѣ въ Петербургѣ дѣла есть; не знаю, буду ли къ вамъ, а постараюсь. Мнѣ

писали, что Батюшковъ помѣшался. Быть нельзя; уничтожь это вранье. Что Жуковскій, и зачѣмъ онъ ко мнѣ не пишетъ? Бываешь ли ты у Карамзина? Отвѣчай мнѣ на всѣ вопросы, если можешь, и поскорѣе. Пригласи также Дельвига и Баратынскаго. Что Вильгельмъ? Есть ли объ немъ извѣстія? Прощай. Отцу пишу въ деревню" [99]).

Отъ 4 сентября. „На прошедшей почтѣ (виноватъ съ Долгорукимъ) я писалъ къ отцу, а къ тебѣ не успѣлъ, а нужно съ тобою потолковать кой о чемъ. Во-первыхъ о службѣ. Еслибъ ты пошелъ въ военную, вотъ мой планъ, который предлагаю тебѣ на разсмотрѣніе. Въ гвардію тебѣ не зачѣмъ; служить 4 года юнкеромъ вовсе не забавно. Къ тому же тебѣ нужно, чтобъ о тебѣ немножко позабыли. Ты бы опредѣлился въ какой-нибудь полкъ корпуса Раевскаго, скоро былъ бы ты офицеромъ, а потомъ тебя перевели бы въ гвардію. Раевскій и Киселевъ оба не откажутся. Подумай объ этомъ, да пожалуйста не слегка, дѣло идетъ о жизни. Теперь, моя радость, поговорю о себѣ."

---

[99]) Батюшковъ въ это время, вернувшись изъ Италіи, жилъ на Каменномъ острову, уже нѣсколько поврежденный въ умѣ. Вскорѣ его послали лечиться въ Крымъ; въ Симферополѣ онъ покушался было на жизнь свою, но потомъ къ нему опять приходили ясныя минуты, умъ его проявлялся во всемъ своемъ природномъ блескѣ и онъ даже писалъ прекрасные стихи. Въ январѣ 1823 г. Пушкинъ упоминаетъ о немъ въ письмѣ къ брату: «Батюшковъ въ Крыму. Орловъ съ нимъ видался часто. Кажется мнѣ, онъ изъ ума шутитъ.»—Дельвигъ служилъ тогда въ имп. публичной библіотекѣ.—В. К. Кюхельбекеръ, кажется, жилъ въ Парижѣ, на службѣ въ канцеляріи Нарышкина.—Баратынскій, тогда подпрапорщикъ Нейшлотскаго пѣхотнаго полка, пріѣзжалъ въ Петербургъ изъ Фридрихсгама. Нѣкоторое сходство участи влекло особенно къ нему Пушкина.—О В. И. Козловѣ знаемъ только, что въ 1823 году онъ издавалъ съ Воейковымъ *Новости Литературы*.

Слѣдуетъ опять порученіе къ Всеволожскому касательно запроданныхъ стиховъ.

Какъ ни мало печаталъ Пушкинъ въ сравненіи съ другими писателями, но литературное значеніе его быстро возрастало. Еще до появленія въ печати *Кавказскаго Плѣнника*, къ Пушкину обращены уже были ожиданія любителей словесности и читающей публики. Издатели журналовъ начинали заискивать его участія. Въ первой половинѣ 1822 года, гвардіи драгунскаго полка поручикъ *Александръ Александровичъ Бестужевъ* и отставной артиллеріи подпоручикъ *К. Р.* задумали составить сборникъ изъ разныхъ новыхъ произведеній русской словесности, на подобіе тѣхъ литературныхъ календарей или альманаховъ, которые тогда въ Германіи и Англіи во множествѣ выходили къ каждому новому году. У насъ, кажется, такого рода изданій прежде не было, если не считать *Аонидъ* Карамзина, появившихся еще въ прошломъ столѣтіи. Оба издателя, люди молодые и талантливые, побывавшіе съ войсками въ чужихъ краяхъ и въ Парижѣ, были уже довольно извѣстны въ печати. Р. помѣстилъ въ журналахъ нѣсколько историческихъ *Думъ*, а Бестужевъ еще до 1822 года принадлежалъ къ замѣчательнымъ дѣятелямъ въ словесности. Перебирая тогдашніе журналы съ 1819 года, безпрестанно встрѣчаешь его имя и удивляешься разнообразію его занятій. Онъ переводитъ съ польскаго, англійскаго и нѣмецкаго языковъ, обнаруживаетъ замѣчательныя познанія и въ русской исторіи и въ старинной нашей словесности, представляетъ въ общество соревнователей просвѣщенія и благотворенія (гдѣ былъ цензоромъ библіографіи) какой-то каменный ленъ, пишетъ повѣсти и разсказы, изъ

которыхъ сдѣлалась особенно извѣстною *Поѣздка въ Ревель*, но всего чаще является какъ остроумный критикъ [100]). Мнѣнія его были всегда оригинальны и свѣжи, выражались смѣло и съ убѣжденіемъ. Преслѣдуя, напр., своими замѣчаніями Катенина, одного изъ представителей шишковской партіи, онъ въ тоже время не только не увлекается Карамзинымъ, но даже отвергаетъ предложенія его почитателей, которые хотѣли познакомить его съ исторіографомъ [101]).

Изъ своей ссылки Пушкинъ не могъ не обратить на него вниманія. Впрочемъ и Р. и Бестужевъ встрѣчались съ Пушкинымъ еще до 1820 года, и были потомъ хорошо знакомы съ его пріятелями барономъ Дельвигомъ и Баратынскимъ. Собираясь издать *Полярную Звѣзду*, Бестужевъ обратился къ Пушкину съ просьбою о стихахъ для этого альманаха, или, какъ они тогда называли, календаря. Вотъ отвѣтное письмо Пушкина, изъ Кишинева, отъ 21 іюня 1822 года: „Милостивый государь Александръ Александровичъ, давно собирался я напомнить вамъ о своемъ существованіи. Почитая прелестное ваше дарованіе и, признаюсь, невольно любя ѣдкость вашей остроты, хотѣлъ я связаться съ вами на письмѣ не изъ одного самолюбія, но также изъ любви къ истинѣ. Вы предупре-

---

100) Псевдонимъ *Марлинскаго*, подъ которымъ впослѣдствіи такъ прославился Бестужевъ въ нашей словесности, былъ имъ принятъ еще въ 1822 году. Въ *Сынѣ Отечества* встрѣчаются его критическіе разборы съ этою подписью: *Марли*—такъ называется одинъ изъ Петергофскихъ дворцовъ. Тамъ вѣроятно стоялъ драгунскій полкъ, въ которомъ служилъ Бестужевъ.

101) См. *Русскій Вѣстникъ* 1861, мартъ и апрѣль, въ письмахъ Бестужева къ братьямъ Полевымъ.

дили меня. Письмо ваше такъ мило, что невозможно съ вами скромничать. Знаю, что ему не совсѣмъ бы должно вѣрить, но вѣрю поневолѣ, и благодарю васъ какъ представителя вкуса и вѣрнаго стража и покровителя нашей словесности. Посылаю вамъ мои бессарабскія бредни, и желаю, чтобы они вамъ пригодились. Кланяйтесь отъ меня NN, старинной моей пріятельницѣ. Кажется, голубушка еще не поумнѣла. Не понимаю, что̀ могло встревожить ея цѣломудренность въ моихъ элегическихъ отрывкахъ. Однако должно намъ постоять изъ одного честолюбія. Отдаю ихъ въ полное ваше распоряженіе. Старушку повидимому настращали моимъ именемъ; не называйте меня, а поднесите ей мои стихи подъ именемъ кого вамъ угодно (напримѣръ, услужливаго П—ва, или какого-нибудь нѣжнаго путешественника, скитающагося по *Тавридѣ*). Главное дѣло въ томъ, чтобъ имя мое до нея не дошло, и все будетъ слажено. Съ живѣйшимъ удовольствіемъ увидѣлъ я въ письмѣ вашемъ нѣсколько строкъ К. Ѳ. Рылѣева; они порука мнѣ въ его дружествѣ и воспоминаніи; обнимите его за меня, любезный Александръ Александровичъ, какъ я васъ обниму при нашемъ свиданіи.“

Этимъ начались сношенія. Вскорѣ Пушкинъ заочно подружился съ Бестужевымъ, и между ними завязалась довольно дѣятельная переписка, продолжавшаяся болѣе трехъ лѣтъ сряду, и судя потому, что̀ у насъ есть изъ нея, очень важная для исторіи Русской словесности. Въ то время Бестужевъ еще принадлежалъ къ числу пылкихъ почитателей Пушкина. Впослѣдствіи, какъ увидимъ, онъ перемѣнилъ мнѣнія свои.

Бессарабскими бреднями, отданными въ *Полярную Звѣзду*, Пушкинъ называетъ *Мечту*

воина, *Овидію*, *Гречанкѣ* и *Элегію* (*Увы! зачѣмъ она блистаетъ*). О первыхъ трехъ стихотвореніяхъ мы уже говорили; кому или про кого написано четвертое, относящееся къ 1819—1820 годамъ, намъ неизвѣстно. Печатаніе стиховъ видимо занимало Пушкина. „Въ посланіи къ Овидію—поручаетъ онъ брату (4 сент. 1822)—перемѣни такимъ образомъ:

Ты самъ, дивись, Назонъ, дивись, судьбѣ превратной,
Ты, съ юныхъ дней презрѣвъ волненье жизни ратной,
Привыкнувъ и пр.....»

Мы уже видѣли, что любимые стихи эти появились въ печати не такъ, какъ они были написаны. Въ это же самое время вышелъ въ свѣтъ и *Кавказскій Плѣнникъ*. Пушкинъ, какъ кажется, оживился; письма его наполняются запросами о томъ, что̀ дѣлается въ литературѣ. „Кстати объ стихахъ — продолжаетъ онъ въ томъ же письмѣ—то что я читалъ изъ *Шильонскаго узника*, прелесть. Съ нетерпѣніемъ жду успѣха *Орлеанской*....; но актеры, актеры! 5-стопные стихи безъ риѳмы требуютъ совершенно новой декламаціи. Слышу отсюда драммо торжественный ревъ *Глухорева*. Трагедія будетъ сыграна тономъ смерти Роллы. Что сдѣлаетъ великолѣпная Семенова, окруженная такъ какъ она окружена: Господи защити и помилуй, но боюсь. Не забудь увѣдомить меня объ этомъ и возьми отъ Жуковскаго билетъ для перваго представленія на мое имя.“ Предположенія Пушкина не сбылись: Жуковскій не ставилъ на сцену своего перевода Орлеанской дѣвы, и актеру Глухареву не пришлось декламировать пятистопныхъ стиховъ безъ риѳмъ.—Далѣе въ томъ же письмѣ Пушкинъ говоритъ о литературныхъ упражненіяхъ своего товарища Кюхельбекера, какихъ именно, мы не могли доискаться: „Читалъ стихи и прозу Кюхельбекера. Что за чудакъ!

Только въ его голову могла войти жидовская мысль воспѣвать Грецію, великолѣпную, классическую поэтическую Грецію, Грецію, гдѣ все дышетъ миѳологіей и героизмомъ, славянорусскими стихами, цѣликомъ взятыми изъ Іереміи. Чтобы сказали Гомеръ и Пиндаръ, но что говорятъ Дельвигъ и Баратынскій? *Ода къ Ерм.* лучше, но стихъ: *Такъ пѣлъ въ Суворова влюбленъ Державинъ..* слишкомъ уже греческой. Стихи къ Грибоѣдову достойны поэта, нѣкогда написавшаго: Страхъ при звонѣ мѣди заставляетъ народъ устрашенный, толпами стремиться въ храмъ священный. Зри, боже! число великій унылыхъ тебя просящихъ сохранить имъ цѣль трудъ многимъ людямъ принадлежащій и проч. Справься объ этихъ стихахъ у б. Дельвига." Видно, какъ Пушкинъ весь былъ преданъ словесности, какъ его занимали самыя мелочи въ этомъ отношеніи.

Слѣдующее за тѣмъ мѣсто того же письма дало Пушкину новаго корреспондента изъ Петербурга и повело потомъ къ крѣпкой на всю жизнь дружеской связи. Мы говоримъ о возникшей въ 1822 году перепискѣ нашего поэта съ другимъ тогдашнимъ критикомъ и стихотворцемъ ***Петромъ Александровичемъ Плетневымъ.*** Въ первый разъ П. А. Плетневъ встрѣтилъ Пушкина въ домѣ его родителей, когда онъ былъ еще лицеистомъ. Потомъ, служа вмѣстѣ съ Кюхельбекеромъ въ Екатерининскомъ институтѣ, онъ черезъ него сошелся и подружился съ Дельвигомъ. Всѣ трое хаживали на литературные суботніе вечера къ Жуковскому, гдѣ часто бывалъ Пушкинъ. Тамъ они и познакомились. Любовь къ словесности соединяла молодыхъ людей. Поздними вечерами они возвращались вмѣстѣ отъ Жуковскаго, и въ одушевленныхъ

бесѣдахъ не замѣчали дальнихъ разстояній столицы. Плетневъ напечаталъ тогда романъ одного своего покойнаго товарища студента *Ивана Георгіевскаго*: *Евгеній или письма къ другу*" (Спб. 1818. 12° 2 части), и къ этому довольно слабому произведенію написалъ предисловіе, въ которомъ разсказана жизнь рано умершаго сочинителя. „Зачѣмъ вы напечатали романъ—замѣтилъ ему Пушкинъ — вамъ бы выдать одно предисловіе, это вещь прелестная." Сношенія пока ограничивались обыкновеннымъ знакомствомъ, а потомъ Пушкинъ уѣхалъ. Въ 1821 году, въ 8-мъ (февральскомъ) номерѣ *Сына Отечества* появилась безъ подписи Элегія Плетнева, подъ заманчивымъ заглавіемъ *Б—овъ изъ Рима* [102]). Поэтъ Батюшковъ жилъ тогда въ Италіи, и отъ него ждали новыхъ стиховъ. Вышла забавная мистификація. Профессоръ Кошанскій въ Лицеѣ, прочитавъ Элегію своимъ слушателямъ, говорилъ: Вотъ сей часъ видѣнъ талантъ, чувствуется стихъ Батюшкова. Въ литературныхъ кружкахъ разошелся слухъ, будто Элегія написана Батюшковымъ. Прошло нѣсколько мѣсяцевъ; но въ 1822 году поэтъ возвратился въ Петербургъ, и какъ извѣстно, въ безпокойномъ, близкомъ къ помѣшательству, состояніи. Слухъ объ Элегіи дошелъ до него, и по справкѣ оказалось, что она получена въ журналъ отъ Плетнева. Батюшковъ подозрѣвалъ тогда, что у него множество враговъ, желающихъ уронить его славу, что противъ него какой-то заговоръ и что Плетневъ нарочно выбранъ, чтобъ повредить ему. Пушкину обо всемъ написали въ Кишиневъ, и на это онъ замѣчаетъ въ письмѣ къ брату: „Ба-

---

102) Въ *Сынѣ Отечества* 1822 г., № 7 напечатано стихотвореніе Плетнева *Ж—ій изъ Берлина*, съ подписью. Жуковскій передъ тѣмъ ѣздилъ въ Берлинъ.

тюшковъ правъ, что сердится на Плетнева; на его мѣстѣ я бы съ ума сошелъ со злости. *Б. изъ Рима* не имѣетъ человѣческаго смысла, даромъ что новость на Олимпѣ очень мила [103]). Вообще мнѣніе мое, что Плетневу приличнѣе проза нѣжели (sic) стихи. Онъ не имѣетъ никакого чувства, никакой живости, слогъ его блѣденъ какъ мертвецъ. Кланяйся ему отъ меня и пр.“ Левъ Сергѣевичъ не отличался скромностью. Письма отъ брата читались у него цѣлою компаніею. Тогда Плетневъ послалъ въ Кишиневъ по почтѣ извѣстное прекрасное посланіе свое:

Я не сержусь на ѣдкій твой упрекъ:
На немъ печать твоей открытой силы;
И можетъ быть, взыскательный урокъ
Ослабшія мои возбудитъ крылы.
Твой гордый гнѣвъ, скажу безъ лишнихъ словъ,
Утѣшнѣе хвалы простонародной:
Я узнаю судью моихъ стиховъ,
А не льстеца съ улыбкою холодной.
Притворство прочь. На поприщѣ моемъ
Я не свершилъ достойное поэта:
Но мысль моя божественнымъ огнемъ
Въ минуты думъ не разъ была согрѣта и пр.

Читая теперь это посланіе, видишь, какъ сбылось предчувствіе, выраженное въ концѣ его:

Мнѣ въ славѣ ихъ участіе дано,
Я буду жить безсмертіемъ мнѣ милыхъ [104]).

Такое простое, благородное и откровенное обращеніе не могло не тронуть Пушкина; онъ отвѣчалъ Плетневу какъ давнишнему пріятелю, а своему брату написалъ 6 октября: „Еслибъ ты былъ у меня подъ рукой, моя прелесть,

---

[103]) Что̀ такое *Новость на Олимпѣ*, намъ не понятно.

[104]) Въ то время не спѣшили печатаніемъ. Посланіе Плетнева появилось въ свѣтъ только въ 1824 году, въ *Трудахъ Вольнаго Общ. Люб. Рус. Слов.* въ XXVI-й (апрѣльской) части.

то я бы тебѣ уши выдралъ. Зачѣмъ ты показалъ Плетневу письмо мое? Въ дружескомъ обращеніи я предаюсь рѣзкимъ и необдуманнымъ сужденіямъ; они должны оставаться между нами; вся моя ссора съ Толстымъ [105]) происходитъ отъ нескромности к. Шаховскаго. Впрочемъ, посланіе Плетнева, можетъ быть, первая его піеса, которая вырвалась отъ полноты чувства. Она блещетъ красотами истинными. Онъ умѣлъ воспользоваться своимъ выгоднымъ противъ меня положеніемъ; тонъ его смѣлъ и благороденъ. На будущей почтѣ отвѣчу ему."—Надо прибавить, что передъ тѣмъ, въ іюльской (XIX) части *Трудовъ Общества Любителей Русской Словесности* появилась статья Плетнева объ антологическихъ стихотвореніяхъ, гдѣ нѣсколько теплыхъ, сочувственныхъ страницъ посвящено разбору Пушкинскихъ стиховъ *Муза*, а въ слѣдующей за тѣмъ октябрьской части того же журнала напечатанъ его разборъ *Кавказскаго Плѣнника*, замѣчательный по строго-нравственному требованію, предъявленному критикомъ въ отношеніи характера самаго *Плѣнника* (стр. 41 и 42) „Несчастный любовникъ могъ бы сказать ей: „мое сердце чуждо новой любви;" но кто имѣетъ причину признаваться, что онъ *не стоитъ восторговъ* невинности, тотъ разрушаетъ всякое очарованіе на счетъ своей нравственности... Впрочемъ, встрѣчая въ этой поэмѣ пропуски, означенные самимъ сочинителемъ, мы полагаемъ, что какія-нибудь обстоятельства заставили его представить публикѣ свое произведеніе не совсѣмъ въ томъ видѣ, какъ оно образовалось въ первомъ его состояніи." Кстати ска-

---

[105]) Съ гр. Ѳ. И. Толстымъ. Объ этой ссорѣ будетъ рѣчь въ 6-й главѣ нашего труда.

зать здѣсь, что пропуски, означаемые рядомъ точекъ и впослѣдствіи въ такомъ обиліи появившіеся въ *Онѣгинѣ*, давали поводъ къ обвиненію, будто Пушкинъ нарочно ставитъ ихъ для возбужденія любопытства читателей. Издѣваясь надъ этимъ, Грибоѣдовъ прислалъ однажды письмо въ Петербургъ, начинавшееся множествомъ точекъ.

Вскорѣ въ перепискѣ между Пушкинымъ и Плетневымъ *вы* замѣнилось словомъ *ты*, и они совершенно сблизились.

Намъ остается еще сказать о двухъ припискахъ въ томъ же письмѣ къ брату отъ 4 сентября. Одна французская: „Mon père a eu une idée lumineuse, c'est celle de m'envoyer des habits, rappelez la lui de ma part.“ Это порученіе напоминаетъ стихи 1822 года *Жалоба*:

Увы! никто въ моей роднѣ
Не шьетъ мнѣ даромъ фраковъ модныхъ
И не варитъ обѣда мнѣ [106]).

---

[106]) Кромѣ упомянутыхъ нами, къ 1822 году относятся еще слѣдующія стихотворенія:

1) 2) *Два Путника* и *Сонъ*— это отрывки неконченной поэмы *Вадимъ*, изъ которой пріятели Пушкина помнятъ еще два неизданные стиха:

Ты видѣлъ Новгородъ, ты слышалъ гласъ народа.
Жива въ ихъ памяти славянская свобода.

3) *Посланіе къ Ѳ. Н. Глинкѣ.* (Когда средь оргій жизни шумной). Ѳ Н. Глинка служилъ тогда при петербургскомъ генералъ-губернаторѣ гр. Милорадовичѣ. Не черезъ него ли, можетъ быть, шли сношенія о позволеніи Пушкину возвратиться въ Петербургъ? Позднѣе Пушкинъ писалъ о немъ брату: «Я радъ, что Гликѣ (sic) полюбились мои стихи, это была моя цѣль; въ отношеніи его я не Ѳемистоклъ, мы съ нимъ пріятели.» Къ чему это сказано, мы пока не можемъ себѣ объяснить; равно не понятно, почему Пушкинъ нѣсколько разъ пишетъ *Глика* вм. *Глинка.*

4) *Горишь ли ты лампада наша?*— въ упомянутомъ письмѣ къ Я. Н. Толстому.

Другая приписка относится къ Р. Въ *Сынѣ Отечества* того года (№ 23, іюнь) Пушкинъ прочелъ *Думу* Р.: *Богданъ Хмѣльницкій*, которая начинается стихами:

Средь мрачной и сырой темницы,
Куда лишь въ *полдень* проникалъ,
Скользя по сводамъ, лучь *денницы*
И ужасъ мѣста озарялъ и пр.

„Милый мой — приписываетъ Пушкинъ съ боку письма — у васъ пишутъ, что лучь денницы проникалъ въ полдень въ темницу Хмѣльницкаго. Это не Хвостовъ написалъ, вотъ что меня огорчило. Что дѣлаетъ Дельвигъ, чего онъ смотритъ“ [107])?

---

5) *Адели:*
По общему преданію написано къ дочери А. Л. Давыдова; но въ Крыму живетъ семейство приписывающее эти стихи одному изъ своихъ членовъ.

6) *Пріятелю* (не притворяйся, милый другъ).
7) *У Кларисы денегъ мало*
8) *Нѣтъ ни въ чемъ вамъ благодати.*

Намеки, заключающіеся въ послѣднихъ трехъ стихотвореніяхъ, остаются пока непонятны для насъ. Всего, отъ 1822 года имѣемъ *восемнадцать стихотвореній,* —меньше предъидущаго года; но теперь Пушкинъ занялся поэмами.

[107]) Тоже замѣчаніе повторено въ письмѣ къ брату, написанномъ въ началѣ слѣдующаго года, при вторичной посылкѣ стиховъ къ Глинкѣ (въ первый разъ они не дошли до него): «Душа моя, какъ перевести порусски *Bevues?* Должно бы издавать у насъ журналъ *Revue des Bevues*. Мы бы помѣстили тамъ выписки изъ критикъ Воейкова, полудневную денницу Р., его же гербъ Россійскій на вратахъ византійскихъ. (Во время Олега, герба русскаго не было, а двуглавый орелъ есть гербъ византійскій и значитъ раздѣленіе имперіи на зап. и вост.; у насъ же онъ ничего не значитъ) Повѣришь ли, мой милый, что нельзя прочесть ни одной статьи вашихъ журналовъ, чтобъ не найти съ десятокъ этихъ *bevues*; поговори объ этомъ съ нашими.» — Говорится о стихахъ въ *Думѣ* Р. *Олегъ Вѣщій*:

Прибилъ свой щитъ *съ гербомъ Россіи*
Къ Царьградскимъ воротамъ.

Слѣдующее за тѣмъ письмо (отъ 6 октября) Пушкинъ оканчиваетъ опять вопросомъ о своихъ стихахъ: „Къ стати, получено ли мое посланіе къ Овидію? Будетъ ли напѣчатано? (sic) Что Бестужевъ? Жду календаря его. Я бы тебѣ послалъ и новые стихи, да лѣнь. Прощай милый.“

Ожидаемый Пушкинымъ календарь Бестужева, или *Полярная Звѣзда, карманная книжка для любительницъ и любителей Русской Словесности на 1823 годъ, изданная А. Бестужевымъ и К. Р.*, вышла въ послѣднихъ числахъ декабря мѣсяца 1822 года (ценз. дозволеніе А. Бирюкова 30 ноября), въ 16 долю листа, 390 и 4 нен. стр. Успѣхъ былъ небывалый. И новость предпріятія, и самое содержаніе, даже и теперь, черезъ сорокъ лѣтъ, не утратившее отчасти своихъ достоинствъ, и наконецъ имена издателей обратили всеобщее вниманіе на этотъ первый у насъ альманахъ. Публика, еще до объявленія о выходѣ, стала раскупать его [108]). Кромѣ Карамзина, занятаго своей исторіей и никогда не раздроблявшаго ее въ печати, тутъ участвовали всѣ лучшіе писатели, Жуковскій, кн. Вяземскій, Баратынскій, Давыдовъ, Дельвигъ, Гнѣдичь и пр. Объ участіи Пушкина мы уже го-

---

[illegible] Черезъ два года, когда вышло собраніе *Думъ* Р., Пушкинъ не позабылъ написать ему: «Ты напрасно не поправилъ въ Олегѣ *герба* Россіи. Древній гербъ, св. Георгій, не могъ находиться на щитѣ язычника Олега. Новѣйшій, двуглавый орелъ, есть гербъ византійскій, и принятъ у насъ во время Іоанна III-го, не прежде. Лѣтописецъ просто говоритъ: «тоже повѣси щитъ свой на вратѣхъ, на показаніе побѣды.»

[108]) Такъ именно сказано въ послѣднемъ номерѣ *С. Отеч.* 1822 года. Цѣна *Полярной Звѣзды* была на бѣлой бумагѣ 8 р., на веленевой 10; за пересылку 2 р. — по теперешнему это очень дорогая цѣна.

ворили. Много шуму возбудила передовая статья Бестужева *Взглядъ на старую и новую словесность въ Россіи.* Послѣ общаго обозрѣнія, Бестужевъ перечислялъ писателей, и о каждомъ сказалъ по нѣскольку довольно уклончивыхъ, но замысловатыхъ изрѣченій. Одни обидѣлись этими приговорами, другіе тѣмъ, что объ нихъ вовсе не было упомянуто, и въ журналахъ поднялась полемика. Приверженцевъ старины, представителемъ которыхъ былъ *Вѣстникъ Европы*, особенно оскорбляло то, что молодой драгунскій офицеръ-самоучка судилъ и рядилъ заслуженныхъ писателей. Но къ Пушкину *Полярная Звѣзда* была очень любезна. Онъ поставленъ на ряду съ Жуковскимъ и Батюшковымъ, и про него сказано (стр. 24—25): „Еще въ младенчествѣ, онъ изумилъ мужествомъ своего слога, и въ первой юности дался ему кладъ русскаго языка, открылись чары поэзіи. Новый Прометей, онъ похитилъ небесный огонь, и, обладая онымъ, своенравно играетъ сердцами.... Мысли Пушкина остры, смѣлы, огнисты; языкъ свѣтелъ и правиленъ. Не говорю уже о благозвучіи стиховъ — это музыка; не упоминаю о плавности ихъ — по русскому выраженію, они катятся по бархату жемчугомъ!“ Кромѣ того, Бестужевъ помѣстилъ четыре стиха изъ *Кавказскаго Плѣнника* эпиграфомъ къ своей повѣсти изъ быта древнихъ Новгородцевъ: *Романъ и Ольга*, напечатанной въ *Полярной Звѣздѣ.* Повѣсть эта очень замѣчательна, какъ одна изъ первыхъ попытокъ разсказа, съ соблюденіемъ исторической обстановки. Мысль, очевидно вызванная романами Вальтеръ-Скотта, отъ которыхъ всѣ тогда сходили съ ума, и сильно занимавшая потомъ Пушкина.

Альманахъ былъ немедленно посланъ къ Пушкину вмѣстѣ съ деньгами за стихи. „Благоразумный Левинька — пишетъ Пушкинъ къ брату отъ 30 января 1823 года—благодарю за письмо. Жалѣю, что прочія не дошли. Пишу тебѣ окруженный деньгами, афишками, стихами, прозой, журналами, письмами, и все то благо, все добро. Пиши мнѣ о Дидло, объ Черкешенкѣ Истоминой, за которой я когда-то волочился подобно *Кавказскому Плѣннику*. Бестужевъ прислалъ мнѣ *Звѣзду*, эта книга достойна всякаго вниманія. Жалѣю, что Баратынскій поскупился [109]), я надѣялся на него. Каковы стихи къ Овидію? Душа моя, и *Русланъ* и *Плѣнникъ* и *Noël* и все дрянь въ сравненіи съ ними. Ради бога, люби двѣ звѣздочки, онѣ обѣщаютъ достойнаго соперника знаменитому Панаеву, знаменитому Р. и прочимъ знаменитымъ нашимъ поэтамъ. *Мечта воина* привела въ задумчивость воина, что̀ служитъ въ иностранной коллегіи и находится нынѣ въ бессарабской канцеляріи. Эта мечта напечатана съ ошибочнаго списка: *призванье* вмѣсто *взыванье*, *тревожныхъ думъ* — слово, употребляемое знаменитымъ Р., но которое по-русски ничего не значитъ. *Воспоминаніе и брата и друзей*—стихъ трогательный, а въ *Звѣздѣ* просто плоской [110]). Но все это не бѣда, были бы деньги. Я радъ, что Гликѣ полюбились мои стихи—это была моя цѣль. Въ отношеніи его я не Ѳемистоклъ; мы съ нимъ пріятели... Гнѣдичь у меня перебиваетъ лавочку:

---

[109]) Баратынскій далъ въ *П. Звѣзду* 1828 года стихи *Весна* (На звукъ цѣвницы голосистой) и автобіографическое посланіе *къ Дельвигу* (Дай руку мнѣ товарищъ добрый мой).

[110]) Слѣдовало *привычныхъ* думъ; а вмѣсто *и брата* въ *Звѣздѣ* было *и братьевъ*.

Увы, напрасно ждалъ тебя женихъ печальный

и проч. непростительно прелестно; зналъ бы своего Гомера, а то и намъ не будетъ мѣста на парнассѣ. Дельвигъ, Дельвигъ! Пиши ко мнѣ и прозой и стихами; благословляю и поздравляю тебя, добился ты наконецъ до точности языка, единственной вещи, которой тебѣ не доставало. En avant! marche."

Намекъ о Глинкѣ остается для насъ непонятенъ, Гнѣдичь заслужилъ такую похвалу за Элегію *Тарентинская Дѣва*, гдѣ описана смерть Эвфрозины, которая плыла на кораблѣ къ жениху и утонула; двумя звѣздочками помѣчены два стихотворенія самаго Пушкина; а Дельвигъ помѣстилъ въ *Полярной Звѣздѣ* извѣстную пѣсню свою: *Ахъ ты ночь ли ноченька*, *Сельскую Элегію*, прекрасный сонетъ *Вдохновеніе* и еще пѣсню *Розальты розочка*, которую до сихъ поръ распѣваютъ наши провинціальныя барышни.

Довольно замѣчательно, что къ самому Бестужеву на присылку *Полярной Звѣзды* Пушкинъ отозвался только черезъ нѣсколько мѣсяцевъ. Вотъ его письмо къ нему, уже отъ 13 іюня 1823: „Милый Бестужевъ. Позволь мнѣ первому перешагнуть черезъ приличія и сердечно поблагодарить тебя за *Полярную Звѣзду*, за твои письма, за статью о литературѣ, за *Ольгу* и особенно за *Вечеръ на бивакѣ*. Все это ознаменовано твоей печатью, т. е. умомъ и чудесной живостью. О *взглядѣ* можно бы намъ поспорить на досугѣ. Признаюсь, что ни съ кѣмъ мнѣ не хочется такъ спорить, какъ съ тобою, да съ Вяземскимъ, вы одни можете разгорячить меня. Покамѣсть жалуюсь тебѣ объ одномъ: какъ можно въ статьѣ о Русской Словесности забыть Радищева? Кого же мы будемъ помнить? Это молчаніе непростительно ни тебѣ,

ни Гречу, а отъ тебя его не ожидалъ. Еще слово: зачѣмъ хвалить холоднаго, однообразнаго Осипова, а обижать Майкова. *Елисей* истинно смѣшонъ: ничего не знаю забавнѣе обращенія поэта къ порткамъ:

Я мню и о тебѣ, исподняя одежда,
Что и тебѣ спастись худа была надежда.

— А любовница Елисея, которая сожигаетъ его штаны въ печи:

Когда для пироговъ она у ней топилась,
И тѣмъ подобною Дидонѣ учинилась.

А разговоръ Зевеса съ Меркуріемъ; а герой, который упалъ въ песокъ:

И весь сѣдалища въ немъ образъ напечаталъ,
И сказывали тѣ, что ходятъ въ тотъ кабакъ,
Что видѣнъ и по днесь въ пескѣ сей самый знакъ.

Все это уморительно [111]). Въ разсужденіи 1824 г. постараюсь прислать тебѣ свои Бессарабскія бредни, но нельзя ли вновь осадить №№ и со втораго приступа овладѣть моей Анѳологіей. Разбойниковъ я сжегъ и по дѣломъ. Одинъ отрывокъ уцѣлѣлъ въ рукахъ у Николая Раевскаго. Если отечественные звуки: харчевня, кнутъ, острогъ, не испугаютъ нѣжныхъ ушей читатель-

---

[111]) Во *Взглядѣ* Бестужева сказано: «Въ шутовскомъ родѣ извѣстны у насъ *Майковъ* и *Осиповъ*. Первый (1725—1778) оскорбилъ вкусъ своею поэмою *Елисей*. Второй, въ *Энеидѣ на изнанку*, довольно забавенъ и оригиналенъ.» Елисей дѣйствительно неприличенъ во всѣхъ отношеніяхъ, но смѣшонъ необыкновенно, и едва ли не выше *Опаснаго Сосѣда*.—Въ *Опытѣ Краткой Исторіи Русской Словесности*, Н. И. Греча, появившемся въ началѣ 1822 года, не сказано ни слова о Радищевѣ. Про себя Пушкинъ прочелъ тамъ такой отзывъ: «Важнѣйшее его сочиненіе есть романтическая поэма *Русланъ и Людмила:* въ ней видны необыкновенный духъ піитическій, воображеніе и вкусъ, которые, если обстоятельства имъ будутъ благопріятствовать, обѣщаютъ принести драгоцѣнные плоды....»

ницъ *Полярной Звѣзды*, то напечатай его. Впрочемъ, чего бояться читательницъ? Ихъ нѣтъ и не будетъ на русской землѣ, да и жалѣть не о чемъ. Я увѣренъ, что тѣ, которые приписываютъ новую сатиру Арк. Родзянкѣ, ошибаются; онъ человѣкъ благородныхъ правилъ и не станетъ воскрешать времена слова и дѣла. Доносъ на человѣка сосланнаго есть послѣдняя степень бѣшенства и подлости, да и стихи сами по себѣ недостойны пѣвца сократической любви [112]). Дельвигъ мнѣ съ годъ уже ничего не пишетъ. Попеняйте ему и обнимите его за меня. Онъ васъ, т. е. тебя обниметъ за меня. Прощай до свиданья."

Письмо это уже писано изъ Одессы. Когда именно Пушкинъ переѣхалъ туда, мы не можемъ опредѣлить съ точностью. Въ генварѣ 1823 года онъ еще не теряетъ надежды возвратиться въ Петербургъ, какъ видно по письму его къ брату отъ 30 числа этого мѣсяца: „Прощай, душа моя! если увидимся то зацалую, заговорю и зачитаю. Я вѣдь тебѣ писалъ, что кюхельбекерно мнѣ на чужой сторонѣ... Непріятно сидѣть въ заперти, когда гулять хочется." Но видно Пушкину надоѣло дожидаться разрѣшенія изъ Петербурга, и захотѣлось непремѣнно прогуляться. Къ тому же и средства на этотъ разъ нашлись. Онъ въ это время былъ при деньгахъ. Такъ, на святкахъ съ 1822 по 1823 годъ, въ Кишиневѣ устроился большой балъ по подпискѣ. Молодые Молдаване задумали было дать праздникъ, но приглашали на него по выбору. Тогда Русская молодежь, нарочно имъ въ укоръ, сложилась между собою и на свой

---

112) *Аркадій Гавриловичъ Родзянка*, стихотворецъ и пріятель Пушкина. То, что о немъ здѣсь говорится, требуетъ поясненія, котораго мы дать не можемъ.

балъ пригласила все общество, не обходя никого. Пушкинъ тоже далъ вкладу 100 рублей: „Смотри же, ни копѣйки больше", сказалъ онъ, отдавая эти деньги В. П. Горчакову. Кстати здѣсь привести любопытную черту, сообщенную тѣмъ же пріятелемъ Пушкина. У него накопилось нѣсколько золотыхъ монетъ, онъ суевѣрно берегъ ихъ, и ни за что не хотѣлъ тратить, какъ бы ни велика была нужда.

Самъ Пушкинъ такъ разсказывалъ брату о своемъ переселеніи въ Одессу: „Мнѣ хочется, душа моя, написать тебѣ цѣлый романъ — три послѣдніе мѣсяца моей жизни. Вотъ въ чемъ дѣло. Здоровье мое давно требовало морскихъ ваннъ; я на силу уломалъ Инзова, чтобъ онъ отпустилъ меня въ Одессу. Я оставилъ мою Молдавію и явился въ Европу. Рестораціи и итальянская опера напомнили мнѣ старину и, ей Богу, обновили мнѣ душу. Между тѣмъ пріѣзжаетъ Воронцовъ, принимаетъ меня очень ласково; объявляютъ мнѣ, что я перехожу подъ его начальство, что остаюсь въ Одессѣ. Кажется и хорошо, да новая печаль мнѣ сжала грудь: мнѣ стало жаль моихъ покинутыхъ цѣпей. Пріѣхавъ въ Кишиневъ на нѣсколько дней, провелъ ихъ неизъяснимо элегически, и выѣхавъ оттуда навсегда, о Кишиневѣ я вздохнулъ" [113]).

Это писано изъ Одессы, 25 августа; но выраженіе *три мѣсяца*, кажется, не точно; вышеприведенное письмо къ Бестужеву, отъ 13 іюня, противорѣчитъ этому показанію. Кромѣ того, въ запискахъ Ф. Ф. Вигеля опредѣлительно ска-

---

[113]) Сличи заключительные стихи *Шильонскаго Узника*:
Куда за дверь своей тюрьмы
На волю я перешагнулъ.
Я о тюрьмѣ своей вздохнулъ.

зано, что Пушкинъ пріѣзжалъ изъ Одессы въ Кишиневъ на двѣ недѣли, въ половинѣ марта мѣсяца. Стихотвореніе 1823 года *на выпускъ птички* по тону своему принадлежитъ еще, какъ намъ кажется, Бессарабіи и свидѣтельствуетъ, что день благовѣщенія онъ провелъ въ Кишиневѣ. Вигель написалъ ему въ Одессу, что старикъ Инзовъ зоветъ его къ себѣ назадъ и что Кишиневскія дамы соскучились по немъ. Пушкинъ тотчасъ явился проститься съ Кишиневымъ. Эти двѣ недѣли онъ прожилъ въ квартирѣ Н. С. Алексѣева, которому писалъ впослѣдствіи (въ ноябрѣ 1826 года), вспоминая Бессарабію, и начиная письмо стихами Жуковскаго:

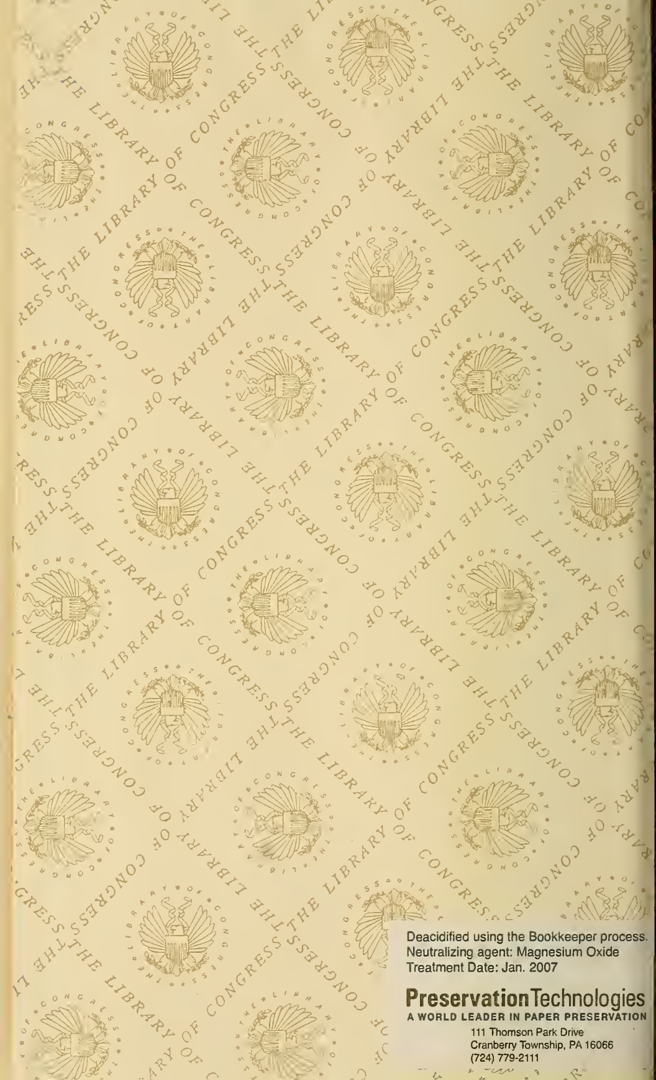
«Приди, о другъ, дай прежнихъ вдохновеній,
Минувшею мнѣ жизнію повѣй.»

Не могу изъяснить тебѣ мои чувства при полученіи твоего письма... Кишиневскіе звуки, берегъ Быка... Милый мой, ты возвратилъ меня Бессарабіи. Я опять въ своихъ развалинахъ, въ моей темной комнатѣ, передъ рѣшетчатымъ окномъ, или у тебя, мой милый, въ свѣтлой, чистой избушкѣ.“

Вскорѣ переѣздъ Пушкина въ Одессу получилъ оффиціальное подтвержденіе. Указомъ 7 мая 1823 года, новороссійское генералъ-губернаторство и вмѣстѣ намѣстничество въ Бессарабіи поручены были графу М. С. Воронцову. Инзовъ остался, какъ за три года передъ тѣмъ, только попечителемъ колонистовъ южнаго края. Бессарабская Намѣстничья канцелярія переѣхала въ Одессу, которую гр. Воронцовъ назначилъ по прежнему центромъ управленія. Вмѣстѣ съ другими чиновниками, и Пушкинъ перечислился въ Одессу, что огорчило старика Инзова. Не смотря на хлопоты, которыя доставлялъ ему Пушкинъ, старый добрый генералъ горевалъ о

немъ и говорилъ про него Вигелю: „Вѣдь я могъ бы удержать его: онъ былъ присланъ ко мнѣ, попечителю, а не къ бессарабскому намѣстнику.“

Такъ отзывался человѣкъ, приставленный смотрѣть за его поведеніемъ. Такъ точно было и во всемъ кишиневскомъ обществѣ: Пушкину простили его дуэли, заносчивыя рѣчи и шалости, и имя его остается памятно и любезно городу Кишиневу.

THE LIBRARY OF CONGRESS

THE LIBRARY OF CONGRESS
DOBBS BROS.
LIBRARY BINDING
ST. AUGUSTINE
FLA.
32084